

interaction

интеракция

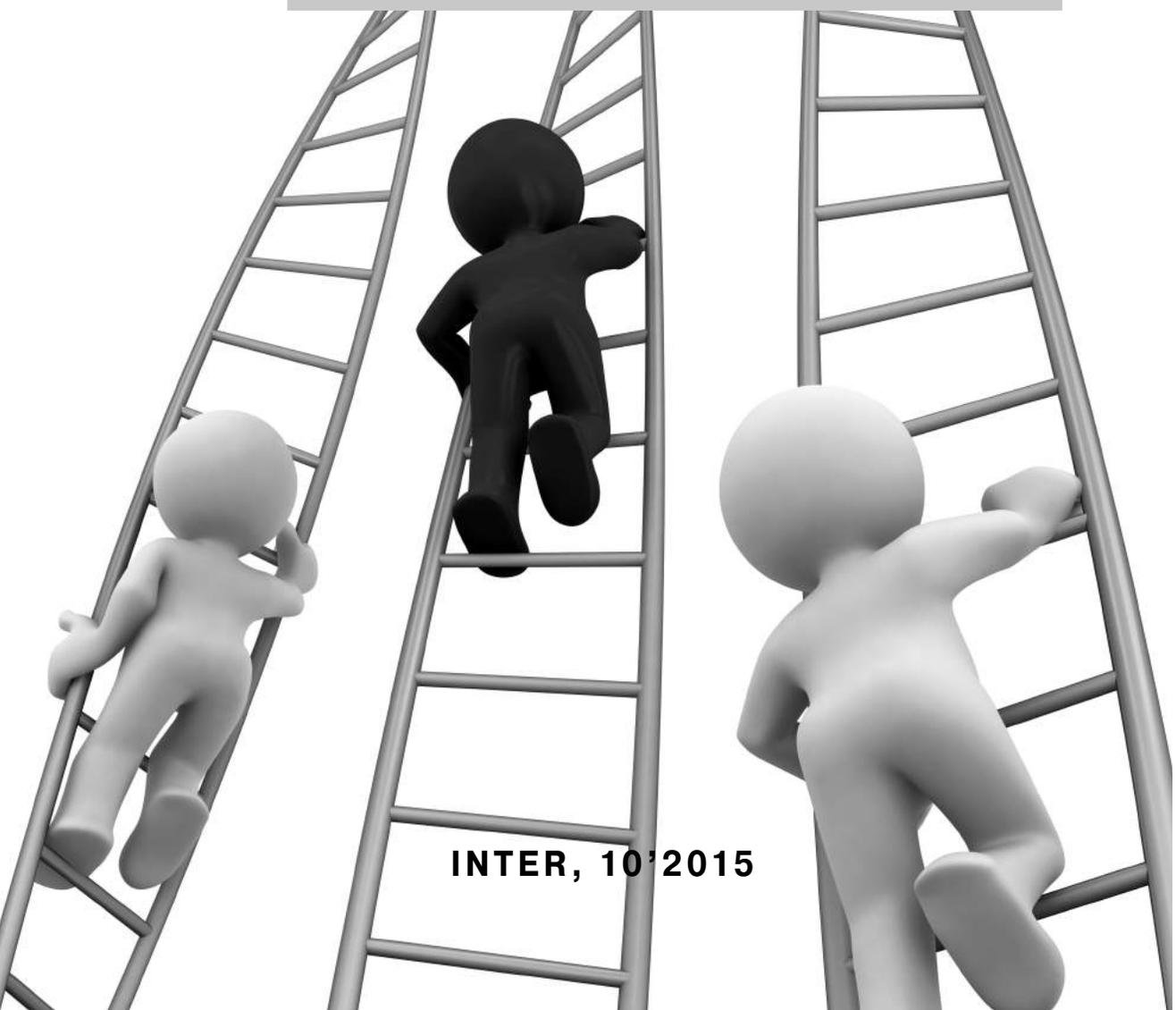
interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

INTER, 10' 2015

Институт социологии Российской академии наук
Российское общество социологов
Международная социологическая ассоциация
Комитет «Биографии и общество»

10'2015

© 2015 Журнал «ИНТЕРАкция.
ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация»

Соредакторы номера:

Александрина Ваньке (Москва, Россия)
Лена Иновлоки (Франкфурт-на-Майне, Германия)
Елена Рождественская (Москва, Россия)
Виктория Семенова (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

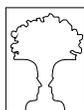
Розвита Брекнер (Австрия)
Том Венграф (Великобритания)
Леокадия Дробижева (Россия)
Кэти Дэвис (Нидерланды)
Кшиштоф Косела (Польша)
Анна Роткирх (Финляндия)
Елена Ярская-Смирнова (Россия)

Журнал рецензируемый
Индексируется РИНЦ

Номер подготовлен при финансовой поддержке
Российского научного фонда. Грант № 14-28-00217

Адрес редакции:

117259, Москва
Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
Тел.: (499) 128-86-18
Факс: (495) 719-07-40
e-mail: rusica@isras.ru

Содержание

Памяти В. А. Ядова	5
<i>Кшиштоф Косела</i> Прощальное письмо варшавских друзей.....	5
<i>Виктория Семенова, Елена Рождественская</i> Владимир Александрович Ядов	7
Исследования социальной мобильности	9
<i>Елена Омельченко, Гюзель Сабирова, Яна Крупец</i> Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии	9
<i>Наталья Кремнева, Евгения Лукьянова</i> Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте	26
<i>Анна Стрельникова</i> Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования	39
<i>Елизавета Полухина, Александра Горяйнова</i> Жилищные траектории московских семей в XX веке как объект вторичного анализа биографических интервью	47
<i>Мария Балакирева</i> Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов.....	60
<i>Павел Сушко</i> Успех по-сельски или как брать «быка за рога»: модели жизненного успеха сельской молодежи	70
<i>Константин Глазков, Анна Стрельникова</i> Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии.....	79
Визуальная социология	91
<i>Павел Демин, Станислав Пашков</i> Символика университета в восприятии студентов	91

Публичная социология	101
<i>Ольга Казьмина</i> «Управляемый хаос» — от теории к социальной практике российской «глубинки»	102
Обзоры конференций	112
<i>Надежда Васильева</i> Перспективы исследований социальной мобильности. Международный конгресс Европейской социологической ассоциации. Прага, 25–28 августа 2015 г.	112
Авторы номера	115
Abstracts and key words	118
Книги на рецензирование	121
Требования к рукописям, подаваемым в журнал	122

Памяти В. А. Ядова

Прощальное письмо варшавских друзей

Кшиштоф Косела*

Пораженные известием о смерти Владимира Ядова, его польские друзья погрузились в траур. Если бы дорога в Москву была так же проста, как путешествие из Варшавы на запад, мы бы — безмолвные и ошеломленные — предстали вместе со всеми провожающими профессора перед величием смерти. Присутствовать на похоронах нам помешали не наши директорские и деканские обязанности, а бюрократия визовых процедур. Поэтому мы просим о прочтении этого письма на погребении нашего Друга. Мирослава Грабовска, Эва Селлява-Кольбовска, Тадеуш Шавел и Кшиштоф Косела хотели бы хотя бы таким образом выразить уважение, привязанность, наш энтузиазм и заинтересованность работами Владимира Ядова, а также самим профессором как человеком. Письмо является также выражением воли сотрудников Кафедры Методологии Института Социологии Варшавского Университета. Позиция и полномочия позволяют мне присоединить к числу провожающих также членов научного сообщества Факультета Философии и Социологии Варшавского Университета. Среди нас, польских социологов, много друзей и знакомых Владимира Ядова, который не случайно являлся одним из немногих заграничным Почетным Членом Польского Социологического Товарищества.

Быть вместе и общаться было установкой Владимира Ядова. В 1998 г. он пришел в Институт Социологии Варшавского Университета, чтобы найти учеников своего друга, в то время уже покойного профессора Стефана Новака. Благодаря той первой встрече началось наше научное сотрудничество с Ядовым, завязалась дружба с ним. Наши встречи были интенсивными и радостными, искрили шутками, смехом и анекдотами. Оказалось, что сложная история взаимодействия наших обществ не помешала встречам. С большим энтузиазмом мы приняли решение сделать наши польско-российские встречи ученых и учащихся регулярными. Мы проводили общие исследования и многократно приезжали друг к другу. Препяды на пути сотрудничества не уменьшились, но не сократилось также наше стремление и упорство в поддержании близких контактов между варшавскими и московскими социологами. Мы постараемся и в будущем реализовать идею Владимира Ядова в области восстановления и активизации контактов.

На кафедре Методологии Социологических Исследований на ул. Каровой, 18 в Варшаве есть «красный уголок». Висят в нем фотографии наших научных старейшин — Станислава Оссовского, который учил Стефана Новака — уже нашего «научного отца». И там же можно видеть фотографию Владимира Ядова с неотъемлемой сигаретой в руке. Владимир занимает место среди научных отцов — невозможно переоценить пользы от наших встреч и общих дискуссий.

---

* Косела Кшиштоф, профессор, декан факультета философии и социологии Варшавского университета. kkosela@is.uw.edu.pl.

Сама жизнь Владимира Ядова становится памятником ему. Где этот памятник? На памятнике Кристоферу Рену, архитектору лондонского собора Святого Павла, написано: «Если ищешь свой памятник, оглянись вокруг». Если мы сегодня, думая об ушедшем Владимире Ядове, посмотрим вокруг — на своих коллег, на студентов, на читателей работ Владимира Ядова, везде мы увидим оставленный им глубокий и существенный след. Его несомненное влияние и есть памятник ему. Его памятник в памяти друзей и коллег воздвигнут и сохраняется в городе на Неве. Очень выразительный памятник Ядову оформился в Москве. Памятник доброй памяти создал себе наш почивший друг в Варшаве. Прощаясь сегодня, низко кланяемся Великому Социологу, нашему дорогому Владимиру.

Владимир Александрович Ядов

Виктория Семенова*, *Елена Рождественская***

Ушел из жизни Владимир Александрович Ядов, титан отечественной социологии. Для будущих поколений его имя и история российской социологии останутся связаны навсегда. Для студентов он был живой легендой, поколения студентов-социологов обучались и будут обучаться по его фундаментальному учебнику «Стратегия социологического исследования», первому российскому учебному пособию по методологии социологического исследования. Его труд «Человек и его работа», напечатанный еще в 1967 г. и не потерявший актуальность до сих пор, почти 50 лет спустя, воспитывал старшие поколения социологов тогда, когда не было профессионального социологического образования. С его толерантного отношения к качественным методам в то время, когда он был директором Института социологии РАН, началось бурное развитие отечественной «понимающей» социологии. Нам повезло, что у руля Института тогда находился Владимир Александрович, который совсем не разделял этих идей, но предоставил «пространство» для их развития, возможность работать в том направлении, которое не совпадало с его взглядом на социологию и его личным опытом.

Владимир Александрович Ядов

---

* Семенова Виктория, доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН, профессор социологического факультета ГАУГН. victoria-sem@yandex.ru.

** Рождественская Елена, доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИС РАН. rigasvaverite@gmail.com.

В последние годы жизни он был окружен широким кругом почитателей: друзей, коллег, учеников, но эта позиция патриарха не изменила его демократично-иронического отношения к себе как «рабочему социологу». Он называл себя «самонадеянный» мэтр, который всегда готов учиться чему-то новому, и в свои преклонные годы готов был снова стать студентом и осваивать иные горизонты и перспективы в своей любимой науке социологии, несмотря на его нелюбовь к новой «заумной» терминологии.

Одно из последних публичных выступлений В. А. Ядова было посвящено проблематике научных школ. Он говорил, что научными школами предопределяется естественный поступательный процесс развития науки. Школа самого профессора Ядова состоит не только в разработке теории диспозиционной установки личности и принципа парадигмальности современного социологического знания, его школа — это научная школа, опирающаяся на принципы научной обоснованности и методологической надежности социологических данных. В наш век, когда различные опросные институты свободно оперируют цифрами, мы понимаем насколько социально важным является такой подход.

Но школа Ядова — это еще и школа, которая установила высокие стандарты высокой моральной надежности и профессионализма социолога. И даже если человек уходит — такая школа продолжает свой поступательный процесс развития науки.

Исследования социальной мобильности

Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии

Елена Омельченко*, Гюзель Сабирова**, Яна Крупец***

В статье представлен анализ трудовой мобильности «портфельных» молодых работников Санкт-Петербурга, проведенный на примере одного кейса: биографического интервью 30-летнего работника крупной интернет-компании. Текст статьи представляет собой методологический эксперимент сочетания нескольких жанров исследовательского письма: академическое письмо, комментарий исследователя и жанр исследовательской рефлексии.

Ключевые слова: карьерная мобильность, молодежь, портфельная карьера, рефлексивность

Введение

Социальная мобильность, определяемая в широком смысле как различные перемещения (горизонтальные и вертикальные) по социальной структуре, с одной стороны, является достаточно разработанной темой социологического исследования, в том числе для Российского общества (см., напр.: Аврамова, 1999; Громова, 1998), с другой стороны, не теряет своей актуальности в современных условиях нестабильности и серьезных трансформаций, происходящих в нашем обществе и в глобальном мире. В данной статье мы сфокусировались на одном из параметров социальной мобильности — карьерной мобильности или изменении трудового статуса (статуса занятости) в рамках биографического проекта современной российской молодежи.

При этом мы позволили себе небольшой методологический эксперимент: взяли в качестве кейса для анализа одно биографическое интервью и проанализировали его с помощью одной выбранной оптики — мобильности. Анализ проходил в форме коллективной дискуссии исследователей, которая фиксировалась на диктофон, была затранскрибирована, и полученный текст также использовался при подготовке рукописи. В результате в одном пространстве статьи мы решили соединить несколько жанров научного письма: классический академический, включающий в себя постановку проблемы,

---

* Омельченко Елена, доктор социологических наук, профессор департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, директор Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ. omelchenkoe@mail.ru.

** Сабирова Гюзель, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, заместитель директора Центра молодежных исследований. guzelsabir@gmail.com.

*** Крупец Яна, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, заместитель директора Центра молодежных исследований. krupets@gmail.com.

обзор теоретической дискуссии, описание методологии проекта и полученных эмпирических результатов; жанр устного комментария — в тексте присутствуют высказывания исследователей, взятые из дискуссии и позволяющие, с одной стороны, дополнить эмпирические интерпретации авторов, с другой стороны, раздвинуть для читателя границы научной публикации и привнести в нее немного «скрытой исследовательской жизни», которая обычно остается за скобками; и жанр исследовательской саморефлексии — нашей попытки посмотреть на себя со стороны и сделать явными те «исследовательские уши», которые обычно торчат из наших «безличных» научных текстов, но старательно игнорируются и авторами, и читателями. Что из этого эксперимента получилось — судить вам.

Социальный и теоретический контекст исследования

Выход на рынок труда для молодых людей сам по себе уже связан с изменением их положения: переходом от статуса ребенка/подростка к статусу взрослого, приобретение новых прав и обязанностей. Дальнейшие перемещения молодого человека/девушки между местами работы или внутри одной организации на современном российском рынке труда определяются двумя контекстами: локальным и глобальным.

На локальном уровне молодежь сталкивается с ситуацией институциональной нестабильности постсоветского рынка труда. Разрушенные в годы перестройки советские карьерные структуры, отсутствие четких карьерных путей, также как и переопределение престижности профессий и сфер занятости, привели к тому, что работающему населению постсоветской России пришлось научиться приспосабливаться к изменившимся структурам и/или создавать новые условия работы и обеспечения стабильности, в том числе и карьерные. Для современных молодых выход на рынок труда сегодня сопряжен с нечеткими представлениями о том, как можно выстраивать собственную карьеру и по каким критериям оценивать собственные достижения. Другими словами, выстраивание карьерных планов и, тем самым, планов социальной мобильности, оказывается затрудненным уже в самом начале трудового пути в связи с отсутствием институциональных критериев и понятных перспектив.

Подобная локальная неопределенность и нестабильность совпала для современных молодых россиян с интенсивной глобализацией национальной экономики и общества, что привело к еще более сильным эффектам: нестабильность локальная пересеклась с нестабильностью глобальной. Так, в частности, к глобальным изменениям можно отнести переход к дезорганизованному капитализму и знаниевой экономике, переопределившим значение труда и карьеры в их традиционном «индустриальном» понимании. Тезис «конца труда» в постиндустриальную эпоху, прежде всего, провозглашает упразднение массового корпоративного труда или его диверсификацию, сокращение рабочего дня, реформирование графиков и мест работы. Подразумевается, что они становятся более гибкими, индивидуализированными, а граница между «рабочим» и «нерабочим» стирается, как и организационные линейные карьеры уходят в прошлое, уступая место новым карьерам / карьерным путям (Arthur, Rousseau, 1996; Cohen, Mallon, 1999; Handy, 1992; Hall, 1996).

Сегодня исследователи все чаще оперируют такими понятиями, как мультинаправленная, посткорпоративная, безграничная, протенианская (protean), калейдоскопическая, портфельная карьера, характеризующими особенность современной ситуации. Всплеск таких исследований пришелся на 90-е годы XX века, и с тех пор они активно развиваются. Несмотря на то, что в каждом термине отражается какая-то одна из сторон изменений в карьере, в современном дебате они часто используются как синонимы. В нашем эмпирическом анализе мы будем, в первую очередь, использовать термин портфельная карьера.

В целом новая, или современная, карьера характеризуется нелинейностью, множественностью форм, гибкостью, изменчивостью, субъективностью, неопределенностью, индивидуальной ответственностью за управление карьерой, обучением на рабочем месте и значимостью общих компетенций (Sullivan, 1999). Также важно отметить, что именно идея мобильности становится одним из конституирующих оснований для развития таких новых карьер (Forrier, Sels, Stynen, 2009).

Обратим внимание, что если для организационной (объективной) карьеры было характерно наличие стабильной структуры продвижения работника от одной позиции к другой вверх по иерархической лестнице в рамках организации или сферы, то для новых карьер такой четкой разметки пути больше не существует. В связи с этим уменьшается значение структуры и возрастает роль агента в конструировании собственного биографического проекта (Inkson, Gunz, Ganesh, Roper, 2012; Walton, Mallon, 2004) и, если смотреть более широко, переопределяется перспектива изучения социальной мобильности в целом: от поиска объективных показателей и параметров к изучению субъективных представлений и оценок. В рамках исследований новых карьер все более распространяется интеракционистская традиция исследований, которая фокусируется на понимании смыслов карьеры для самих работников и том, как они сами воспринимают (испытывают) свою карьеру, тем самым приближаясь к «истории жизни». Такой подход также допускает включение в анализ и институциональной составляющей, возникающей в ходе взаимодействия агентов структур, которые становятся паттернами реализации карьеры (см., напр., концепцию карьерных скриптов: Walton, Mallon, 2004).

В рамках такой карьеры работник, с одной стороны, обретает свободу и становится сам себе хозяином (само-предпринимателем), однако, с другой стороны, он оказывается в ситуации повышенной нестабильности, уязвимости и прекарности. Один из вопросов, волнующих современных исследователей: в данной ситуации кто перед нами — свободные творцы/само-предприниматели или новый угнетаемый класс — прекариат (Standing, 2011). При этом ряд исследователей подчеркивают, что говорить о тотальном постиндустриальном повороте в области трудовых отношений все еще преждевременно, что доля «портфельных людей» на рынке не выросла так стремительно, как ожидалось, и что «старые» модели организации занятости и границы в выстраивании карьеры все еще продолжают воспроизводиться работодателями и могут быть желанными для работников (Gunz, Evans, Jalland, 2000; Inkson et al., 2012).

В своем исследовании, о котором речь пойдет ниже, мы задавались вопросом о специфике карьерных путей городской молодежи. Вопрос возраста и поколенческих отличий очень важен при изучении карьер (см., напр.: Sullivan, Forret, Carraher, Mainiero, 2009), прежде всего из-за того, что карьерный проект сильно привязан к этапам жизненного курса, а возраст/время становится ресурсом, востребованным как со стороны структур, так и со стороны самих работников (что осмысляется ими в нарративах). При этом важно отметить, что исследователи в ряде случаев пытаются выявить, в каких возрастных группах какой тип карьеры наиболее представлен. Например, Хенди, говоря о портфельных карьерах, часто говорит о пенсионерах, для которых такой тип работы может оказаться максимально подходящим (Handy, 1992). В то же время другие исследователи обращают внимание на то, что именно молодежь чаще других работников меняет места работы и характеризуется краткосрочной занятостью, тем самым скорее допускает развитие портфельной карьеры. Ниже мы подробнее остановимся сначала на общих характеристиках карьерных путей и «портфельности» молодых жителей Санкт-Петербурга, а потом более глубоко рассмотрим феномен карьерной мобильности на примере одного случая: 30-летнего портфельного работника, работающего удаленно на крупной интернет-компанию.

Методология исследования

Данная статья основана на результатах проекта «Молодежные солидарности и поколения XXI века: ценность труда и потребления», проведенного в 2014 г. сотрудниками Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ¹. Эмпирическое исследование было реализовано в логике качественной методологии. Основным методом сбора данных выступало биографическое интервью, в рамках которого информанты рассказывали и о своей трудовой биографии. Выбор такого метода был, в том числе, продиктован нашим решением сконцентрироваться на изучении субъективных карьер, то есть на тех смыслах и значениях, которые приобретают работа и карьера (как способ организации собственной трудовой биографии) для молодежи.

В исследовании приняли участие 60 молодых петербуржцев в возрасте 20–25 лет и 30–35 лет, характеризующиеся различным типом занятости (наемные работники в крупном и среднем бизнесе, наемные работники в бюджетных организациях и самозанятые). Уровень образования не выступал критерием для отбора (такое аналитическое нивелирование образовательных отличий было введено специально и обусловлено, прежде всего, характером современного российского рынка труда молодежи, на котором наблюдается размывание четких границ между занятостью выпускников вузов и выпускников ссузов). В результате в выборке наблюдается определенное смещение в сторону молодежи с высшим образованием, вместе с тем присутствуют и молодые люди со средне-специальным образованием.

Получившаяся коллекция интервью представляет собой достаточно разнообразную картину. Здесь есть сотрудники средних фирм и крупных (таких как «Газпром», «Стокман»), занимающиеся самыми разными видами деятельности (строительный бизнес, недвижимость, нефтегазовая переработка, цифровое телевидение, импортная торговля и др.), есть работники бюджетных государственных организаций (учителя, актеры, социальные работники), а также самозанятые (индивидуальные предприниматели и фрилансеры). Несмотря на невозможность репрезентации результатов на всю городскую молодежь России, наши данные, на наш взгляд, позволяют ухватить основные тенденции в построении карьеры городской молодежи и провести глубинный анализ некоторых особенно интересных случаев.

Общая характеристика трудовых установок и карьерных путей работающей городской молодежи

Перед тем, как мы перейдем к более детальному анализу трудовой мобильности на примере одного кейса — 30-летнего петербуржца, являющегося представителем портфельных работников, остановимся кратко на нескольких ключевых тенденциях трудового поведения современной городской молодежи. Все они, так или иначе, связаны с растущей индивидуализацией и мобильностью современного общества (Бауман, 2008; Урри, 2012).

Опираясь на полученные данные, можно представить схожие поведенческие паттерны молодых работников, принадлежащих к так называемому поколению Y, вне зависимости от характера, типа и сферы их занятости. К таким «скриптам», которые, вероятно, постепенно будут приобретать институциональный характер, можно отнести: тенденцию к частой смене рабочих мест, короткий стаж работы на одном месте, отсутствие долгосрочного планирования, работа не по специальности, получение дополнительного образования, совмещение работы и хобби. Обратим внимание, что трудовая социализация

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

молодежи сегодня может и не основываться на профессиональной, более того — нивелировать ее значимость или переопределять ее в качестве «общечеловеческой».

Практически у всех информантов наблюдается множественная занятость, которая соответствует, хотя бы частично, рассмотренной выше концепции портфельной, безграничной карьеры. Это может быть вариант вторичной занятости, совместительства, фрилансерства с несколькими проектами. Более того, именно множественная занятость для наших информантов становится одной из ключевых стратегий на рынке труда. Одно рабочее место может не удовлетворять все потребности молодежи, что приводит к сознательной диверсификации собственного труда и рабочих мест. Первое из них может быть ориентировано на карьерный рост и определенную статусную позицию, другое — на заработную плату, третье — на творческий рост и возможность самореализации и т. д. При этом именно множественная занятость является гарантом поддержания нужного уровня потребления в различных жизненных ситуациях. Примечательно также, что вторичная занятость часто является не необходимостью, дополнительным бременем для человека, а специфической формой организации труда (тем самым «портфелем»), когда граница между работой / не работой постепенно стирается, а работник удовлетворяет комплекс разнообразных потребностей.

Также отметим, что среди информантов наблюдается достаточное единство в представлениях о том, какой должна быть работа. «Нужно заниматься тем, что нравится» и «чтобы не было скучно» — эти два положения стали своего рода философией. Социальные контексты детства и взросления современной российской молодежи способствовали тому, что ценность удовольствия стала важной составляющей их жизненных принципов, а тренинги карьерного роста и современная литература по развитию бизнеса укрепляют этот ориентир: надо делать ставку на то, что нравится. Удовольствие при этом может быть разным, и можно делать акценты на разные стороны «работы». Так, для одних молодых людей главное удовольствие в работе заключается в приятном общении в коллективе, для других — в том, что работа «комфортна», для третьих — в том, что делаешь интересное дело, для четвертых, что она дает возможность самореализации и др. Этот спектр достаточно большой, и, несмотря на то что удовольствие становится важной целью, многообразие форм ее проявления может любую работу сделать для молодых людей привлекательной, но не постоянно, а на какой-то период. Идея того, что не должно быть скучно, внутренне подразумевает готовность и желание смены деятельности, что человек не должен всю жизнь работать на одном месте, что это делает его ригидным — яркий пример такого отношения мы как раз найдем ниже при глубинном анализе кейса.

Описание кейса. Виктор

Интервью (продолжительность 1 час 28 минут) проходило в кафе Санкт-Петербурга. В начале интервью информант был краток, но постепенно втянулся и начинал отвечать с удовольствием, демонстрируя очевидную вовлеченность в тему (интервьюер Оксана Сойту²).

Виктор — 30 лет, не женат, снимает с друзьями квартиру, образование — средне специальное (электрик), место работы на момент интервью — крупная интернет-компания, должность — специалист технической поддержки, дополнительная занятость — вебдизайнер, общий индивидуальный доход — 50–60 тыс. рублей в месяц, основные траты — жилье (12 тыс. рублей), еда (10 тыс. рублей).

² Сойту Оксана, стажер-исследователь Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

Родился в г. N 1 (Ленобласть), переехал с семей в г. N 2 (Ленобласть), на момент интервью — живет в Петербурге. Окончил Профессиональный политехнический лицей в г. N 1, «по специальности не работал, т. е. для корочки». Родители — «Чем отец занимается я, не знаю, потому что я его не видел с пятого класса. ... а мама работает в отеле в г. N 1...», образование родителей — среднее. В школе учился хорошо: «учился не на отлично, но прилежно ..., для себя», активно посещал кружки: «...восемь лет играл в футбол, пару лет играл в баскетбол... один класс музыкальной школы, не пошло. Всякие шахматы...», продолжает увлекаться спортом и сейчас «...продолжаю заниматься футболом, играю с друзьями регулярно, занимаюсь параллельно фитнесом, хожу в зал, тоже регулярно. Велосипед. По поводу музыки, ну она так повсеместно везде ... Интернет интересен, компьютерные игры. Ну все». После 9-го класса хотел идти в 10-й, но «мама надоумила собственно получить техническую специальность рабочую, собственно, электрика. Я сопротивлялся, но была тяжелая финансовая ситуация в семье, и мама боялась, что она не потянет обучение двух детей в Петербурге, поэтому пришлось остаться и получать это образование». Виктор считает это потерей базы знаний, которую он получал в школе, но мама «мне большого выбора не оставила... она мне дала понять, что на вуз мне сейчас рассчитывать не стоит...». После трех лет обучения в лицее Виктор забирает документы и посещает подготовительные курсы для поступления в Политехнический университет, но проваливает экзамены и возвращается в лицей на 4 курс. Время обучения в лицее описывает как крайне неинтересное «...я через полгода понял, что меня здесь не учат... Заведение для дебилов, т. е. кто не может никуда поступить, им там совсем как для валенок на пальцах объясняют элементарные вещи, которые я давным-давно уже знаю еще из школы, а они там школьную программу повторяют, чуть ли не «жи», «ши» пиши с буквой и... Мне не нравилось, что я просиживаю штаны, я понимал, что я не получаю того образования... и вообще я теряю время». По специальности Виктор никогда не работал: «не мое». После 4 курса он поступает на платное обучение в филиал Санкт-петербургского университета в г. N 2, но сразу уходит — не понравилось: «решил не терять время и уже сосредоточиться на работе. К тому времени я уже работал» — в магазине бытовой техники, понял, что зарабатывать деньги можно и без «платформы образования». Первая серьезная работа — «что-то среднее между компьютерным магазином и настройкой компьютеров... Компьютеры тогда тока-тока появлялись, Интернета еще вообще практически не было. Мы предоставляли доступ к Интернету, какие-то интернет-вещи, типа скачать реферат можно было у нас, нигде в городе этого больше сделать было нельзя. Даже можно было саму электронку отправить, через нас купить компьютер, которые мы закупали в Петербурге... Я там работал одним из администраторов, одним из людей, которые занимались этим всем... Мне 16–17 на тот момент». Виктор работал по вечерам и в выходные, одновременно еще был приработок: «У нас там есть стекольный завод, я там работал разнорабочим. Бегал, ну сначала разнорабочий, потом вот туда, а уже оттуда я пошел в магазин «Э». Здесь он проработал меньше года. Ушел из-за сложного графика. Считает, что никакое образование ему не пригодилось. По ходу интервью вспоминает, что до «Э» был ряд заведений «увеселительного характера, где я работал официантом», где проработал год, потом — боулинг-клуб — «такой больше ресторан с возможностью поиграть в боулинг». Виктор работает официантом, потом старшим официантом: «уже обучал и принимал на работу официантов, потом немножко поработал барменом».

Затем он переходит в ночной клуб, чтобы работать только барменом, там проработал еще год. Именно эту работу он считает точкой отсчета, поскольку она помогла ему «раскрыться и распрекраситься». В клубе он научился разговаривать с людьми и преодолел свою замкнутость. После ночного бара (отчасти и параллельно) начинает работать в «Э», это последняя работа Виктора в г. N 1, затем перебирается в Петербург. После переезда

сразу идет устраиваться в сетевой магазин телефонов и техники. Самым важным считает то, что прошел ряд стандартных стажировок, в ходе которых настиг «тайны эффективных продаж». Это самые яркие впечатления у Виктора. Уже на седьмой день работы его делают старшим продавцом. Полная творчества и свободы работа делали ее особенно привлекательной. Он проработал там год. Затем рассказывает о том, что один из клиентов, пораженный его умением продавать и «втюхивать» товар, позвал к себе работать в телекоммуникационную кампанию. *«Он сказал, ты меня так круто продавил, иди ко мне работать, мне нужны такие вот крутые ребята»*. Работа была очень интересной, но он вынужден уйти буквально на третий месяц. Причина — отсрочка от момента совершения сделки до получения денег. Хотел остаться, поскольку работа очень перспективная, но нужны были деньги. Важной компетенцией, которую Виктор приобрел в «Э», он считает умение разговаривать с клиентом *«на его языке, т. е. если человек хочет разговаривать на языке Достоевского, разговаривай на языке Достоевского, если ты не можешь, пусть другой подойдет продавец. Если ты... если к тебе пришел гопник, то разговаривать с ним на языке Достоевского нет смысла, потому что он уйдет. С ним можно экать, мэкать, эээ, ты чо и все такое. Если ты таким образом продаешь, то ты молодец, а ну и при этом нужно всячески шутить, ты можешь делать все, что хочешь»*.

После этого устраивается на оконный завод продавцом, общается непосредственно с продавцами окон, ищет партнеров. Проработал достаточно долго, но работа не нравилась, потому что приходилось «решать косяки» с задержками и отгрузками.

У Виктора пропадает «энтузиазм в продажах», и он решает заняться именно тем, что нравится. *«Я люблю готовить, я пошел работать поваром, без образования, без каких-то навыков, ну т. е. такие чисто бытовые навыки были, я решил заниматься тем, что мне нравится. Вот и я устроился в Р., делал пиццу, варил всякие супчики, мне это прям очень нравилось. Денег было немного, но, тем не менее, я кайфовал, мне прям нравилось»*. Скоро его приглашают в ресторан, но денег эта работа приносила мало, и он возвращается в продажи, устраивается в компанию «Б», поработав там немного, поступает на работу в интернет-компанию. К моменту интервью он проработал в ней уже 2 года и практически полностью ей удовлетворен. Трудовая книжка у него появляется в 17 лет, когда он работал официантом. Для него важно официальное устройство, подработки связаны с дизайнерской деятельностью (изготовлением логотипов). Текущая работа связана с обработкой жалоб на пользователей, позволяет работать дистанционно откуда угодно, *«главное, чтобы был Интернет»*. Самые важные преимущества работы Виктор связывает с возможностью самостоятельно планировать свое время и свой заработок в зависимости от интенсивности: *«у меня нет верхней планки по заработку, т. е. я условно могу работать круглосуточно и 32 дня в неделю, ой, в месяц, и заработать, собственно, большие, огромные деньги. Ну вот, а могу работать чисто по своей норме, которую я выставляю и получать тоже очень нормальные деньги вполне себе адекватные...»*. Трудности работы связывает с необходимостью самоорганизации, поскольку график работы — свободный: *«могу работать с утра до вечера, могу работать ночью, я могу работать один день в неделю, главное, чтобы я выполнял собственно то, что от меня просят. Минимум. А дальше все от меня зависит»*. Его рабочий день проходит следующим образом: просыпается, завтракает, едет на тренировку в фитнес, обедает, делает дела по дому, ближе к вечеру садится за компьютер, ближе к полуночи расслабляется: *«план я сам себе ставлю и расслабляюсь, смотрю какие-нибудь киношки, футбол сейчас смотрю, вот ложусь спать и на следующий день примерно тоже самое»*. Если нужно накопить на отпуск или покупку — работает больше: *«сiju и зарабатываю на отпуск деньги, т. е. мое время конвертируется в деньги, если эти деньги не слишком мне сейчас нужны, я просто не работаю, зарабатываю минимум, который от меня просят»*. Виктор называет свою работу «абсолютно мобильной и работой мечты». Даже если представится такая возможность — хотел бы

работать: «мне нравится это дело. Когда нет дела, которое интересно, то, естественно, хочется лечь на диван и лежать. А когда есть интересное дело, по душе, тогда работа больше в удовольствии, чем зарабатывание денег, но если она еще и денег приносит, то это вообще отлично». Заработок складывается как от основной работы, так и от выполнения заказов на визуальные вещи, подрабатывает дизайнером. Денег хватает на жизнь и развлечения, не залезает в долги и не одалживает, отказался от кредитных практик. Покупки совершает в основном через Интернет. Основные статьи расходов — жилье и еда. Старается правильно питаться. Экономит на проезде, ездит на велосипеде.

В ближайших планах на 3–5 лет семьи и детей пока нет. По поводу работы — хочет найти еще что-то более интересное. «Если вот это то, что я буду делать, мне будет прямо нравиться-нравиться, и моя нынешняя работа будет ей мешать, то я скорее выберу что-то свое... Ну, я сейчас больше настроен на свое, чем на карьеру, т. е. мне больше нравится творчество, я не карьерист... Свое это для удовольствия, во-вторых, я понимаю, что, работая на кого-то, я больших денег... я никогда ну вообще не заработаю, только если я не в Газпроме. В Газпром я не хочу. Вот поэтому можно менять свое время на деньги, чем я сейчас занимаюсь, сдавая себя в аренду, а можно брать кого-то в аренду, чтобы они зарабатывали деньги, основывая бизнес. Второй вариант мне сейчас интересен. Так что в перспективе там через пару лет мне бы хотелось уже получать деньги от тех схем, которые я уже нарисую, чтобы люди приходили, зарабатывали и для меня, и для себя». На вопрос, что значит быть успешным, Виктор отвечает: «Успешным для меня — это быть счастливым. А счастливым — это значит получать удовольствие от жизни, заниматься теми делами, которые доставляют полное удовольствие, не заниматься теми, которые удовольствие не доставляют... мне нравится Интернет, музыка, спорт. То, чем я сейчас занимаюсь, оно мне как начало нравится в школе, так и продолжает». Оценивая свою трудовую биографию, он говорит, что решил уже перестать прыгать с места на место, и он уже 2 года работает «спокойно». Идеальная работа для него — это когда «рабочее место — весь мир, где захотел, там и поработал. Захотел в Перу, уехал в Перу, захотел в Сибирь, уехал в Сибирь. Это, мне кажется, самое правильное. Захотел сидеть в офисе, сидишь в офисе. То же самое. Не быть привязанным ... в идеале я бы хотел путешествовать и зарабатывать на этом деньги... Можно стать каким-нибудь блоггером и путешествовать по миру и писать, я не литературный талант, я так не могу. Ну и шедевральных снимков я тоже не делаю. Фотоснимков. Ну, так можно было бы зарабатывать, это, по-моему, отличная история. Есть такая передача «Орел-решка», вот у ребят идеальная работа, они ездят, тратят деньги, и вот это идеально, я считаю».

Анализ кейса

Анализ нарратива Виктора позволяет схематично представить его трудовой путь следующим образом: достаточно низкие стартовые возможности (ограниченные финансовые возможности семьи, ограниченный культурный капитал — уровень формального образования), вынужденный выход на рынок труда и дальнейшая интенсивная смена мест работы и смена характера труда (физический труд, сервисный труд, творческий труд), предполагающие кардинальное переключение между видами деятельности, или, другими словами, интенсивная трудовая мобильность. Важной установкой информанта с первых работ оказывается его открытость всему новому и готовность включаться в ранее неизвестные пространства и виды деятельности.

Елена Омельченко (далее — Е. О.)³:

«Да, мне кажется, что уже первая работа, ранняя работа, связана с неустойчивостью... Он прошел через несколько, он даже не сразу может вспомнить: какой-то новый

³ Здесь и дальше таким образом будут представлены комментарии авторов статьи, которые возникали по ходу дискуссии вокруг выбранного для анализа интервью.

открывающийся магазин, какое-то новое открывающееся кафе, еще чего-то такое. Сразу включался в начинающиеся проекты, причем это на периферии, это некое новое пространство, все равно коммерческое, т. е. это сразу можно сказать, что с молоком матери он впитывает это ощущение неустойчивости, необходимости предпринимать какие-то... и самое главное, отсутствие страха перед такого рода неустойчивостью... Неустойчивость рутинизируется...»

Новые работы оказываются доступны для информанта без наличия специальных навыков и не требуют от него профессионального образования, значимость которого для Виктора — минимальна как для профессионального, так и личного развития:

«Если я в 9-м классе горел, хотел получать высшее образование и идти дальше, то здесь я уже понял, что образование в принципе не всегда и надо. Потому что я уже на тот момент работал и работал, эээ... где же я работал? А я уже работал продавцом в магазине... Есть такая сеть... Сеть магазинов бытовой техники, как бы она по маленьким городам. Вот я в ней работал, достаточно приличные деньги получал по меркам маленького города. И как бы я понял, что рядом со мной стоят ребята, закончившие один и тот же [название вуза], и нет никакого смысла получать это образование, если оно мне дальше не поможет».

При этом значимость самообучения оказывается чрезвычайно высокой:

«...на самом деле, я дальше все, что мне сейчас пригождается в профессиональной и личной жизни, это как-то я уже самостоятельно набирал с помощью того же Интернета, плюс так как бы набирался, а сказать, что мне что-то образование дало, я не могу сказать».

Обучение происходит либо непосредственно на рабочем месте, либо активно используются уже имеющиеся навыки: умение общаться, работать с компьютерной техникой, готовить, пользоваться Интернетом. Каждая новая работа оказывается значима для развития уже существующих капиталов (социального, человеческого, культурного), которые в дальнейшем конвертируются в достижения на новом рабочем месте. В данном случае мы можем говорить о проекте «self-made man» (человек, который сделал себя сам), в рамках которого все достижения становятся личной заслугой и умением/желанием постоянно саморазвиваться и накапливать компетенции из разных источников: «мне понравилось в последнем ночном клубе работать... Там я раскрепостился, потому что я был несколько замкнутый, но там я научился работать, разговаривать с людьми... И вот это вот в [магазин телефонов и техники] мне, эээ, я считаю одно из самых ключевых мест, которое дало мне толчок серьезный, интерес. Во-первых, там работал, ну, руководил еще тогда Х, очень такой зажигательный человек, как бы за ним хотелось идти, и прекрасное обучение в компании было, ну т. е. я настолько горел, что там вначале идет стажировка, т. е. где тебя всему обучают... И вот я два месяца стажировался стандартные, потом меня взяли, и на седьмой день моей работы меня сделали старшим продавцом, т. е. мне прям совсем нравилось. Т. е. на работе можно было отжигать всячески, главное — продавай. Как ты это делаешь, хоть ты на ушах стоишь, хоть в трусах бегаешь, все равно. И как бы такая полная свобода, ну, естественно, с какими-то рамками, именно в формате «продавай», ну, творчески свобода полностью была. Из-за этого мне прям нравилось».

Гюзель Сабирова (далее — Г. С.):

«А мне кажется, еще интересно то, что как он переходит с работы на работу, описывая, как он приобретает новые компетенции, что он выносит с каждой работы, т. е. у него фактически нет таких холостых, потому что вот в других интервью это встречалось... А здесь, опять же, магазин его, в рамках магазина он делает карьеру, он описывает с невероятным восторгом первую работу в [название магазина], где его учили, это обучение карьерное сетевое, получается, прохождение через опыт «продажника», кстати,

у многих был такой опыт, он очень важный... потом он говорит, что самое прекрасное, что с ним случилось, — это работа в ночном клубе, и это его апогей, когда он раскрепостился, до этого говорит, был закрепощен... это, конечно же, рождает страх у работодателей, для них это конечно, ужас, что им заново приходится вкладываться в обучение людей, если они уйдут. Но для молодежи они выполняют некую социальную функцию, вот эти вот предприятия растят это поколение, но а кто еще в них вкладывается? Кто еще проявляет заботу к их личностному росту? Какие сейчас есть институты, которые вкладываются? В этом для предприятия ужас, но для общества плюс, таким образом ну вот производится некая позитивная биография человеческая, помимо трудовых вещей».

На первый взгляд, в таком разнообразном пути нет линейного продвижения по нарастающей вверх, нет явного иерархического подъема по карьерной лестнице и не озвучивается желание строить вертикальную карьеру, это путь разнонаправленной занятости, в ходе которого новые работы приносят новые компетенции и удовольствия. Метафорически это можно соотнести не с подъемом в гору, а с перемещением по взгорью и выбором разных дорог. Вместе с тем считать такую траекторию полностью горизонтальной и «плоской» было бы не совсем точно, поскольку подъемы у Виктора также наблюдаются. Мы видим повторяющиеся продвижения внутри отдельных мест работы: от продавца к старшему продавцу, от официанта к бармену, от повара в кафе до повара в ресторане. Свою биографию Виктор нарративно выстраивает как историю успеха, как институционального (получение более высокой должности), так и личного: каждое новое место работы все более совпадает с той деятельностью, которая нравится молодому человеку в повседневной жизни и может быть его хобби. Так, на момент интервью он практически полностью удовлетворен своей сегодняшней работой: «мне кажется, я, благодаря вот этим вот, ну, всем местам, которые я... я постепенно пришел к тому, что нужно заниматься тем, что мне нравится, т. к. я говорил, что мне нравятся компьютеры, мне нравится Интернет... Вот. И я постепенно дошел до того места, которое в меня попало, в мои желания. Сейчас я полностью в этом плане удовлетворен».

Карьерная мобильность в таком пути предполагает поиск «любимого дела», которое при этом не является делом всей жизни, но скорее напоминает временный выбор в пользу какого-то занятия, которое наравне с еще рядом других приносит удовлетворение. Постепенный рост удовлетворения от каждого последующего места, несомненно, можно считать признаком субъективного карьерного роста и восходящей мобильности.

Удовольствие в целом является одним из конституирующих оснований данного нарратива (и для большинства интервью из нашей выборки). «Гедонизм» — как потребность в получении удовольствия от работы — является смыслообразующим для понимания установки молодежи к труду. Именно по наличию/отсутствию удовольствия можно судить об успешности/неуспешности карьерного пути. Как только работа становится скучной, наш информант ее меняет.

Отметим, что выбор Виктором трудовой траектории не является «финансово нейтральным»: возможность зарабатывать деньги на рабочем месте — необходимое условие (если денег не хватает, он меняет работу), однако не достаточное. Смена работы — это поиск интересного дела и стремление к максимизации удовольствия за счет разнообразия.

Яна Крупец (далее — Я. К.):

«Вот это удивительно, здесь проявляется наша идея про отношение к работе как к потреблению... В конце он говорит, идеальная работа — это ездить по миру, ну этот «Орел и решка», все покупать, есть, вот это вот идеальная работа, т. е. это смыкается, это потребительское отношение к работе... это идея подходить к выбору работы точно так же, как ты выбираешь какие-то вещи, предметы, то, что ты покупаешь. Это действительно может быть очень рационально и прагматично... но вот это вот удовольствие

не предполагает удовольствие от тяжелого труда или от того, что ты производишь результат какой-то... От самой работы такое инструментально потребительское удовольствие».

Анализируя данное интервью, мы также обратили внимание, что мобильность в данном случае может быть не только аналитической категорией, описывающей перемещения между работами и какой-то карьерный рост, мобильность оказывается встроена в сам нарратив и связана с идентичностью Виктора, его стилем жизни и устремлениями. В данном случае мобильность приобретает двойное измерение: в пространстве и времени.

Во-первых, мы наблюдаем территориальную мобильность от периферии (из малого города Ленинградской области) к центру (в Санкт-Петербург). При этом Виктор потенциально настроен на дальнейшие перемещения, и укорененность, привязанность к одному месту (рабочему, жилью, отношениям), для него не является ценностью. Он стремится к путешествиям и рассматривает возможность работать и регулярно перемещаться: *«Плюс у меня есть возможность, эээ, я сейчас подумываю воспользоваться... у меня есть возможность уехать в любую точку земли и работать оттуда. Это тоже я считаю сейчас серьезным преимуществом».*

Во-вторых, его мобильность тесно связана с восприятием времени и погоней за ним, нежеланием его упускать. Время становится ценным ресурсом, субъективная потеря которого воспринимается как необходимость изменений в жизни.

Е. О.: *«Вот он чувствует время и это, ну, как мне кажется, тоже нам позволяет говорить о мобильности. Мобильность это что? Это перемещение какое-то, сопряженное с усилиями определенными и сопряженное с какими-то грубыми жизненными решениями, и сопряженное, как мне кажется, со временем. Время стагнации и остановки, да, оно фиксирует одно и то же состояние. А мобильность предполагает, что время имеет ценность, и оно подстегивает к этим перемещениям, если перемещения не происходит, то это приводит к неудовлетворенности. Он часто говорит еще о времени, об удовольствии, свободе; теряется свобода, появляется ощущение потери времени и ненужности того или иного занятия для этого самого продвижения вперед».*

Методологическая рефлексия

Предпринятая нами работа по анализу того, как складывалось обсуждение выбранного случая, вписывается в жанр рефлексивной социологии в том виде, как ее понимал П. Бурдьё. Основная идея рефлексивной социологии заключается в деконструировании методологии, процесса анализа, а также позиции социолога. Здесь объектом анализа становится сам исследователь, и, соответственно, подобный самоанализ подразумевает работу со своими установками, стереотипами, логическими шаблонами, паттернами поведения. Призыв ученого по-разному был воспринят в исследовательской среде. Большая критика была связана с неопределенностью процедур такого рода анализа; с критериями, согласно которым деконструкцию можно считать состоявшейся; с тем, что исследователь здесь становится особенно уязвимым для критики. Несмотря на эти критические соображения, вполне обоснованные, мы все же считаем, что «включенная объективация» (Бурдьё, 2011) может стать полезным и творческим элементом исследовательской работы, а использование элементов такого рода анализа может помочь в генерации гипотез и аналитической работе в целом.

Итак, мы решили направить исследовательскую оптику на самих себя, участвовавших в обсуждении выбранного кейса. Размышления о том, каким образом наш социальный, профессиональный бэкграунд начинает определять линию анализа, возникли спонтанно в ходе группового анализа-интерпретации материалов интервью. Мы решили

выделить этот аспект в качестве отдельного фокуса, проследив свою «интеракцию с текстом». Для этого мы провели процедуру вторичного анализа нашего нарратива, который мы произвели в ходе дискуссии.

Что же нам дала рефлексия рефлексии выбранного случая?

Ограничения анализа одного случая и метода интервью как такового

Тема ограничения метода — это первое, что приходит в голову, когда ставится задача критического осмысления ситуации и процесса анализа данных. Однако в нашей рефлексии этот вопрос был вторичным, может быть и потому, что методологические рамки/ограничения с определенного момента становятся для исследователя «опривыченным» знанием. Интересно, что эта тема сама обнаружилась в дискуссии не как результат целенаправленного поиска, а как продолжение размышлений о том, насколько точно мы уловили центральные категории информанта, и в какой мере нам удалось реконструировать контекст. Здесь мы вышли на вопросы: «Все ли важные темы мы охватили в интервью? Если информант что-то не озвучил и не тематизировал, означает ли это, что «упущенное» из разговора для него незначимо?» Особенно актуальными эти вопросы были в отношении оценочных моментов. Например, если мы характеризуем жизненные стратегии информанта как «эгоистичные», можем ли мы с уверенностью сказать, что информант озвучил все контексты своих интересов и обязательств? А может быть, в ситуации интервью Виктор сознательно выбрал стратегию позиционирования себя как самостоятельного и независимого, что в целом мы и приняли за «эгоистичность»? Мы не можем, также, с полной уверенностью сказать, как он поведет себя в трудных жизненных ситуациях или в условиях, когда человек вынужден стать добытчиком для своей семьи. Это особенно важный момент в исследованиях молодежи, которая в силу своего возрастного статуса не всегда может сослаться на собственный опыт, чтобы иметь шанс как-то иначе презентовать себя. И тем более мы не знаем, будет ли он воспроизводить свои паттерны трудовой карьеры, когда у него появится семья или дети.

А что было бы, если ...

Е. О.: Вот забота, мне кажется, это очень важный момент, теоретически интересный, когда в график жизни врывается забота. Мы говорим прекариат, а если ты вынужден ухаживать за больной матерью или инвалидом?

Г. С.: Какой прекариат, если тебе деньги нужны?

Я. К.: Ты на пяти работах одновременно.

Е. О.: Утяжеленный заботой или о ребенке, или о друге даже, о родителях... Поэтому как-то снижает пафос.

Г. С.: С другой стороны, может, ситуации не было, когда забота была бы востребована, потому что мы же не знаем, как он себя поведет.

Е. О.: Вот с этого я и начала, с ограниченности интервью, мы здесь ограничены этим текстом, только в рамках него можем реконструировать и доконструировать, и экстраполировать, да, но утверждать мы не можем.

Примерно в таком контексте обсуждения мы вышли на вопрос ограничения анализа одного случая. В рамках проекта мы анализировали 60 интервью, и из них 20 были с молодыми людьми с «портфельными» карьерами. Нам представляется вполне легитимным продемонстрировать новый формат трудовой мобильности на примере одного молодого человека, который последовательно достигает своих целей и удовлетворен своими результатами, при этом в нашем обсуждении мы постоянно ссылались на те или иные случаи или ситуации, которые были представлены в коллекции интервью. Судя

по общему анализу, мы знаем, что многие стратегии и практики Виктора не уникальны и встречаются в историях разных юношей и девушек. Но когда мы переходим к заключительному выводу о том, что мы имеем дело с трудовой биографией, которая наилучшим образом иллюстрирует новые тренды и новые возможности в адаптации молодежи к существующим условиям рынка труда, то тем самым мы другие случаи «провала» в выстраивании портфельных биографий как минимум задвигаем на второй план.

Е. О.: *«Мне кажется, еще одной сноской должно быть некое критическое отношение к отношению, проявляемого нами сегодня в оценке этого интервью. Имею в виду энтузиазм и даже некое празднование этого прекариата... кажется, это все очень позитивно изначально, мы упускаем из вида, что очень большой кусок жизни остается за рамками интервью, уже, между прочим, 1,5 года прошло, было бы классно вернуться к этому молодому человеку и посмотреть, получается ли у него реализовать свою мечту. А во-вторых, такой опыт проводим вне сравнения, у нас нет другого интервью или парочки еще с неудачным опытом прекарности молодежи, которая бы показывала не только неуспешность, но и зыбкость и конфликтность... вот и у нас в этом интервью у этого молодого человека даже не звучит тема заботы».*

Я. К.: *«Вообще этот его проект очень индивидуализированный, гедонизм и индивидуализм идут как две оси».*

Гендерные, классовые и поколенческие различия, разрывы, вызовы и шансы на эмпатию?

Просматривая наш исследовательский нарратив и прочитывая вновь обсуждение, мы обнаружили две тематические линии, которые были нами же внесены. В какой-то момент в нашем обсуждении появляются вопросы: «Это исключительно мужская стратегия? Почему в его рассказах о себе не возникают темы заботы? Как бы он себя вел, если бы у него на руках была больная мать? Смог бы он так легко оставлять одни места работы и переходить на другие?». Аналогично в дискуссии возникают поколенческие сравнения: «Это что? Другое поколение?». Важна и классовая позиция исследовательниц в оценке, например прекарности или успешности. То, что мы опираемся на свой личный и социальный опыт, когда пытаемся понять жизненный контекст другого человека, не является чем-то недопустимым. Скорее наоборот, это один из наших ценных инструментов в интерпретативной социологии. Однако важно понять, как именно наши позиции и принадлежности определяют оптику концептуализации социальной мобильности. Влияют ли наши собственные идентичности опытных исследовательниц (женщин, определяющих себя где-то между интеллигенцией и средним классом и принадлежащих другой возрастной когорте) на нашу чувствительность в вопросах социального статуса, ресурсов, достижений наших информантов.

То, как мы понимаем прекариат, и то, как его описал бы Виктор, если бы мы попросили его это сделать, — это были бы две разные картины. Но самый критический момент для нас, как исследователей молодежи, связан с вопросом производства поколенческих различий и ожиданий как в ходе интервью, его интерпретации, и уж точно — подобной групповой (вторичной или уже третичной) рефлексии.

Государство, наука в России и «на Западе» как контекстуальные поля

Третий момент, на котором хотелось бы сделать акцент, это то, каким образом мы достраиваем недостающие контексты. Анализируя нашу дискуссию, мы обратили внимание на то, что в какой-то момент мы вышли на тему социальных эффектов появления на рынке труда такого нового образца трудовой биографии. Сразу возник вопрос:

«А где же в этой картине государство?». В нашем гайде не было прямых вопросов о гражданственности или политической активности, эта проблематика не артикулировалась в интервью. Наши размышления о том, что государство здесь выпадает из поля внимания или интереса молодого человека, строились исключительно на материалах интервью и на нашем опыте и убеждении, что современное российское государство не намерено предпринимать значимые усилия для создания новых возможностей для молодых на рынке труда. Поэтому Виктор и не тематизирует потребность в стабильности и гарантиях, а, полагаясь на собственные ресурсы, выстраивает свою карьеру. Он ничего не просит у государства, и мы можем предположить, что, вероятно, он и сам не готов что-то ему дать. И здесь мы ошибались. Уже после нашей дискуссии мы смоги получить уточняющую информацию о нашем информанте, и выяснилось, что он и его друзья относят себя к оппозиции, которая участвует в митингах и акциях. Это вполне можно назвать ошибкой экстраполяции своего опыта или знания.

Второй пример — из области работы с терминами и концепциями. Так, мы достаточно легко категоризировали нашего информанта как представителя precarious труда, хотя потом и вернулись к этой теме в контексте размышлений о том, что мы практически «празднуем» эту precariousность. При этом для многих других, как и для нас тоже, она связана с нарушением прав, усталостью, невозможностью планирования жизни и реализации самых простых человеческих желаний. И эта двойственность и неопределенность существуют на концептуальном уровне. В то время как на Западе тема precariousности связана с соблюдением прав человека в области трудового законодательства, российская действительность представляет собой абсолютно другой феномен. Precariousность приобрела здесь позитивный оттенок, стала символом свободного фрилансерского труда. При этом вопросы социальной незащищенности просто ушли. Это тоже вопрос экстраполяции, но уже в отношении научной концепции и ее «локальной» жизни.

Я. К.: *«Я не знаю, как это концептуализировать что ли, вот эта вот занятость нестабильная, она рассматривается молодежью как проблема, практически всеми, судя по исследованиям западных коллег. А если смотреть на это интервью, то информант доволен, высокий уровень удовлетворенности... В этом смысле как бы наши отечественные установки на прекариат, они другие. Для них это очевидно проблема, для нас... ну вот даже отечественные тексты читаешь... ну это не проблематизируется так же как у них... Вот тут можно методологически поразмышлять о том, насколько мы как исследователи, включенные отчасти в фрилансерский, прекаритетный, классовообусловленный труд, формируем пространство новой идеи, не до конца рефлексировав то, насколько наша идея обусловлена нашим бэкграундом».*

Г. С.: *«...Это очень интересная штука, очень большая штука, ... это связано с глобальным различием понимания безопасности, личной безопасности на Западе и у нас. У нас мы настолько привыкли к этой ситуации precariousности... незащищенность человека, заброшенность человека, это было всегда, поэтому и не проблематизируется. Для молодежи это очень проблемно, это у него не сильно проблематизируется, а в других интервью это есть. Сильно проблематизируются появление детей и покупка жилья, когда ты ежемесячно должен вносить ипотеку и растить детей, у тебя ежемесячно должен быть гарантированный доход. Этот информант может действовать достаточно гибко, где-то он может сэкономить, где-то на себя не тратить, и поэтому особо не проблематизируется. ... Но вот парадокс, что особо это не проблематизируется и теми, кому действительно нужны деньги, контекст precariousности идет как-то параллельно. Ну как эти трудовые договоры, вся история, вся эта юридическая каша с договорами...»*

Е. О.: *«В отсутствии разработанных трудовых кодексов... очень сильное переплетение формального и неформального трудового сектора как данность, и тут неформальная занятость имеет абсолютно другой статус... Вот у него это очень четко*

прослеживается, свобода и удовольствия ассоциируются именно с гибкой работой, при этом он говорит, что он любит работу, он не может не работать, она ассоциируется у него с отсутствием стабильного, ежедневного труда, и это наоборот воспринимается как плюс. А что мы? Действительно, люди, включенные в академическое сообщество... что нам надо, чтобы это осознать? Мы же все равно отодвигаем это, мы же не будем об этом писать, мы же не будем вступать в конфликт с государством по поводу своей неустойчивости...»

Жизнь как удовольствие и мечта

Последний вопрос, который мы хотели бы здесь поднять, связан с нашими эмоциями в процессе работы с полевым материалом. Есть одна тема, встречавшаяся довольно часто в интервью. И она — про удовольствие. Наши молодые собеседники нередко говорили об удовольствии, когда речь шла об ожиданиях от работы или критериях выбора рабочего места или о будущих планах. Конечно, в это понятие вкладываются разные смыслы — от профессионального развития и до «моря, пальмы и соломенной шляпы». А как же долг, труд и все такое? И вольно или невольно задумываешься о своих удовольствиях и о том, как они реализуются у прекарного исследователя-преподавателя. Акцентирование поиска удовольствия в работе, которое определяется через свободу, путешествия, наслаждение и другие маркеры потребительского рая, вызывают у нас удивление и зависть, ну и желание поспорить с информантом.

Г. С.: У него формируется габитус к труду как удовольствию, и он ищет работу как удовольствие, и он уходит с нее, когда понимает, что может в другом месте получить большее удовольствие. Это опять же, для меня это немножечко... ну, чтобы работа состояла из сплошного удовольствия... не знаю...

Е. О.: Нам этого не понять.

Г. С.: Отчасти мы это компенсируем через полевые ощущения, да, через общение с людьми в этих полях, разнообразие оно тоже отчасти есть. Но в принципе, что ты движим удовольствием, это, конечно, нам не понять. Мне особенно.

Е. О.: Не, не только удовольствие, это еще и то, что я здесь уже все получил, и я теряю время, часто это было в его нарративе, я здесь теряю время, он просто не хочет терять время. Это определенный момент эмоционального удовольствия, но и рационального, прагматического отношения к жизни.

Г. С.: А что он хочет в итоге?

Я. К.: Вот это удивительно, наша идея про работу как потребление, у него это очень ярко, если копать глубже, то это разное удовольствие от работы. У нас тоже есть удовольствие от работы, и эта риторика в академической среде очень сильна: мы здесь работаем, потому что нам очень нравится, мы получаем от этого удовольствие, но у нас нет такого потребительского отношения. В конце интервью он говорит: идеальная работа — это ездить по миру, ну, этот «Орел и Решка», все покупать, есть, вот она идеальная работа, т. е. это смыкается, это потребительское отношение к работе... Но это выбор работы точно так же, как ты выбираешь какие-то вещи, предметы, то, что ты покупаешь. Вот, это действительно может быть очень рационально и прагматично, потому что для него деньги очень важны.

Почему не все попадает в наши статьи

Мы всегда вынуждены структурировать текст, особенно академический, по определенным, довольно жестким и формальным канонам и ожиданиям; еще мы всегда ограничены местом и временем, текст в результате получается дважды и трижды

ограниченным; и вот эти наши сомнения, размышления, отсылки к нашему индивидуальному опыту, который всегда включается, а еще и рефлексии по этому поводу — они неизбежны. А еще спорные моменты, которые мы потом в тексте сглаживаем. Но все это присутствует в нашем разговоре и рефлексии по его поводу. Будучи инициатором, агентом, субъектом, инструментом и частью исследовательского процесса, делая самих себя еще и объектом рефлексии, мы стараемся не только ближе прорваться в другие варианты жизни и их смыслы, но и критически оценить достоинства и ограничения теоретических конструктов, их локальных (и даже национальных) вариантов, используемой методологии и возможностей методов. И двигаясь по этим тропам, мы реализуем наши потенциальные способности к интенсивной мобильности: личностной, эмоциональной, профессиональной.

P. S.

Комментарии интервьюера, или что информант не рассказал о себе, и какие изменения произошли через год после интервью:

Оксана Сойту:

«Семья. Мама Виктора сложно находила работу из-за речевых особенностей. По образованию швея. Работала швеей, портной, вахтером в ПТУ, затем дворником. А также подрабатывала в Финляндии с дочерью на сборе ягод. Потом уехала за границу, работать сиделкой, вышла замуж, получила гражданство, после рождения внука переехала в г. N 1. Сейчас работает в гостинице.

Папа имеет средне специальное музыкальное образование, работал с детьми с отклонениями и сложными подростками до того момента, как оставил семью и переехал в Ростовскую область. Много лет не выходил на связь, сейчас поздравляет с днями рождений и обещает все приехать, но не приезжает.

С младшей сестрой разница 2–3 года. Мама настояла на получении дочерью высшего образования, оплатила обучение в одном из университетов Санкт-Петербурга. Сестра работает на заводе по производству машин в г. N 1.

Работа в ВК. Выбор работы связан с отсутствием жесткого графика. Первое время у него не получалось выстраивать свой день. Если дневная норма не выполнена, нужно ее набивать на следующий день, соответственно, долг копится и копится. Когда пришел в интернет-компанию, был в стартапе с ребятами из прошлой работы в качестве дизайнера, но из-за несоблюдения дедлайнов вылетел. Хотя рассчитывал совмещать. Работа в интернет-компании научила самодисциплине и организации своего времени.

Работа в интернет-компании 2. Сейчас Виктор работает в интернет-компании 2 (одна из ведущих интернет-компаний в России), менеджер по обучению считает самыми сильными своими свойствами — тайминг и тщательность. В интернет-компании 1 познакомился с парой, с которой стал друзьями, и которые его позвали в интернет-компанию 2. Работает уже полгода. Работает тестировщиком в отделе поиска, сам отвечает за тестирование продукта, плюс работает в проекте под руководством. Много командировок по России. Очень доволен, но от идеи создания своего бизнеса не отказывается.

Работа — это еще и люди, с которыми у него складываются дружеские отношения, выходящие со временем за рамки работы, а также партнеры, с которыми можно создать команду для дальнейшей работы.

Важный момент: информант себя и своих друзей (в том числе коллег) относит к оппозиции. Они ходят на митинги, ведут свои аккаунты в социальных сетях соответствующим образом. Следят за политическими новостями, открыто высказывают свою позицию».

Литература

- Arthur M., Rousseau D. The Boundaryless Career: A New Employment Principle for a New Organizational Era. Oxford University Press, 1996.
- Cohen L., Mallon M. The Transition from Organisational Employment to Portfolio Working: Perceptions of «Boundarylessness» // *Work, Employment & Society*. 1999. № 13 (2). P. 329–352.
- Forrier A., Sels L., Stynen D. Career Mobility at the Intersection between Agent and Structure: A Conceptual Model // *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2009. № 82 (4). P. 739–759.
- Gunz H., Evans M., Jalland M. Career Boundaries in a «Boundaryless» World // *Career Frontiers: New Conceptions of Working Lives*. 2000. P. 24–53.
- Hall D. Protean Careers of the 21st Century // *The Academy of Management Executive*. 1996. № 10 (4). P. 8–16.
- Handy C. The Future of Work. L.: Blackwell Publishers, 1992.
- Inkson K., Gunz H., Ganesh S., Roper J. Boundaryless Careers: Bringing Back Boundaries // *Organization Studies*. 2012. № 33 (3). P. 323–340.
- Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. A&C Black, 2011.
- Sullivan S. The Changing Nature of Careers: A Review and Research Agenda // *Journal of Management*. 1999. № 25 (3). P. 457–484.
- Sullivan S., Forret M., Carraher S., Mainiero L. Using the Kaleidoscope Career Model to Examine Generational Differences in Work Attitudes // *Career Development International*. 2009. № 14 (3). P. 284–302.
- Walton S., Mallon M. Redefining the Boundaries? Making Sense of Career in Contemporary New Zealand // *Asia Pacific Journal of Human Resources*. 2004. № 42 (1). P. 75–95.
- Аврамова Е. М. Социальная мобильность в условиях российского кризиса // *Общественные науки и современность*. 1999. № 3. С. 5–12.
- Бауман З. *Текучая современность*. СПб.: Питер, 2008.
- Бурдые П. Включенная объективация // *Социологический журнал*. 2011. № 2. С. 21–38.
- Громова Р. Г. Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы. // *Социологический Журнал*. 1998. № 1–2. С. 15–38.
- Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: Высшая Школа Экономики, 2012.

Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте¹

Наталья Кремнева*, Евгения Лукьянова**

В центре статьи — субъективные представления молодых рабочих о своем социальном положении. Показывается, что сегодняшнее пространство рабочих профессий является очень разнородным. В нем есть место не только аутсайдерским, но и очень успешным позициям. На основании эмпирических данных рассматривается современное понимание рабочими жизненного успеха, а также места трудовых характеристик в оценке своих достижений. Особое внимание уделяется значению высшего образования как ресурсу социального продвижения и его роли в жизненных стратегиях рабочей молодежи. Подчеркиваются найденные межпоколенческие различия: приводится мнение родителей по поводу выбора детьми рабочих профессий, их оценки жизненного старта с поступления в средние-технические заведения профессиональные училища.

Ключевые слова: молодежь, рабочие, трудовые стратегии, представления о социальном успехе, межпоколенческая мобильность

«Брюс Уиллис прежде, чем стать тем, кем он стал, кем только не работал, и официантом, и барменом, и на заводе тоже кем-то был, — и это никак не помешало ему стать богатым, известным и лучшим»

(25 лет, кладовщик, Ульяновск)

Введение

Изучая социальную мобильность, ученые невольно берут за ориентир классическую ее схему: через материальные возможности семьи — к образовательным успехам детей — и их карьерным достижениям — вплоть до самых высоких чинов. Все, кто по тем или иным причинам в эту схему не вписывается, относятся к социально уязвимым или плохо адаптируемым группам, для которых скорее нужно устанавливать меру

¹ При реализации проекта использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта УОО «Соцарт» в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 № 11-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ. Руководитель проекта — председатель УОО «Соцарт» Евгения Лукьянова.

* Кремнева Наталья, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры связей с общественностью, рекламы и культурологии УлГУ. kremneva_n@inbox.ru.

** Лукьянова Евгения, научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ, председатель УОО «Соцарт». lukyanova.jenya@gmail.com.

маргинализации, а не искать вероятность повышения статуса. Примером тому стали рабочие, в некоторых классификациях их как раз размещают между средними и низшими слоями общества. Причем их неквалифицированная часть плавно переходит в андеркласс (Тихонова, 2011). Большое количество студентов вузов, выдаваемые школьникам рейтинги профессий, наверху которых стоят депутаты и бизнесмены, служат весомым доводом низкой престижности рабочих профессий и их места в ряду проигрышных позиций. Тем не менее данные Росстата свидетельствуют о том, что за последние десять лет около пятой части всех рабочих устойчиво приходилось на тех, кому не исполнилось 30 лет. Как показано в таблице 1, их доля год от года колебалась незначительно — в пределах 1–2%. Более того, если пересчитать указанные цифры от общего числа занятой в экономике молодежи, то рабочими трудятся более трети юношей и девушек! Вряд ли их всех можно скопом назвать аутсайдерами. Тем более что, по мнению некоторых авторов, рабочих уже давно нельзя представлять единым классом, настолько разнообразной является их социальная композиция (Абрамов, 2012). Подчеркивается, что среди рабочих, как и в любом профессиональном поле, есть свои привлекательные ниши, попасть куда стремятся, в том числе, обладатели высшего образования.

В основе данной статьи лежат результаты исследования «Молодой российский рабочий и его жизненные стратегии в разрезе социально-экономических проблем», проведенного в 2015 г. в Елабуге, Санкт-Петербурге и Ульяновске². Оно было направлено на изучение особенностей принятия современной молодежью социальной роли рабочего. Его целью было уйти от алармистского подхода в оценке положения молодых рабочих и найти позитивные сценарии их прихода в профессию. Среди задач проекта ставилось определение уровня удовлетворенности выбором рабочих специальностей, а также классификация жизненных стратегий молодых рабочих с выяснением факторов, способствующих сохранению их трудовых установок. Отдельно изучалось отношение родителей к тому, что их дети предпочли рабочую стезю, а не пошли в специалисты или служащие. Кроме того, анализировалось мнение региональных экспертов по поводу популяризации рабочих профессий среди молодежи и подростков. Исследование носило качественный характер. Его основным методом было глубинное интервью. Всего было взято 45 интервью с молодыми рабочими, 18 интервью с их родителями и 18 интервью с экспертами. Кроме того, было организовано 9 фокус-групп с учащимися вторых-третьих курсов лицеев и колледжей, которые получают рабочие специальности³. В исследовании изучались различные виды рабочих профессий, выделенные в соответствии с Общероссийским классификатором занятий. Помимо квалифицированных рабочих промышленных предприятий в число молодых респондентов попали операторы станков, машинисты, крановщики, водители, а также те, кто занят на неквалифицированных должностях, — грузчики, уборщики, официанты, распространители объявлений и т. п. Участники в возрасте 16–29 лет подбирались таким образом, чтобы среди них были не только работники крупных или средних промышленных предприятий, но и мелких фирм. Они были заняты как в сфере производства, так и жилищно-коммунального хозяйства.

Для родителей критериями отбора выступали род деятельности и уровень образования. Нам удалось отобрать самые разные по социальному составу семьи: в некоторых

² Авторы выражают благодарность своим коллегам по проекту Наталье Гончаровой (заместителю директора НИЦ «Регион»), Ольге Ёлкиной (начальнику отдела маркетинговых и социологических исследований УлГУ) и Елене Кузьминой (доценту кафедры связей с общественностью, рекламой и культурологии УлГУ) за помощь в подготовке статьи.

³ Отдельной частью проекта было кейс-стади, посвященное изучению молодых рабочих-мигрантов. Оно состояло из 18-ти интервью с мигрантской молодежью и 6-ти интервью с их родителями. Материалы кейс-стади в данной статье анализироваться не будут.

Таблица 1

**Численность молодых рабочих,
занятых в российской экономике в 2004–2010 гг.¹**

Год	Рабочие всех специальностей			Квалифицированные рабочие			
	Всего, занятой молодежи 15–29 лет	Всего, занятых по рабочим специальностям	Молодежь 15–29 лет	% молодежи от занятых по рабочим специальностям	Всего, квалифицированных рабочих	Молодежь 15–29 лет	% молодежи от квалиф. рабочих
2004	16682	25997	5665	22	9622	2251	23
2006	16982	25804	5888	23	9620	2340	24
2008	17575	27243	6383	23	10523	2684	26
2010	16731	27480	6241	23	10868	2532	23
2012	16317	26682	6305	24	10321	2536	25

⁴ Таблица составлена на основании сборников Росстата «Труд и занятость в России», 2006–2013 гг. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_36/Main.htm. В столбцах «Рабочие всех специальностей» обобщены показатели по численности квалифицированных рабочих крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр; операторов, аппаратчиков, машинистов установок и слесарей-сборщиков, а также неквалифицированных работников. Часть рабочих профессий Росстатом отнесена к работникам сферы обслуживания, ЖКХ, торговли, сельского, лесного и охотничьего хозяйства, рыбоводства. В таблице их численность не учитывалась.

из них дети, став рабочими, пошли по стопам взрослых. В других случаях родители работали специалистами и служащими, имели собственный бизнес и даже были топ-менеджерами (фармакологической компании, промышленного предприятия). Респондентами выступали как отцы семейств, так и матери. Включение родителей в исследование было важно не только с точки зрения их отношения к рабочим карьерам сыновей и дочерей, но и для выяснения их собственного трудового пути. В научной литературе давно закрепилось мнение о внутрисемейной преемственности основных статусных характеристик, в том числе касающихся профессиональной области. В то же время утверждается, что тем, кому сегодня за сорок, а именно к этому поколению принадлежат все участвовавшие в исследовании родители, сами были вынуждены менять характер занятости из-за экономических изменений 1990-х гг. (Шкаратан, 2009). Сегодня довольно значительная доля из них трудится в неформальном секторе или на временных работах. А почти треть вынуждена искать дополнительные источники заработков (Карабчук, Косолапова, 2011). Не стали исключением и родители из описываемого проекта. Помимо своей главной работы или пенсии, они также устраивались таксистами, ночными сторожами, подряжались на слесарные работы, установку окон, вязание и вышивку. Поэтому не так уж редко среди семей попадались промежуточные типы, которые было трудно отнести к какой-то одной социальной группе. Среди молодых рабочих оказалось довольно много юношей и девушек с высшим или неоконченным высшим образованием, прошедших впоследствии обучающие курсы на производстве. Некоторые из них совмещали работу специалистами и физический труд: пиарщик вечерами трудился барменом, юрист по выходным и в праздничные выходила парикмахером, веб-дизайнер не отказывался «подшабашить» газосварщиком, а инженер — грузчиком мебели. При этом рабочие специальности помогали им значительно пополнить свои бюджеты, а порой заработки по ним превышали основные оклады.

Результаты исследования показали, что дестандартизация занятости способна внести существенные коррективы в измерение социальной мобильности. Традиционные методики опираются на то, что положение человека в обществе если и изменяется, то это происходит постепенно: от одной должности к другой или при смене места работы. При этом в биографии все равно остаются какие-то незыблемые константы, например образование или профессия, от которых можно отталкиваться в определении статусов и их динамики. Сегодня многие социологи замечают, как сложно становится охарактеризовать род деятельности человека и его карьерные достижения (Шевчук, 2007). Частая смена работы, освоение нескольких профессий, переход к самозанятости, неформальный или временный характер трудовых отношений оставляют множество вариантов для самонахождения в шкалах анкет. Нередко звучат предложения пересмотреть существующие классификаторы и разработать такие, которые бы охватывали новые формы трудового поведения (Гимпельсон и др., 2009). В основном споры ведутся по поводу среднего класса, на ключевую роль которого указывается в постиндустриальных теориях (Алексеев, 2012). Фрилансеры с их дискретной без четких границ занятостью ломают представления о поступательной социальной мобильности (Харченко, Бурлуцкая, 2013). А изучение «новых бедных», среди которых находится немало специалистов с высшим образованием, заставляет ученых сомневаться в эффективности ее восходящих каналов (Ярошенко, 2010). Хотя подсчет жизненных шансов для выходцев из разных социальных групп все еще не прекращается в отечественных исследованиях (Выравнивание..., 2012). Между тем, по крайней мере для молодежи, подчеркивается важность жизненного стиля для ее дифференциации, а также то, что особенностями потребления более надежно указывают на социальную принадлежность, нежели род деятельности или образование (Omelchenko, Pilkington, 2013). Лидеры местных молодежных сцен могут быть кем угодно: офисными клерками,

предпринимателями, безработными. Доступ к духовным ресурсам является не менее значимым, чем вся материальная сфера (Радаев, Шкаратан, 1995). Вслед за П. Бурдые все соглашаются, что одного и того же социального положения можно достигать, используя разные типы капиталов.

Рабочая профессия как жизненный старт: амбиции родителей

Согласно исследованию «Молодой российский рабочий и его жизненные стратегии в разрезе социально-экономических проблем» к пониманию жизненного старта можно подходить по-разному. Негативный стереотип рисует поступление в начальные и средние профессиональные заведения как вынужденный шаг со стороны семей, у которых не хватает средств на подготовку детей к ЕГЭ и их последующее обучение в вузах. Туда отправляют ребят с плохой успеваемостью, без выраженных талантов и способностей, имеющих проблемы с поведением. Между тем во многих семьях, участвовавших в проекте, родители полагали, что получение рабочей профессии в наши дни является более разумным решением, чем поступление в лишь бы какой вуз с неясными перспективами дальнейшего трудоустройства. Они, несомненно, хотели бы видеть своих детей преуспевшими в жизни и добившимися в ней материального благополучия. Но, оглядываясь на личный опыт, думают, что только рабочие профессии могут дать ту опору в жизни, которая не оставит их сыновей и дочерей без заработка при любых социально-экономических условиях. Они рассчитывают, что впоследствии их дети смогут выучиться на специалистов, но, имея базовую рабочую профессию, увеличат свои шансы на карьеру в случае благоприятного стечения обстоятельств, а в кризисные времена — на выживание. *«Я ему просто предложил постепенно... — вспоминает о том времени, когда сын оканчивал школу, его отец-инженер, — не поступать сразу в университет, а получить специальность, которая будет кормить. Техникума для хорошей зарплаты уже вполне достаточно» (49 лет, высшее образование, СПб).* В итоге в этой семье сошлись на том, что профессия монтажника оптоволоконных сетей будет как раз хорошим подспорьем в жизни. Еще взрослое поколение рассматривает успешность разных занятий с точки зрения того, насколько они будут оставаться подходящими и удобными в случае создания семьи, рождения ребенка или, наоборот, развода, переезда в другой регион, болезни и прочей вереницы событий. Сами по себе рабочие профессии не обладают большей «подушкой безопасности», но их главное достоинство — быстрая обучаемость, а также широкий спектр (выделяются около 4 тыс. таких специальностей), делают их более гибкими в масштабе разных жизненных ситуаций.

Родители большое значение уделяют социальным функциям рабочих профессий. Труд в каком-либо цеху нередко сравнивается с армией. Он приучает к дисциплине и исполнительности, формирует чувство ответственности, заставляет раньше взрослеть и браться за ум, оставлять позади подростковые увлечения. Рабочие, как рассуждает еще один отец, фельдшер по специальности, — это *«не счетоводы, не писари. Они все, грубо говоря, монтажники, сборщики, все держат в руках железо. А те, кто держат в руках железо, по моему понятию, им в случае необходимости страну доверить можно будет» (56 лет, среднее специальное образование, Ульяновск).* Физический труд также приобщает подросших детей к семейному хозяйству. Даже если дети после окончания училища не захотят идти в рабочие, в доме всегда будет человек, способный починить электрику, разобраться с сантехникой, сделать ремонт и вкусно приготовить поесть. Бытовая «полезность» рабочих профессий является одним из критериев, который обязательно рассматривается при выборе будущего ребенка. В этом плане водители, автослесари, строители, те же сантехники и электрики оказываются не менее важными, чем врачи и юристы. А вот учителя, психологи, менеджеры и даже инженеры относятся

к числу тех, кто будет вынужден всю жизнь прибегать к услугам других лиц, тратя на это значительную часть своих доходов.

Образ самодостаточной семьи, независимой от внешних перемен, члены которой способны взять на себя разную физическую работу, остается притягательным не только для глубинки, но и для столичного Санкт-Петербурга. Интересно, что некоторые предприниматели из тех же прагматических соображений полезности отправляют своих детей в лицеи и колледжи за основными в их деле рабочими профессиями. Они рассчитывают, что так наследники с самых низов освоят особенности ведения бизнеса. Во время фокус-групп с учащимися средне-специальных учебных заведений (ссузов) и профессиональных училищ (пу) встречались мальчики и девочки из семей, чье финансовое положение позволяло бы сразу дать им высшее образование. Тем не менее директор средней по размерам строительной фирмы предпочел, чтобы его сын вначале окончил строительный колледж, а мама, владеющая швейным ателье, послала свою дочь учиться на швею-дизайнера. Среди осваивающих специальность автослесаря почти у каждого третьего родители имели станцию технического обслуживания или шиномонтажную мастерскую. Впрочем, сами участники исследования подходили к семейному бизнесу несколько шире, чем владение каким-то предприятием. Например, за него они принимали практики одновременного найма на «вахту» несколькими членами семьи или родственную кооперацию в дальнебойных рейсах. В качестве помощников в подобные семейные бригады часто берутся и дети, уже в подростковом возрасте осваивающие свои первые рабочие специальности, а потом полноценно включающиеся в совместную трудовую деятельность.

Родители, особенно с высшим образованием, исходят еще из того, что с рабочими профессиями проще подобрать ту отрасль или предприятие, в которых потом стоит развиваться. Вместо того чтобы тратить четыре-пять лет в вузе, можно, даже не поступая в училище, а обучившись на производственных курсах, разобраться с тем, что из себя представляет работа в той или иной сфере: ее содержание, преобладающие условия, уровень оплаты, карьерные перспективы и т. п. А затем, уже с гарантией того, что ребенок не бросит профессию, направлять его в вуз. Молодость кажется самым подходящим периодом для таких профессиональных экспериментов, когда можно довольно легко менять специальности и пробовать себя в различных областях экономики. На собственных примерах взрослое поколение показывает, что лучше в юные годы испытать себя в разных профессиях, чем потом по прошествии многих лет разочаровываться и начинать заново искать себе дело по душе. Среди родителей были такие, кто через 15–20 лет «уходил» из врачей, начальников участков, бухгалтеров. Почти во всех семьях мать или отец (а чаще всего оба) вынуждены были отказываться от мечты реализоваться в выбранной еще в юности профессии. А некоторые по несколько раз кардинальным образом меняли род занятий. Отсутствие у взрослого поколения профессиональной стабильности ведет к формированию и последующей трансляции ситуативного отношения к любой получаемой специальности: она не должна выбираться один раз и на всю жизнь. Наоборот, чем шире имеющийся в запасе портфель профессий, тем больше возможностей для достижения успеха. Родителями ценятся такие виды деятельности, которые позволяли бы гибко переходить от одной занятости к другой. Например, водитель — автослесарь — автоэлектрик — автомалляр; плотник-монтажник окон и дверей — обивщик балконов — сборщик мебели; повар — пекарь — бармен — сушист, не говоря о множестве строительных специализаций и т. п.

Рабочая профессия как начало трудового пути: выборы детей

Установка на вариативную занятость существенно усложняет межпоколенческую мобильность. Трудность заключается в том, какие из профессиональных достижений детей и родителей следует сопоставлять друг с другом. Если у взрослого поколения

имеется в запасе не одна специальность, то, читая интервью с молодыми рабочими, создается впечатление, что некоторые из них вообще заняты коллекционированием профессий и мест работы. Своеобразным рекордсменом стал 19-летний бармен из Санкт-Петербурга. Начав работать в 12 лет, он *«продавал сим-карты, озеленителем был... Потом продавец автомобилей был, также по знакомству, ну, это уже с 18-ти лет. Ди-джем какое-то время работал. На подработках фотографом был. Много работы, даже все не помню сейчас. Грузчиком работал, тоже с 16 лет, потом был период, когда я работал тальманом, учетчиком груза в порту, числился марсовым матросом»* (19 лет, учащийся колледжа, СПб).

В целом в багаже этого юноши уже сейчас 11 разных профессий! И он не собирается останавливаться на достигнутом, пытаясь заниматься еще и музыкой, а в будущем рассчитывает открыть собственное кафе. «Путешествие в поисках себя» — так метко обозначала другая респондентка свой опыт на 7-ми различных предприятиях за последние два года. Значение рабочих профессий состоит и в том, что они помогают растянуть молодость. Часто как сами юноши и девушки, так и их родители в качестве рубежа устанавливали возраст в 30–35 лет, к которому нужно до конца разобраться со своими предпочтениями и решить, на какой из сфер деятельности стоит остановиться. Такое их мнение позволяет по-иному взглянуть на самореализацию и ее успехи. Если раньше под ней понимали совершенствование в профессии и наращивание мастерства, то теперь ее способом становится накопление разных компетенций. При этом в свой «человеческий капитал» молодежь превращает не только навыки, полученные в стенах техникумов и училищ, но и просто навыки, перенятые у родителей или друзей. На многих рабочих местах от них не требуется какого-то специального образования, достаточно бывает принципа: «Видел — значит, сможешь повторить!».

Частая смена занятости у молодых рабочих, а также ее множественный характер, во все не выглядит для них самих проблематичным. Наоборот, это в полной мере отвечает их нынешним ценностным ориентациям, заставляющим «быть все время в движении» не только в культурной, но и трудовой жизни. Здесь это означает постоянный поиск новых возможностей заработка, поддержание «полезных» знакомств, через которые можно устроиться на работу, а также отслеживание соответствующих предложений в Интернете. *«Он у меня молодец. — отзывается о своем супруге-механике респондентка из Ульяновска, — Он у меня часто на «шабашки» ходит. Двери устанавливает межкомнатные, обшивает пластиком туалет, ванную, балконы. Дома не сидит. Вот он с понедельника в административном, уже нашел «шабашку»: будет туалет с ванной обшивать пластиком. Он всегда на «движухе», всегда деньги зарабатывает»* (28 лет, высшее образование, доводчица, Ульяновск).

Многие из молодых рабочих стали сами себе менеджерами, самостоятельно находя заказчиков своих услуг. Поддержание репутации как «профессионала» или «мастера на все руки» становится важной составляющей имиджа молодых рабочих. Родители, в частности те, кто сами долгое время трудились по рабочим специальностям, не сомневаются, что профессиональные и личностные качества их детей всегда будут востребованы работодателями. Различные варианты работы, которые находят их сыновья и дочери, формируют у старших представление о том, что те уже стали ценными кадрами для рынка труда. Любопытно, но и сотрудники служб персонала, у которых брались экспертные интервью, тоже находили, что для молодых рабочих частая смена предприятий скорее является показателем успешности. В то время как продолжительное трудоустройство на одном и том же месте свидетельствует об их безынициативности, нежелании стремиться к лучшим условиям труда и более высоким окладам. И те и другие продвигали образ современных рабочих как самодостаточных, независимых, уверенных в своих силах работников.

Рабочая профессия как способ достижения социального успеха: взгляд родителей

Родители убеждены, что среди рабочих всегда выделялась своя элита, как по уровню заработков, так и по качеству жизни. Попадание в нее зависит только от личных качеств и усилий самого человека, оно является сложной, но гораздо более выполнимой задачей для их детей, чем сделать карьеру в офисе. В некоторых семьях полагали, что их сыновья и дочери совершат ошибку, если уйдут из рабочих на должности служащих и специалистов. Старшее поколение помнит еще начинание советских времен, когда рабочих всячески призывали поступать в вузы. При этом впоследствии оказывалось, что инженеры и технологи, на которых они выучились, получали в разы меньше оставшихся в рабочих товарищей. Токарь из Ульяновска, рассказывая о тех годах, не жалеет о том, что тогда бросил институт: *«меня не тянуло, да, в руководящую работу... И потом, 350 рублей, 400 рабочий получает. И кем бы я там, технологом на 140 рублей?.. Как-то часы на трусы менять не захотелось» (51 год, профессиональные курсы, Ульяновск).*

Из двух его сыновей один — *«младший разгильдяй»* — пошел в фрезеровщики, а другой — *«старший, учился хорошо»* — окончил университет на специалиста по рекламе. Сейчас работа есть только у первого сына, а второй *«сидит дома, не работает, лежит, вернее, на диване»*. Их отец, кстати, достигший наивысшего шестого разряда, показывает на примерах друзей и родственников, что в основной массе рабочие как стояли в советские времена выше специалистов по социальной лестнице, так и находятся там теперь. У них больше шансов добиться материального успеха, нежели у обладателей вузовских дипломов. Его сын-фрезеровщик в Ульяновске зарабатывает свои 45 тыс. рублей (при среднем уровне в 23 тыс. рублей), а вот сыну-рекламщику за такими деньгами, скорее всего, придется куда-то уезжать, здесь для него есть вакансии *«только с мизерными зарплатами»*. Продолжая сравнивать между собой успехи детей, отец также подмечает, что оба они уезжали перед Олимпиадой в Сочи. Сын-фрезеровщик занялся там ремонтом квартир, подрабатывал на строительстве спортивных объектов, а сын-рекламщик устроился менеджером в гостиницу. В выигрыше, на взгляд отца, опять остался сын-фрезеровщик, сумевший таким образом заработать себе на машину.

Родители с высшим образованием тоже скептически оценивают эффективность высшего образования для стремительного взлета карьеры детей. Они не видят в поступлении в вуз того универсального средства, которое позволит одновременно приобрести интересную и доходную профессию. Для того чтобы оно сработало в качестве социального лифта, нужно выполнение многих внешних условий. Лишь в 7-ми из 58-ми случаев (если рассматривать вместе массив интервью родителей и молодых рабочих) высшее образование матери или отца позволило семье выбраться в более высокие социальные слои. Однако и в этих семьях карьеры родителей не были прямолинейными, в них тоже были периоды, когда приходилось соглашаться на работу ниже уровня своего образования. Вопрос состоит в том, хватит ли нынешних сомнений родителей в том, чтобы переломить стремление к едва ли не всеобщему высшему образованию и вернуть абитуриентов в техникумы с училищами. Полученные в ходе исследования качественные данные, конечно, не смогут послужить материалом для столь прогностических обобщений. Но чем ближе условия труда детей-рабочих к *«белым воротничкам»* (автоматизированное или оснащенное компьютером рабочее место, постоянно убираемое кондиционируемое помещение, немасляная рабочая одежда, наличие парковки у проходной), тем больше одобрения получает их выбор в семье. Именно условия, а не только одна заработная плата способствуют выделению, по мысли старшего поколения, элиты среди рабочих. Как хвалились в одном из елабужских интервью родители сына — оператора станков с числовым программным управлением, *«он приехал на машине, уехал тоже на машине. Выходит в галстучке, приезжает на работу,*

переодевается, и идет нормально работает» (отец, 51 год, среднее специальное образование, автослесарь, Елабуга). Соответственно этому рисуется и карьерный путь для тех, кто предпочел остановиться на рабочих профессиях: через разную занятость найти самые «чистые» и высокооплачиваемые места работы. С этой точки зрения для родителей вершиной успеха выступает трудоустройство на крупных предприятиях, где в отличие от других больше следят за порядком и меньше приходится заниматься низкоквалифицированным физическим трудом. Да и о социальных гарантиях там тоже не забывают.

Рабочая профессия как жизненная карьера: устремления детей

Возвращаясь к молодым рабочим, отметим, что их понимание успеха тоже зависит от того, где они будут работать. Вот только они выстраивают более сложную систему, в которой счастливыми оказываются те, кому повезет устроиться на заводы транснациональных корпораций. Но туда *«стоят очереди, потому что... без образования можно получить 30, 40, 50 тыс. рублей, — делится свои опытом бывший работник одной из таких компаний, — получить дополнительное медицинское образование, бесплатно еще кормят обедом, развозка туда и обратно, спецодежда, бонусы» (31 год, высшее образование, профсоюзный лидер, в прошлом сварщик, СПб).* Эти заводы («Тойта» и «Хёндай» в Санкт-Петербурге, «Бриджстоун» в Ульяновске, «Форд-Соллерс» и «Хаят Химия» в Елабуге) выделяются на фоне *«любых предприятий, особенно оставшееся с наших времен: Кировский завод, Ижорский. Там адские условия, там низкая зарплата, нет бонусов, там громадная текучка кадров...» (Там же).* Большинство молодежи сталкивается с высокой конкуренцией за места на самых престижных предприятиях своих городов: чтобы устроиться туда, нужны «связи», хорошее резюме с подтверждающими квалификацию дипломами, стойкость и удача на профессиональных экзаменах, а подчас и знание иностранного языка. Удачей будет считаться и трудоустройство на военные заводы, которые были существенно модернизированы и где также строго соблюдают обязательства перед работниками. Те предприятия, которые выпадают на долю оставшихся, они сами метко сравнивали с «домами престарелых», как по среднему возрасту своих коллег по цеху, так и сроку износа оборудования и моральной устарелости выпускаемой продукции, а также уровню зарплаты, сопоставимой с пенсиями бабушек и дедушек. Важно, что те профессии, по которым открыт набор на такие заводы, тоже с ходу признавались устаревшими. Оказаться там, может, и стоит, но только в начале своего трудового пути, чтобы получить образец того, к чему ни в коем случае не надо стремиться.

Еще одна альтернатива — сориентироваться на мелкий частный бизнес, устроиться в «гаражный» цех, уехать на «вахту» или записаться в строительную бригаду. Хотя там, в основном, предлагается временная и нестабильная занятость с тяжелыми условиями труда и простым оборудованием без защиты трудовых прав, многим молодым рабочим этот вариант нравится больше постоянной работы на обычных российских заводах. Только тут для них открывается хотя бы какое-то карьерное продвижение. Даже на иностранных предприятиях никто не поставит 18–20-летнего рабочего на какую-либо руководящую должность, а на «шабашках» такое вполне возможно. В интервью ребята хвастались, как их назначали бригадирами и поручали командовать не только своими сверстниками, но и «умудренными дядьками». Здесь за их работой лично следили «солідные» заказчики, нередко советуясь в затруднительных ситуациях. В автосервисе, малых типографиях и мебельных цехах трудолюбие и исполнительность приводили к тому, что молодежь из разнорабочих дослуживалась к 25–28 годам до заместителя директора. Да и достигаемый уровень зарплаток при вторичной занятости таков, что делает их очень привлекательными в глазах молодежи. Показательной с этой точки зрения была фокус-группа, проведенная в Ульяновске с будущими строителями. Лишь двое из десяти

ее участников собирались устраиваться на городские домостроительные комбинаты, остальные более перспективным считали обретение опыта в разных бригадах, специализирующихся на строительстве коттеджей и ремонте помещений. По их расчетам даже новички в этих бригадах имеют шансы получать до 50 тыс. рублей в месяц. В Елабуге юноши стремились попасть в бурильщики и помбуры. По их словам, на нефтяных «вахтах» можно получать до 150 тыс. рублей в месяц. Респонденты, обладавшие навыками электросварки, на строительстве ангаров и прочих металлоконструкций за один только летний сезон умудрялись зарабатывать до полумиллиона рублей.

Своеобразной «палочкой-выручалочкой» служит работа в такси. Одной из первых покупок с подобных строительных или нефтяных «шабашек» всегда становится машина (кстати, личный автомобиль был в семьях почти всех респондентов), которая сразу находит себе применение в пассажирских или грузоперевозках. Услуги такси, вместе с ремонтом квартир, являются теми вариантами занятости, что помогают молодым рабочим довести официальные зарплаты до удовлетворяющего их уровня. Например, еще один участник исследования получает 30 тыс. рублей в месяц, работая кладовщиком в одной из ульяновских торговых фирм. *«Еще 40 или 50 тысяч имею на подработках водителем. — Раскладывает он свой бюджет. — На эти деньги можно себе что-то позволить и отдохнуть, съездить, и еще что-то... с мальчишками там пивка, шашлычка в гараже пожарить. Отложить» (25 лет, среднее специальное образование, Ульяновск).*

У наиболее удачливых на таких «подработках» получалось заработать себе не только на машины, но и на квартиры. В Елабуге 23-летний водитель, сочетая занятость в особой экономической зоне с работой в городской службе такси, а также помогая отцу и дяде в дальнобойных рейсах, сумел скопить средства на строительство дома. Конечно, в интервью встречались и обратные примеры крайней нужды, но и в них выход на вторичный рынок труда рассматривался как единственный способ выживания. Семья 19-летней петербурженки (муж и годовалый ребенок) в какой-то момент осталась лишь с 12-ю тыс. рублей дохода, складывавшегося из разных социальных начислений. В силу определенных жизненных обстоятельств ее супруг не мог довольно долгое время работать, тогда она пошла распространителем объявлений, чаще всего берясь за заказы без всяких официальных договоров. Несмотря на то, что ей приходилось сталкиваться с обманом со стороны работодателей: отказами от оплаты сделанной работы или длительными задержками, — она считает, что расклейка объявлений их спасла. Семья смогла остаться в снимаемой квартире, денег хватало не только на необходимые продукты питания, но и «на игрушки побаловать сына». Правда, для этого ей приходилось расклеивать до 800 объявлений в день, а также братья за промоутерские акции. Если на первых порах она находила работу в основном через знакомых, ни от чего не отказываясь, то теперь она активно использует интернет-сервисы типа «Авито», где размещает объявления о своих услугах и уже останавливается только на тех предложениях, которые ее больше всего устраивают.

Активное вовлечение молодых рабочих во вторичную занятость приводит к формированию у них отличного от родителей пути к достижению успеха. Как продолжение своей основной деятельности они рассматривают самозанятость. «Работа — только для себя!» — вот та цель, которую они ставят не только в трудовом, но и социальном плане. Юноши и девушки не замахиваются на какие-то грандиозные бизнес-проекты. Их вполне удовлетворяет сезонная аренда гаража под шиномонтажную мастерскую или организация под своим началом строительной бригады из 5–7 человек. В самых далеко идущих мечтах значится: *«Грузовичок купить — средний... Буду в «Контакте» грузы до Москвы искать. Раз в неделю, на 100 тысяч, допустим. А что?! Неплохо, я считаю. 40 тысяч — водителю, бензин, то се, остальное себе» (23 года, профессиональные курсы, оператор, Елабуга).*

Особенностью рабочей молодежи является то, что юноши и девушки не собираются бросать свою основную занятость. Они пытаются гибко встраивать мелкий бизнес в уже

реализуемые трудовые стратегии, совмещая его с другими видами работ или меняя их в зависимости от складывающейся социально-экономической ситуации. На взгляд молодых рабочих, курс на предпринимательство является для них тем направлением, в котором удачно будут сочетаться их рабочие компетенции, хороший доход и свободный график работы. Они реалистично задумываются над тем, чем будут заниматься через 20–30 лет, и смогут ли они тогда выдерживать тяжелый физический труд. Многие из них уже столкнулись с невозможностью пробиться выше на своих предприятиях и найти место, где была бы «зарплата приличная и работа нетяжелая». Тот же кладовщик из Ульяновска намеревался дослужиться до менеджера по продажам: «Товар [пленка поливинилхлоридная (ПФХ)] я знаю, могу про него рассказать, цвета знаю, работу менеджера знаю, как документы оформлять, отсрочки — все это». Но ему в руководстве фирмы отказали: «Сказали — нет и все... Перекрыли сразу. Не дали вырасти» (25 лет, среднее специальное образование, Ульяновск). Респондент сам понимает, что когда такими же кладовщиками работают окончившие вузы, у него со средним специальным образованием есть шансы только на то, чтобы «втихую, чтоб никто не знал, подняли зарплату», как самому толковому и расторопному работнику склада.

Оказаться на нижней ступени трудовой иерархии для молодежи очень тяжело. Практически во всех интервью их участники жаловались на пренебрежительное отношение к себе со стороны управленческого звена, непонятные дисциплинарные требования, отсутствие поддержки их производственным инициативам и системы постоянного повышения квалификации, а также компенсаций за вредные условия труда. К тому же многим на собственном опыте пришлось узнать, как владельцы предприятий вместе с помещениями и оборудованием могут сдать в аутсорсинг или перепродать весь трудовой коллектив, запросто перепрофилировать функциональные обязанности, изменить график работы, ввести жесткую внутреннюю систему взысканий и наказаний. Те места, на которые юноши и девушки устраиваются, несмотря на обещания работодателей, часто превращаются в тот конечный уровень, до которого они могут подняться. Структурных ресурсов самих рабочих профессий не хватает, чтобы преодолеть этот «липкий пол». Повышать разряды можно лишь с периодичностью один раз в три-четыре года. К тому же при прочих равных условиях их трудовой опыт, достигнутая квалификация и другие профессиональные качества будут цениться меньше непрофильного высшего образования. Поэтому молодые рабочие возлагают большие надежды на самозанятость, полагая, что, покрутившись на «подработках» и «шабашках», они наберутся не хватающей им деловой смекалки и найдут там партнеров. Некоторые не исключают, что тоже отправятся в вузы за «корочками», однако опасаются, что уже к концу подходит то время, когда в институтах и университетах, особенно на заочных отделениях, можно было, лишь числясь, получать заветные дипломы. Преимущество самозанятости, по мысли самих респондентов, заключается как раз в том, что, выбирая ее, не нужно получать высшее образование, искать для этого лишние деньги и время.

Неопределенность отношения рабочей молодежи к высшему образованию лежит в основе ее чувствительности к своему социальному статусу. С одной стороны, она испытывает серьезное давление со стороны сверстников, массово поступающих в вузы. Бывшие одноклассники без всяких проблем попадают туда, рассказывая о легкости обучения в университетах и институтах, о беззаботной и веселой студенческой жизни. С другой стороны, многим из них не удается впоследствии не только сделать карьеру, но и вообще найти работу по специальности. Среди знакомых респондентов юристы клеили аквариумы, экономисты шлифовали двери, инженеры шли в охранники, а психологи — в механики. Поэтому молодые рабочие хотя и ценят высшее образование, как-никак оно «открывает дорогу в начальники», но стараются рационально рассчитать те выгоды, которое оно им может принести. Они находят, что в лучшем случае оно им гарантирует отложенную восходящую

мобильность. Двадцатидвухлетний наладчик станков из Санкт-Петербурга, глядя на своих заканчивающих вузы одноклассников, предполагает, что после выпуска у них «...начнется: *«Нам нужен с опытом работы, который разбирается, все нюансы в этой профессии знающий. А ты — молокосос, ничего не знаешь. Извините, не возьмем. Нам нужен, чтоб стаж 5 лет был, чтобы 6 лет»* (21 год, среднее специальное образование, Санкт-Петербург).

Прибавляя к этому сроку 4 или 5 лет обучения, он заключает, что его друзьям понадобится в среднем около 10 лет, чтобы устроиться туда, где им только представится перспектива хорошего заработка и карьерного продвижения. Отвечая на вопросы об удовлетворенности имеющимся у них уровнем образования, молодые рабочие были не прочь подчеркнуть свое превосходство перед теми знакомыми, кто после окончания вуза получает гораздо меньше их. Они думают, что формальный проигрыш в образовании вполне компенсируется имеющимся у них уровнем потребления. Участники исследования не сомневались, что если об их жизненном успехе судить не по дипломам, а измерять его благосостоянием, то в этом они преуспели больше.

Сами себя юноши и девушки причисляли к среднему классу: они живут не хуже большинства горожан, отовариваются в тех же супермаркетах, что и остальные, так же ездят на курорты Египта и Турции, ходят отдыхать в клубы. Для них в оценке успеха важна общая удовлетворенность жизнью. Содержание же работы из-за ее частой смены и сам престиж профессии отступают на второй план. Если учащиеся лицеев и колледжей в 15–16 лет придирчиво разбирались с доступными им специальностями и считали, что здорово стать плиточником или паркетчиком, в то время как бетонщиком или сантехником — не самый завидный удел, то в 25 лет рабочая молодежь уже исходит из того, что *«работа — это работа, это, как говорится, это мои деньги, это мой хлеб»* (25 лет, среднее специальное образование, оператор call-центра, в прошлом пекарь, Ульяновск). Их трудовые установки приобретают целе-рациональный оттенок, при котором единственным мериллом становится размер заработной платы. Они наставительно замечают, что сейчас как молодежь, так и их родители *«ищут работу не оттого, где тебе хочется, а где больше прибыли, чтобы не нуждался ни в чем»* (25 лет, неоконченное высшее образование, грузчик, Елабуга). Только 3 из 45 дававших интервью молодых рабочих были по-настоящему увлечены своей работой. Позицию остальных лучше всего выразила 25-летняя респондентка из Ульяновска. Она успела проработать пекарем на крупном хлебозаводе, кондитером в небольшой фирме по производству тортов, а теперь ушла в операторы call-центра. Ни одного из своих занятий она не стесняется, но и *«с гордостью тоже не могу сказать, я отношусь параллельно»* (25 лет, среднее специальное образование, Ульяновск). Сравнивая свои достижения с бывшими одноклассниками, рабочая молодежь к 25–29 годам начинает обращать внимание на сам факт наличия у них работы и тот уровень жизни, который она обеспечивает. Развернутые трудовые характеристики, а вслед за ними и образовательные, тем самым исключаются из системы показателей социальной мобильности. Родители тоже с высоты своих лет считают образование и должности преходящими критериями. В обычной жизни гораздо значимее в оценке успешности детей становится наличие у них семьи, собственных детей, жилья, решение других бытовых вопросов и т. п. Со временем даже забывается, какое точно учебное заведение и по какой специальности оканчивали их сыновья и дочери. А переход тех с одной работы на другую запоминается, только если он был связан с каким-то важным жизненным событием.

Заключение

Итак, в статье рассмотрены особенности восприятия молодыми рабочими своего социального положения. Они находят в нем определенные преимущества и видят перспективу продвижения внутри самого пространства рабочих профессий, не считая, что

они дают меньше жизненных шансов, чем другие виды занятости. Собранные интервью показывают, что рабочие не только адаптировались к изменившейся статусной структуре, но и активно переконструируют ее в своих интересах. По их представлениям, они занимают особое положение в обществе. С их точки зрения, рабочие составляют его фундамент, но не как низовая, а как самая надежная часть. Без целого ряда профессий специалистов, особенно в трудных условиях, можно обойтись, а вот без труда рабочих нет. Многие семьи одобряют старт своих детей с рабочих профессий, как с точки зрения экономических выгод (широта предложений на рынке труда, высокие заработки), так и правильных моделей взросления. Исследование носило качественный характер, поэтому не претендует на генерализацию сделанных выводов. Но оно продемонстрировало, что стереотипизация рабочих, в том числе в научной литературе, может привести к одностороннему взгляду на их социальную мобильность. Для них значимым лифтом оказывается самозанятость и предпринимательская инициатива. К высшему образованию у молодых рабочих сформировалось двойное отношение. Имея его, легче продвинуться по служебной лестнице, но оно не гарантирует больших, чем у них сейчас, заработков, а также стабильности. Юноши и девушки руководствуются собственными критериями при оценке успешности трудоустройства. Работа для них делится не по профессиям, а по условиям труда. Разница последних вместе с дифференциацией оплаты труда приводит к расслоению рабочего класса. В проекте как раз получилось найти ту часть молодежи, которая приблизилась к его верхним слоям. Пока еще этих юношей и девушек трудно назвать «элитой» или «аристократией» рабочего класса, но их пример нельзя не учитывать при анализе общего положения рабочих.

Литература

Абрамов Р. Н. Металлурги на промышленном предприятии // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2012. С. 153–175.

Алексеев А. А. Средний класс в структуре современного Российского общества. Орел: ОФ РАНХиГС, 2012.

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Карабчук Т. С., Рыжикова З. А., Биляк Т. А. Выбор профессии: чему учились и гдегодились? // Экономический журнал ВШЭ. 2009. № 2. С. 172–216.

Выравнивание шансов детей на качественное образование: сб. материалов // Комиссия общественной палаты Российской Федерации по развитию образования / Под общ. ред. И. Д. Фрумина, С. Г. Косарецкого, М. А. Пинской, И. Г. Груничевой, Т. В. Тимковой. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

Карабчук Т. С., Косолапова С. С. Динамика и структура неполной и вторичной занятости в России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). М.: НИУ ВШЭ. С. 84–96.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 1996.

Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35.

Харченко В. С., Бурлуцкая М. Г. Фрилансеры: специфика социального статуса, стратегии карьеры и профессионального развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 111–123.

Шевчук А. В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 44–54.

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М: ОЛМА Медиа Групп, 2009.

Ярошенко С. «Новая» бедность в России после социализма // Лабораториум. 2010. № 2. С. 221–251.

Omelchenko E. L., Pilkington H. Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice) // Sociology Compass. 2013. Vol. 7. № 3. P. 208–224.

Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования¹

Анна Стрельникова*

В статье обсуждаются возможности анализа субъективного восприятия переездов (событий, связанных со сменой места жительства) как пространственных проекций социальной мобильности. Автор считает, что переезды приводят к изменениям в жизни, субъективно воспринимаемым как важные и влияющие на траекторию жизни. Опираясь на описание переездов в биографическом повествовании, можно анализировать самоидентификацию респондента с тем или иным положением в социальной структуре на начало и конец анализируемого периода (до переезда и после него), и благодаря этому становится возможной субъективная оценка результатов социальной мобильности.

Ключевые слова: биография, мобильность, социальная мобильность, географическая мобильность, пространственные практики, жизненные траектории

Постановка проблемы

Традиционные исследования мобильности как феномена перемещений в социальных координатах и интерпретация результатов этих перемещений сводятся, в большинстве случаев, к анализу «объективной» динамики материального благосостояния, а также динамики образовательного и профессионального уровней индивидов и групп (Тихонова, Давыдова, Попова, 2004; Тихонова, 2011; Андреев, 2007; Богомолова, Тапилина, 2006; Громова, 1998; Горшков, 2009). При этом исследователи могут отмечать, что некоторые «пространственные» переменные находятся во взаимосвязи с перечисленными стратификационными осями (например, уровень доходов может зависеть от региона проживания и типа населенного пункта, пространством формирования низшего класса становятся малые города и села, в то время как средний класс сосредоточен в крупных городах (Тихонова, 2011)), но до недавнего времени среди российских авторов пространственная составляющая социальной мобильности практически не становилась объектом для самостоятельного изучения. Еще меньше внимания уделялось анализу субъективных оценок события «переезда» как аспекта социальной мобильности.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре поколения российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14–28–00217.

* Стрельникова Анна, кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН, доцент социологического факультета ГАУГН. astrelnikova@hse.ru.

Однако в последние годы можно наблюдать, как обсуждение социальной мобильности стало выходить за рамки стратификационных подходов, становясь сюжетом глобального «мобильного поворота» в социальных исследованиях (Büscher, Urry, Witchger, 2011; Kien, 2009; Thrift, 2004; Hein, Evans, Jones, 2008). По мнению Дж. Урри, многообразные перемещения, варьируясь от ежедневных, еженедельных и ежегодных до продолжающихся всю жизнь, превращаются в рисунок жизни (Урри, 2013), поэтому движение в различных формах и проявлениях должно стать важнейшим концептом для осмысления социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов. Этот концепт необходимо использовать в том числе для реорганизации исследований социального неравенства (Урри, 2012). Принимая эти идеи и рассматривая пространственные проекции социальной мобильности, т. е. те изменения социальных позиций, которыми сопровождаются переезды (из одного жилища в другое, из одного населенного пункта в другой, из одной страны в другую), исследователи могут преодолеть излишнюю сфокусированность в описании данного феномена и охватить все многообразие жизненных траекторий индивидов и групп.

Таким образом, в основе нашего анализа лежит идея о том, что опыт переездов (как добровольных, так и вынужденных) и других пространственных перемещений накладывается на личные и семейные биографические сюжеты и меняет их, т. е. можно говорить о проекции жизненных траекторий на физическое (географическое) пространство и, затем, о влиянии географического «вектора» мобильности на различные события жизни.

Используемые методы и источники данных

Анализируя пространственную составляющую в описании социальной мобильности, мы опираемся на материалы проекта «Век социальной мобильности в России», где в качестве метода сбора данных выступали биографические интервью с представителями нескольких поколений одной семьи². Часть этих интервью вместе с исследовательской интерпретацией опубликована в монографии «Судьбы людей: Россия XX век» (Судьбы людей..., 1995), остальные интервью в настоящий момент обрабатываются участниками проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», среди которых и автор данной статьи. Для анализа нами отбирались те интервью, в которых в самом начале (на этапе первичного нарратива) респондент описывал свои переезды. В результате было проанализировано 22 интервью. Важно упомянуть социально-исторический контекст, с которым соотносятся истории информантов: это, с одной стороны, опыт проживания в Советском Союзе и, с другой стороны, опыт жизни на переломе эпох в начале 90-х годов XX века (именно в этот «переломный» период проводился сбор данных).

Пространственные перемещения в биографическом повествовании

Одной из характеристик биографического повествования является детализация рассказа, подразумевающая, со стороны рассказчика, осознанную необходимость в уточнении тех или иных сюжетов биографии через их соотнесенность со временем и пространством. Поэтому в процессе биографического интервью рассказчик, наряду с использованием других структурирующих элементов своего повествования, дает

² В проекте «Век социальной мобильности» отбор респондентов и многоэтапный анализ семейных жизненных траекторий осуществлялись среди возрастной когорты 1965–1967 годов рождения тех, кто участвовал в лонгитюдном проекте «Пути поколения России» (М. Титма, В. Семенова, Л. Коклягина). В архиве данных этого проекта содержится около 120 биографических интервью из 68 семей.

описание места и времени как обстоятельств, необходимых для понимания описываемых им событий (Рождественская, 2012; Голофаст, 1995). Можно сказать, что перемещения в пространственных координатах являются доминантными событиями биографии по критерию существенного изменения привычных обстоятельств жизни, которые субъективно воспринимаются как важные для рассказчика. Анализ таких событий, с одной стороны, имеет самостоятельную ценность при изучении жизненного пути. С другой стороны, такие события создают структуру жизненной траектории, очерчивают поворотные моменты этой траектории и, в конечном счете, помогают информанту и исследователю разделить жизненный путь на четкие этапы, для каждого из которых становится возможной субъективная оценка результатов социальной мобильности. Иными словами, время и пространство могут выступать в качестве упорядочивающих элементов рассказа о жизни, что позволяет говорить о возможности анализа «пространственных» биографий, или биографий, насыщенных пространственными практиками (Стрельникова, 2014). Точками отсчета в такой биографии могут служить переезды, утрата или обретение жилья и другие важные для рассказчика эпизоды житейского опыта, связанные с пространственными перемещениями.

Таким образом, биографические рассказы могут быть выстроены как нарративы жилищной мобильности, с последующим субъективным осмыслением переезда в терминах социальной мобильности. Иначе говоря, переезды и связанные с ними сюжеты предстают в качестве пространственных проекций социальной мобильности, среди которых можно выделить следующие типы:

1) переезды как поворотные моменты биографии (наличие намерений по поводу переездов в разные периоды жизни, практика реализованных переездов, количество переездов и их направленность): *«После окончания института мне как семейной должны были выделить комнату, ну как молодому специалисту. <...> Потом я ушла в декрет и уехала к родителям мужа, а там прожила три года ещё. <...> Мне после возвращения общежития долго-долго не давали и, в результате, я оттуда уволилась из-за жилья» (И., жен., 45 лет³);*

2) характеристики «приживаемости» индивидов после переездов (формирование и закрепление статусных позиций в новом пространстве, обретение дружеского окружения, освоение пространства и его инфраструктуры и т. д.;

3) формирование своего личного пространства в интерьере жилища и отражение в этом пространстве своего статуса, достижений, представлений о жизненном успехе, а также представления индивида об идеальном жилище, о желательном и нежелательном соседстве: *«Особенно-то интерьером и не задавались, что было, то и вешали... Допустим, выбросили ковёр там какой-нибудь, и бежали все за этим ковром. Он мог там провисеть всю оставшуюся жизнь. <...> Может быть, там повыше которые люди были. Те всё-таки они... выбор был у них где-то больший, они могли даже некоторые там и за границу выезжать, вот, а мы — средний уровень, нет, нет. Было, доставалось, тому и рады были» (А., жен., 50 л.);*

4) пространственные практики (повседневные перемещения в рамках своего населенного пункта и его окрестностей, специфические ориентиры и описания пространства, в которых косвенным образом проявляются статусные характеристики: *«Мы жили практически в пригороде, который считался Москвой. Поездка в город — это праздник. У нас ходил один-единственный автобус в центр» (Е., жен., 55 л.).*

В рамках данной статьи мы рассматриваем преимущественно первый тип пространственных проекций мобильности, т. е. переезды как поворотные моменты биографий, благодаря которым респондент связывает свое пространственное перемещение (смену

³ Здесь и далее указан возраст информантов на момент сбора данных.

места жительства) с изменением места в социальной структуре, идентифицируя свое положение на начало и конец анализируемого периода, т. е. до переезда и после него. Отметим, что в ходе описания переездов рассказчики, как правило, акцентируют внимание на изменениях привычного жизненного уклада, а также на появлении различных возможностей, недоступных ранее. Подобные сюжеты позволяют увидеть событие глазами рассказчика, а также его отношение к «старому» и «новому» положению в пространстве. Говоря словами Г. Башляра, «различные жилища нашей жизни проникают друг в друга в мечтах и хранят сокровища прежних дней» (Башляр, 2002, с. 3).

От «перемещений» к «траекториям»: субъективная оценка результатов социальной мобильности

По нашему мнению, целесообразно разделить анализ представлений о влиянии пространственных перемещений на два этапа: 1) оценка их потенциала (то, что информант ожидал от своей пространственной мобильности на этапе ее планирования) и 2) оценка результатов (т. е. успешности перемещений, степени реализации своих ожиданий). Анализ двух этих этапов позволяет более точно понять, «лучше» или «хуже» стала жизнь информанта после переезда (или после серии переездов), «ближе» или «дальше» информант ощущает себя по отношению к своим жизненным целям, т. е. в этом случае происходит перенос траектории пространственных перемещений на траекторию жизни. В свою очередь, такой перенос дает возможность к формированию субъективной оценки переездов в понятиях жизненной цели, т. е. к своеобразному отождествлению «переездов» с более общим понятием субъективной успешности/неуспешности своей жизни, повышения/понижения статуса. Рассмотрим в качестве иллюстрации несколько жизненных историй из проекта «Век социальной мобильности в России».

Переезд как основная жизненная цель. В биографии Т. (жен., 45 лет), выросшей в небольшом селе, переезд в Москву воспринимался как основная жизненная цель после окончания школы-восьмилетки: *«с братом был разговор, что я в Москву хочу уехать, устала я в деревне, поеду в Москву»*. Ожидания от переезда у информантки были самыми положительными, даже идеализированными. Поэтому данную цель предполагалось достичь даже вопреки воле родственников. Сначала девушка уговорила мать, чтобы та отпустила ее в Москву на каникулы, затем в поезде произошла встреча Т. с будущим мужем, который раньше жил в соседнем селе, а теперь *«год уже как жил в Москве, устроился»*, и потом, чувствуя поддержку с его стороны, девушка вернулась в родное село, чтобы попрощаться с близкими: *«поехала я домой обратно, с матерью поговорила. Ну, она, конечно, расплакалась, не хотела отпускать»*.

Сразу после переезда Т. поступила в ПТУ, получила место в общежитии, спустя год вышла замуж за своего попутчика, еще через год у них родился ребенок. С этого момента в повествование вплетается тема жилищной мобильности, т. е. изменение жилищных условий, связанное с происходящими в жизни событиями: *«Нам отделили комнату одну <...> общежитие было маленькое, бревенчатое. И мы жили там год — нет, больше — до рождения ребенка. А потом нас перевели в новое общежитие, там была квартирная система: кухня общая, ванна-туалет»*.

Анализируя эту часть биографии, можно отметить, что изначально переезд воспринимался информанткой как единственная возможность устроить свою жизнь. Однако, прожив половину жизни в Москве, Т. весьма скромно оценивает успешность своей жизненной траектории. Во второй части интервью она отмечает, что жизнь в городе сложилась вовсе не радужная, а в ее селе была не такой уж плохой, и поэтому можно было бы туда вернуться. Иными словами, мы наблюдаем нейтральную субъективную оценку своего опыта мобильности как ни восходящую, ни нисходящую. Также стоит отметить, что

именно опыт переезда дает основу для сравнения тех или иных периодов своей жизни, т. е. переезд становится важным ориентиром для оценивания своих возможностей до и после него.

Переезд как перемещение от одного социального окружения к другому. В биографии С. (муж., 40 лет), насыщенной многочисленными внутригородскими переездами с раннего детства, смена жилища соотносилась с закреплением себя в новом социальном окружении, а сами квартиры описывались с точки зрения их престижности (по местоположению, близости к значимым объектам городской инфраструктуры, площади, интерьеру и т. д.): *«Мы переехали на другую квартиру... стали жить напротив Академии художеств», «это был уже центр, соответственно, уже другое окружение», «дача была со всеми удобствами, со всеми буквально, какие есть в городе... 3-комнатная квартира с ванной, с туалетом, с водой, ну, все, все, все».* Эти элементы повествования служат важными структурными элементами для подчеркивания высокого статуса, который имела семья С. в прошлом. Этот статус позднее, в «лихие» 90е годы, был утрачен семьей рассказчика, но для него он является устойчивым ориентиром для субъективной оценки текущей социальной позиции как неуспешной.

В биографии Я. (муж., 38 лет) уже при описании детства можно увидеть сравнение статуса родителей и статуса ближайшего окружения, а также сравнение ожидаемых и реальных жилищных условий, которые соответствовали бы данному статусу: *«жили в коммуналке <...> моя мать несколько выпадала из этого ансамбля, потому что она была такая женщина интеллигентная, а там люди были попроще, <...> потом как-то сложным обменом выкрутили квартиру двухкомнатную».*

В биографии Б. (жен., 56 лет) мы обнаружили запутанный рисунок географических перемещений, который можно назвать «гипермобильностью». Эта гипермобильность была связана с опытом постоянных лишений и житейских неурядиц: репрессии в родительской семье, расселение в бараки, отсутствие прописки, вынужденный уход с работы из-за недоброжелательности и доносов. Б. предпринимала попытки «остановить» свои перемещения, но обстоятельства, в первую очередь жилищные, были неблагоприятными: *«Может, они и не знали, что я из раскулаченных, но знали, что я жила в бараках, а в бараках жили все такие <...> Жить было нигде. У мамы был крохотный флигелечек. Комнатка и кухонька. Надо строиться. А как?».* В результате Б. устроилась на тяжелую низкоквалифицированную работу, т. к. там ей пообещали стройматериалы и ссуду: *«Пошла работать штукатуром. И штукатурила 20 лет. Руки не сгибаются. А что делать?..»*, и спустя 14 лет такой работы смогла обзавестись своим жильем. В данной биографии мы наблюдаем серию «неуспешных» переездов, которые не приводили к повышению социального статуса, а отсутствие собственного жилья воспринималось как самый важный критерий «неуспешности».

В биографии В. (муж., 38) тоже можно увидеть, что собственное жилье становится целью переезда и индикатором жизненного успеха (и везения). При этом другие события жизни (например, заключение брака) воспринимаются как фоновые, не доминантные:

Интервьюер: Расскажи, пожалуйста, про свое распределение, и что на него повлияло?

В.: Квартира повлияла. Еще будучи студентом получил ордер на квартиру в Москве. Фантастика, конечно! Ходили легенды... <...> получил московскую прописку! Получил квартиру! И вообще! <...> Из-за этих всех квартирных вопросов мы свой брак зарегистрировали позже несколько, вот. То есть когда я получил московскую прописку, тогда мы с женой пошли регистрироваться. Но я уже точно знал, что я на ней женюсь, для меня это была пустая формальность».

Конечно, тут важно понять, по сравнению с какой стартовой позицией респондент так эмоционально оценивает получение квартиры. В данном случае это был простой

деревенский дом в Подмосковье, который В. снимал вместе с будущей женой, и в который он переехал из институтского общежития. На этом фоне получение московского жилья воспринималось как подарок судьбы. В свою очередь, быстрое решение жилищного вопроса дало В. более высокие стартовые возможности в карьере: он получил возможность выбирать интересную для себя работу, причем с удобным творческим графиком:

«Было вот вакантное это место режиссера. <...> Я говорю: «У тебя как, свободно с графиком-то?» «Да, господи, мы ж друзья. Я директор, ты — мой подчиненный... Что я тебя буду контролировать, что ли, с 8 до 6... Есть работа — ты есть, нет работы...». Ну, я подумал, а что в этом плохого? <...> Ну, и хорошо дело пошло».

Межпоколенная мобильность: «отсроченные» эффекты географической мобильности. В ходе анализа интервью мы столкнулись с феноменом «отсроченных» эффектов географической мобильности. В зависимости от объекта сравнения (семья родителей или семья самого индивида) можно различать внутрисемейную и межпоколенную мобильность. Анализ межпоколенной мобильности становится возможным на базе жизненных историй, в которых переезд был важной вехой в биографии родителей, но заметное изменение социальных позиций наблюдалось только в следующем поколении (у детей). Например, в истории семьи Шинелевых (*Судьбы людей...*, 1996, с. 70–99) мигранты-крестьяне после переезда в столицу сохранили свой привычный деревенский уклад жизни, занимаясь тяжелым физическим трудом и совсем не пользуясь инфраструктурой большого города. Говоря словами П. Сорокина, такое поведение является «уединением внутри своей социальной ячейки», в которой человек «...обречен думать и смотреть на мир сквозь очки» этой ячейки (Сорокин, 2004Ю с. 102–103). Но при этом семья Шинелевых понимала, что им обязательно нужно дать детям высшее образование, чтобы дети могли заниматься не такой тяжелой работой, как они сами. Сам факт появления этой возможности (и ее последующая реализация) говорит о том, что посредством миграции из села в город менялся социальный статус семьи, причем, как показывают результаты массовых опросов того же временного периода (Черныш, 1995, с. 135), для жителей сельской местности миграция в город в группу низкоквалифицированных рабочих являлась единственным каналом мобильности. В этой ситуации географическая мобильность имеет «отсроченный» эффект, т. к. обеспечивает формирование новых стартовых позиций для последующих поколений, т. е. для детей мигрантов, через образование. Отметим, что сам факт «отсроченности» тех или иных социальных последствий отмечался также и в традиционных исследованиях социальной мобильности. Например, М. Ф. Черныш, описывая влияние социальных перемещений индивида (от одной статусной позиции к другой) на изменения его идентичности (мировоззренческих установок, образа жизни и др.), обнаружил, что это влияние в значительной мере инерционное. Опираясь на результаты эмпирических исследований, Черныш делает вывод, что при достижении новой социальной позиции у индивида наблюдается «шлейф прошлых, не всегда положительных, ценностей и неконструктивных представлений» (Черныш, 1995).

Заключение

Таким образом, траектория географических перемещений индивида становится не только важным источником информации о социальной мобильности, но также основанием для субъективной оценки результатов этой мобильности. Описывая пространственные перемещения, информанты раскрывают свою логику принятия решений в тех или иных жизненных ситуациях, дают описания стартовых и текущих статусных позиций (как личных, так и своего ближайшего окружения). Пространственные «точки» становятся точками в рисунке жизненной траектории и отражают результаты социальной мобильности, будь то переход в статус горожанина или внутригородской переезд, связанный с изменением семейного статуса или переходом на другую работу.

Биографический подход позволяет проанализировать субъективный смысл переезда, соединяя факт перемещения с его мотивационными структурами, т. е. с тем, как сами респонденты рассматривают переезды в качестве жизненной утраты или приобретения. Отметим, что именно анализ индивидуальных жизненных траекторий позволяет понять, как меняются возможности (ресурсы, шансы) индивида при перемещениях с одного места на другое, и как перемена места жительства предстает в нарративах рассказчиков в роли основной жизненной цели, критерия повышения своего статуса или престижа, вложения в будущие поколения.

Отдельного рассмотрения в дальнейших работах заслуживает тема жизненного успеха, которая акцентируется при обсуждении сюжетов, связанных с перемещениями и переездами. Результаты проанализированных интервью показывают, что представления о жизненном успехе не статичны в течение жизни, т. е. можно говорить о динамике представлений об успешности, причем эти представления могут быть привязаны к определенным точкам во времени и пространстве. Также можно говорить о «максимальной» и «минимальной» (в субъективном представлении) успешности в течение жизни и о том, как перемена места жительства соотносится с субъективной ценностью жилища как такового. Можно предположить, что на момент сбора данных (90-е годы) тема «ценности жилья» (самого наличия жилья, как «крыши над головой») была особенно актуальной для информантов, проживших большую часть жизни в советские годы, и, соответственно, переезд, сопряженный с фактом получения жилья, был бесспорным для них индикатором повышения статусных позиций. По нашему мнению, в будущих исследованиях было бы перспективно провести сравнение этих представлений о жилище и переездах с представлениями, актуальными на данный момент.

Литература

- Андреев А. Н. Ментальность россиян и проблемы социального неравенства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 2 (82). С. 67–73.
- Башляр Г. Смысл жилища // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–26.
- Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Бедность в современной России: измерение и анализ // Социология: методология, методы и математическое моделирование (Социология: 4М). 2006. № 22. С. 90–113.
- Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
- Горшков М. К. Российская повседневность в условиях кризиса: социологическое измерение // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 36–47.
- Громова Р. Г. Социальная мобильность в России: 1985–1993 годы // Социологический журнал. 1998. № 1/2. С. 15–39.
- Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Высшая Школа Экономики, 2012.
- Сорокин П. А. Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию / Пер. с англ. М. В. Соколовой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2 (70). С. 101–110.
- Стрельникова А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2014. № 8. С. 30–36.
- Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М.: ИС РАН, 1996.
- Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 24–35.
- Тихонова Н. Е., Давыдова Н. М., Попова И. П. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 120–129.

Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева М.: Праксис, 2012.

Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3–14.

Черныш М. Ф. Социальная мобильность и массовое сознание // Социологические исследования. 1995. № 1. С. 134–138.

Büscher M., Urry J., Witchger K. Mobile Methods. London: Routledge, 2011.

Hein J., Evans J., Jones P. Mobile methodologies: Theory, technology and practice // Geography Compass. 2008. Vol. 2 (5). P. 1266–1285.

Kien G. Global Technography: Ethnography in the Age of Mobility. NY: Peter Lang Publishing, 2009.

Thrift N. Movement-space: The changing domain of thinking resulting from the development of new kinds of spatial awareness // Economy and Society. 2004. № 33 (4). P. 582–604.

Жилищные траектории московских семей¹ в XX веке как объект вторичного анализа биографических интервью²

Елизавета Полухина*, Александра Горяйнова**

Аннотация. Эмпирические данные этой статьи включают материалы о 21-й семье (всего проведено 38 интервью). Данные собраны в 1992–1994 гг. в Москве, в рамках проекта «Век социальной мобильности в России» (рук. Д. Берто, 1992–1994 гг.). На основе анализа мы построили жилищные траектории семьи и разделили их на три типа: профессиональный переезд; образовательный переезд; нестабильная ситуация с жильем из-за военных действий.

Ключевые слова: жилищная мобильность, жилищные траектории, история семьи, Москва XX век, биографические интервью

Жилищная мобильность и траектории

Социальная мобильность в широком смысле — это перемещение индивидов и социальных объектов из одной социальной позиции в другую (Сорокин, 1992). Согласно концепции Джона Урри, совокупность перемещений лежит в основе социальной жизни. Американский социолог полагает, что именно «мобильности» должны быть предметом социологии, заменив традиционную категорию «общество». В связи с этим мобильность — это «реальные и потенциальные перемещения в их связи с социальными отношениями в пространстве и времени» (Урри, 2001). Пространственная или географическая мобильность, выступая в качестве наблюдаемого движения, включает несколько форм: миграция, жилищная мобильность, путешествие и будничная мобильность (Kaufmann, 2002). Т. е. эти перемещения происходят в пространственно-территориальной системе и различны по масштабам и длительности. Одним из малоизученных видов является *жилищная мобильность как смена индивидом/семьей жилищных условий, и как результат, — смена жилищного статуса*. Традиционно под типом жилья понимаются характеристики жилого помещения (например, отдельно стоящий дом, квартира

¹ Многие анализируемые семьи стали москвичами только во втором поколении (поколение родителей), так как их родители были рождены не в московском регионе.

² Статья написана в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI — четыре генерации российской истории», поддержанного Российским научным фондом. Грант № 14–28–00217.

* Полухина Елизавета, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, доцент социологического факультета ГАУГН, со-руководитель научно-учебной группы «Стратегии смешивания методов в социальных исследованиях». epolukhina@hse.ru.

** Горяйнова Александра, студентка 1 курса магистратуры НИУ ВШЭ, участник научно-учебной группы «Стратегии смешивания методов в социальных исследованиях». aleksandra.goraianova@gmail.com.

в многоквартирном доме), его условия — комфортность, районность, комнатность, этажность и другие критерии.

Как отмечает социолог Анна Стрельникова, «...будучи мобильными, люди накапливают определенный опыт субъективных описаний для каждого пункта своих перемещений, причем этот опыт накладывается на личные и семейные биографические сюжеты и меняет их. Это приводит нас к описанию проекций жизненных траекторий на физическое пространство и влияния «вектора» мобильности на различные события жизни» (Стрельникова, 2014, с. 30). Поэтому в рамках данной статьи взгляд на жилищную мобильность будет представлен через историю семей в 3-х поколениях (прародители, родители, дети).

Исторический контекст: дефицит жилья, коммунальные квартиры и массовое строительство

В XX веке социальная жизнь горожан и облик столицы претерпели множество изменений. Анализируемый век — это один из самых насыщенных периодов: две войны, революция, смена политических и экономических режимов. Вследствие обозначенных перемен жилищный фонд Москвы в XX веке менялся стремительно: происходила «перестройка» от деревянных зданий до «каменных» жилых построек, от малоэтажных до многоэтажных, от необустроенных домов и бараков до «комфортных» квартир. Первым государственным документом, согласно которому происходило преобразование города, был Генеральный план реконструкции Москвы. Он был впервые утвержден в 1935 г. В дальнейшем этот план был разработан заново в 1952 (второй план) и далее в 1971 г. (третий план) (Ресин, Попков, 2013, с. 264–265).

Так, в 30-е годы меньшая часть семей занимала отдельные квартиры, подавляющее большинство — коммунальные (Семенова, 1996, с. 374). На смену обветшалому, малоэтажному, отчасти деревянному жилью 1920-х годов стало приходиться строительство благоустроенных зданий. Они больше соответствовали требованиям населения (Горлов, 2009). Квартиры в «сталинских» домах, построенные с начала 1930-х до конца 1950-х годов, были более благоустроенными, чем другие типы жилья, и были рассчитаны на отдельные семьи. «Сталинские» дома, задумкам руководства страны, должны были обрамлять главные улицы, демонстрируя роскошными фасадами величие нового строя. Обитателями «роскошных» домов стали преимущественно высокопоставленные чиновники и «культурный бомонд» столицы (Кулакова, 2006, с. 205).

Для Москвы 30–50-х годов прошлого века характерна политика «уплотнения» — заселение квартир, ранее принадлежащих одной семье, несколькими семьями, где каждой, обычно, предоставлялась одна комната (Семенова, 1996, с. 374). Так преимущественно и создавались коммунальные квартиры. В одном жилом доме могли проживать люди разных профессий и социальных групп. Однако, как отмечает в своей работе И. Кулакова, условия проживания для людей различных профессиональных статусов отличались: «...профессор и артист живут, преимущественно, в отдельных квартирах, рабочий — в коммунальных» (Кулакова, 2006, с. 208).

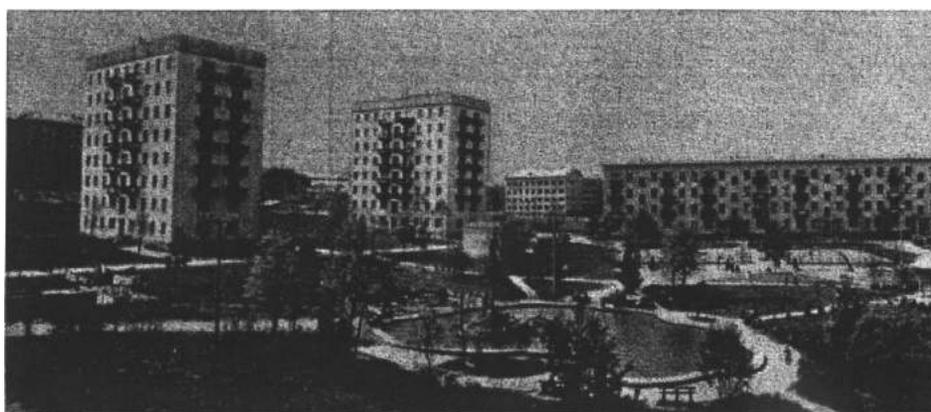
Массовое строительство пятиэтажных панельных домов («хрущевок»), начатое с середины XX века, обеспечило значительную часть жителей Москвы отдельными квартирами. В архитектуре жилых помещений преобладает «суровый стиль», со свойственными ему технологизмом и стандартизацией (Кулакова, 2006, с. 214).

С начала 60-х годов производится градостроительная реконструкция центральной части Москвы. Нормой стала отдельная квартира, а не коммунальная. Происходил так называемый переезд москвичей «из общественных ульев в личные гнезда»³. Многие мо-

³ Эта фраза стала символической для переездов того времени и была заимствована из фильма «Покровские ворота» (1982 г., реж. М. Казаков).

сквичи с нетерпением ожидали переезд из коммунальной квартиры, которая находилась в центре, в отдельную квартиру в отдаленном районе (Трущенко, 1995). Для них престиж центра был не главным критерием, в отличие от типа жилья. Так как отличительной чертой коммунальной квартиры, по сравнению с отдельной, является сосуществование семей в рамках одного жилищного пространства и специфический «коммунальный» социальный порядок, то многие стремились скорее переехать и жить автономно (Утехин, 2004). Соответственно, доля жителей центра Москвы сократилась, так как люди освободили коммунальные квартиры. С 1960 до 1988 г. количество жилых помещений центрального района сократилось почти на половину благодаря превращению жилищного фонда в административные здания (Маниловский, Шевелкин, 1988).

Рис. 1. Микрорайон Новые Черемушки. 1956–1957 гг. Панорама застройки 9-го экспериментального микрорайона⁴, вместившего дома 14-ти типов с разными типами жилых секций и планов квартир.

К 1970 г. количество проживающих в коммунальных квартирах сократилось (Шульга, 1988). В 1960–1975 гг. дома начали «расти вверх» и к 1975 г. достигали 16-ти этажей (панельные, панельно-блочные, каркасно-блочные). В соответствии с новыми нормативами были незначительно увеличены размеры комнат, кухонь, прихожих, чуть приподняты потолки (Кулакова, 2006, с. 217–223). По количеству комнат распределение жилого фонда было следующим: 2,6% — общежития и коридорная система, 97,4% — квартиры, из них: 18,5% — однокомнатные, 46,8 — двухкомнатные, 24,9 — трехкомнатные, 4,2% — четырехкомнатные, 2,9% — пятикомнатные и более (Ресин, Попков, 2013, с. 269). Преобладание двухкомнатных квартир сохранится до конца 80-х годов, что «...продолжало провоцировать искусственное деление больших семей» (Ресин, Попков, 2013, с. 269). Обеспеченность жилой площадью на одного жителя составляет 15,9 кв м общей и 10,5 кв м жилой площади. В 1986 г. было построено 22-х этажных домов 15,4%, 16–17-ти этажных 52,6%, 12–14-ти этажных 29%, 9-ти этажных 1,3%, до 9-ти этажей — 1,5%. Тенденции к увеличению доли многоэтажных (16–22 этажей) домов в общем объеме жилищного строительства сохранялась (Ресин, Попков, 2013, с. 269). По мнению части градостроителей, квартирный состав жилищного фонда не соответствовал семейной структуре: не доставало одно-, трех- и четырехкомнатных квартир. В относительно комфортных условиях, где число комнат равно числу членов семьи, проживало менее 25% семей (Ресин, Попков, 2013, с. 268).

⁴ 9-й экспериментальный микрорайон находился между улицами Дмитрия Ульянова, Гримау, Шверника и Проспектом 60-летия Октября. См.: Кулакова И.П. История московского жилья. М.: ОГИ, 2006. С. 216.

Способы обеспечения жильем в советское время были различными. Часть жилья распределялась среди тех, кто работал на предприятии или в организации (Горлов, 2009). Часть жилья «раздавалась» в рамках распределительной экономики советского типа бесплатно семьям, стоящим в очереди, при условии, что на одного члена семьи приходится меньше существующего стандарта в квадратных метрах. Определенная доля квартир покупалась москвичами при помощи жилищно-строительных кооперативов. В первую очередь жилплощадью обеспечивали сотрудников, имеющих большой трудовой стаж, семьи с детьми или высококвалифицированных работников (Горлов, 2009).

Специфика данных и их анализ

Статья написана на основе архивных данных, собранных в период 1992–1994 гг. в рамках проекта «Век социальной мобильности в России» (рук. Д. Берто, 1992–1994 гг.). Анализируемую базу составили 38 полуструктурированных биографических интервью, проведенных с несколькими членами 21-й семьи (см. приложение 1).

Биографический подход предполагает возможность оценки жизненных событий, происходящих в определенном историческом контексте с позиции людей, которые прожили эту жизнь (Мещеркина, Семенова, 1994). Этот подход позволяет получить информацию о главных жизненных событиях информанта, при этом его ключевой функцией выступает воспроизводство «непрерывности жизненного пути» (Рождественская, 2012, с. 19). Чтобы проследить межпоколенные траектории индивидов, изучить их интерсубъективный опыт переживания совершаемых перемещений, исследователи обратились к «историям семьи» (Ткач, 2007, с. 266). Этот подход позволяет отследить значение семьи, ее характеристик при трансмиссии различных статусов и профессиональных установок (Ткач, 2007, с. 273).

В основе анализа текстов интервью лежал процесс открытого и осевого кодирования (Страусс, Корбин, 2001). Посредством кодирования, мы, как исследователи, выясняем, какие смыслы индивиды приписывают своим перемещениям, действиям и социальному контексту, в котором они живут. В данном случае кодировались характеристики переезда, типы жилья, контекст переезда (причины, обстоятельства), механизм получения нового места жительства, значения, которые индивиды приписывают этим событиям.

Межпоколенные жилищные траектории: попытка визуализации данных

Проанализированы интервью с представителями трех поколений: прародители (1) от 1898 до 1917 года рождения, родители (2) от 1929 (один человек 1922) до 1953 года рождения, дети (1), рожденные с 1966 до 1970 г. Здесь мы опираемся на традиционно-генеалогический внутрисемейный подход к поколениям (Семенова, 2005), где поколенческие группы выделяются на основе их ролевых позиций в процессе семейной динамики (деды-отцы-внуки).

Для каждой семьи были построены жилищные траектории. В отличие от Анастасии Пойловой, которая изучала индивидуальные траектории предпринимателей и визуализировала и с помощью «биографического дерева» (Poylova, 2015, р. 64), мы предпринимаем попытку показать семейные траектории — типичные пути жилищных переездов, которым следовали семьи наших информантов в трех поколениях.

На основе 21-й траектории и были выделены 3 типа траекторий. Мы исходим из допущения, что основанием для выделения в отдельный «тип» являются траектории, которые свойственны нескольким анализируемым семьям. В свою очередь «уникальные» перемещения, не характерные для других семей, в данных схемах не представлены. То

есть при выделении актов мобильности (переездов) происходило редуцирование до наиболее «типичных» случаев, характерных для нескольких анализируемых семей.

Траектории представлены с помощью схем жилищной мобильности в межпоколенческой перспективе, где каждый акт мобильности — смена типа жилья членами семьи. В результате обозначены различные типы жилища, которые сменяются тремя поколениями информантов. Кроме того, указаны акты мобильности и «поводы» (личные мотивы), и «внешние» обстоятельства, спровоцировавшие перемещения. Показаны переезды старшего (1), среднего (2) и младшего (3) поколений с помощью иллюстрирующих «стрелок». Обозначены профессиональные статусы информантов, для которых актуальны разные механизмы распределения жилья.

Образовательный переезд

Рассмотрим группу случаев, где информанты в поколении прародителей (1) решают получить образование по окончании школы. Их перемещения опосредуются личным выбором (см. рис. 2). Условно мы можем назвать эту группу — совершившие «**образовательный переезд**» — переселение в общежитие, от которого происходят последующие перемещения.

Елизавета Полунина, Александра Горяйнова. Жилищные траектории московских семей в XX веке...

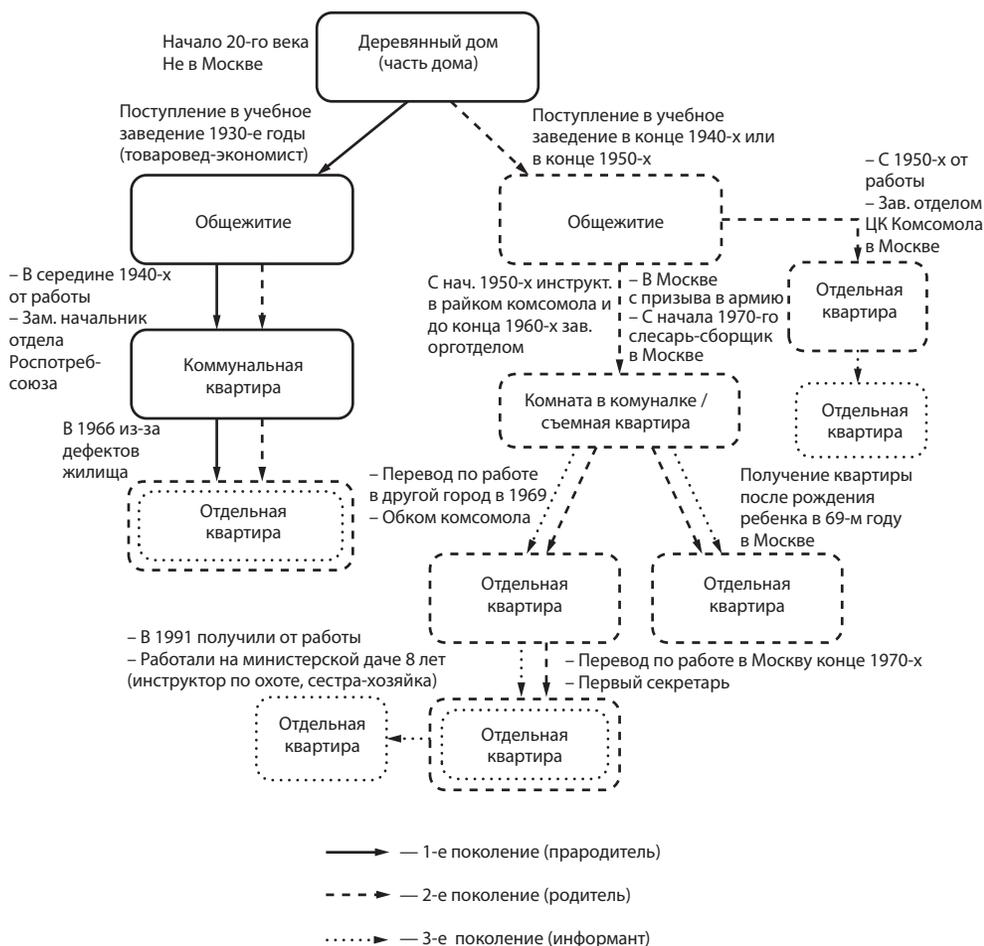

Рис. 2. Образовательный переезд: траектории жилищной мобильности москвичей в XX веке

Точкой отсчета выступает такой тип жилья, как деревянный дом, расположенный в городском пригороде или деревне, где живет старшее поколение (1) с начала XX века. Далее возможны два варианта переезда. В первом случае в общежитие переезжает старшее поколение (1) в 1930-х гг., а во втором — среднее (2), которое начинает обучение в учебном заведении в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Однако если информант из поколения родителей (2) занимал «высокую» должность, например, зав. отделом ЦК комсомола, то он оперативно получал от работы отдельную квартиру.

В семьях, где поколение прародителей (1) переселялось в общежитие, отдельные квартиры были получены вследствие неблагоприятных жилищных условий, ветхости жилья. При этом профессиональный статус индивида особо не учитывался. В результате, вне зависимости от имеющейся у индивида должности (информанты занимали как руководящие должности, так и должности служащих), семьи получали отдельное жилье взамен ветхого.

После проживания в общежитии и получения образования, с учетом различных причин переезда (рождение ребенка, ветхость жилья, устройство на работу, должностное повышение), были возможны несколько траекторий: получение отдельной квартиры; получение комнаты в коммунальной квартире, а затем отдельной квартиры; получение комнаты в коммунальной квартире; получение отдельной квартиры в другом городе (по работе), а затем получение отдельной квартиры в Москве.

Профессиональный переезд

Следующий тип переезда, связанный с перемещением в Москву по работе, мы условно назовем «**профессиональный переезд**». Этот переезд как жилищная стратегия берет начало в 1930-х годах, когда происходит перемещение из другого города/области в Москву или Московскую область в результате перевода по работе (см. рисунок 3).

На данном этапе «переехавшие» занимали должность служащих (начальник цеха, врач-хирург, начальник бюро). При переезде в Москву информанты, принадлежащие к поколению прародителей (или уже с поколением родителей), с середины 1930-х заселялись в коммунальные квартиры из деревянного дома или отдельной квартиры. У них не было возможности жить в Москве или Московской области в таком же типе жилья, так как отдельную квартиру никто не предоставлял сразу. При этом, в отличие от тех, кто совершает «образовательный» переезд, они минуют класс общежитий.

На следующем этапе у «переехавших по работе» была общая траектория — переезд в отдельную квартиру. Показательно, что практически все информанты имеют равный профессиональный статус — занимают должности служащих, однако механизмы получения своей квартиры у них были различны. Некоторые многопоколенные семьи (живущие с 2-мя старшими поколениями) получали отдельное жилье от предприятия, изначально эта была однокомнатная квартира. Другие семьи совершали более подходящий для них обмен/размен. Значительная часть информантов среднего поколения получала отдельную квартиру из-за рождения ребенка. Примечательно, что поколение детей в семьях, совершивших «профессиональный переезд», к середине 90-х годов живет в более комфортных жилищных условиях (больше комнат и метров жилплощади), чем молодое поколение в семьях, совершивших «образовательный переезд».

Один из информантов, приближенный к партийной деятельности, занимавший должность инструктора в райкоме комсомола, получил отдельную квартиру в связи с повышением (стал занимать должность зам. председателя в ЦК Комсомола). В основном их заселяли в «партийные» дома. Так, один из информантов описывает переезд в Москву:

«Нам сразу дали квартиру, когда мы сюда переехали. Это тоже можно считать льготой. Дом этот был ЦК ВЛКСМ. Все эти люди, которые сюда заселились, они приехали работать в ЦК ВЛКСМ. Из нашего дома москвичей — если наберется семьи 2–3, то это

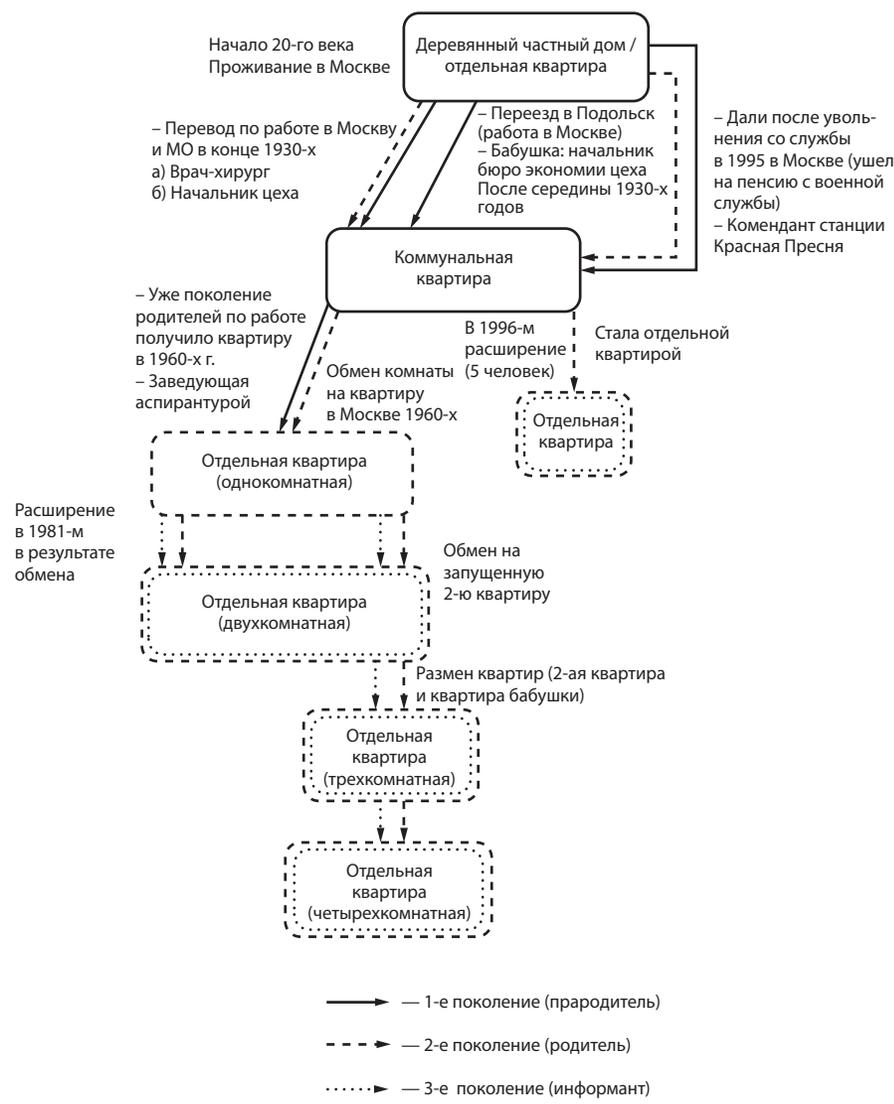

Рис. 3. Профессиональный переезд: траектории жилищной мобильности москвичей в XX веке

уже хорошо. Все приехали работать в ЦК Комсомола, либо мелкие сошки ЦК партии. Там инструктора всякие» (жен., 1932 г. р).

Таким образом, миновав проживание в общежитии, но приобретя опыт жизни в коммунальной квартире, совершившие профессиональный переезд, в дальнейшем стремительно улучшали свои жилищные условия, увеличивая размеры жилой площади и комнатность. Информанты этой группы традиционно переселялись из собственной однокомнатной в многокомнатные квартиры.

Вынужденная жилищная мобильность в военное время

Рассмотрим траектории мобильности, в которых первые перемещения индивидов связаны с военным режимом. Это был вынужденный переезд. Он обычно связан с вынужденной эвакуацией из населенного пункта вследствие ведения военных действий (см. рис. 4).

Некоторые информанты, принадлежащие старшему поколению (1) (одни или вместе с поколением родителей), перед тем, как начать жить в отдельной квартире, обитали в «неблагоустроенном» жилье (землянки, прихожая квартиры, арендованная комната). Однако после перемещения в отдельную квартиру информанты «переезжали» согласно двум траекториям, опосредованным историческим контекстом. Первая траектория связана с тем, что часть информантов из поколения прародителей (1), после революционных событий 1917 г., не могла вернуть свою собственную квартиру. Они вынужденно на время покидали Москву после переворота. В их квартиры заселяли сотрудников советских органов, например, Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). А вторая траектория связана со Второй мировой войной, она характеризуется превращением квартиры информантов в ведомственное жилье. Так, после ремонта в послевоенное время, в конце 40-х годов, государство лишило одного из информантов квартиры в центре

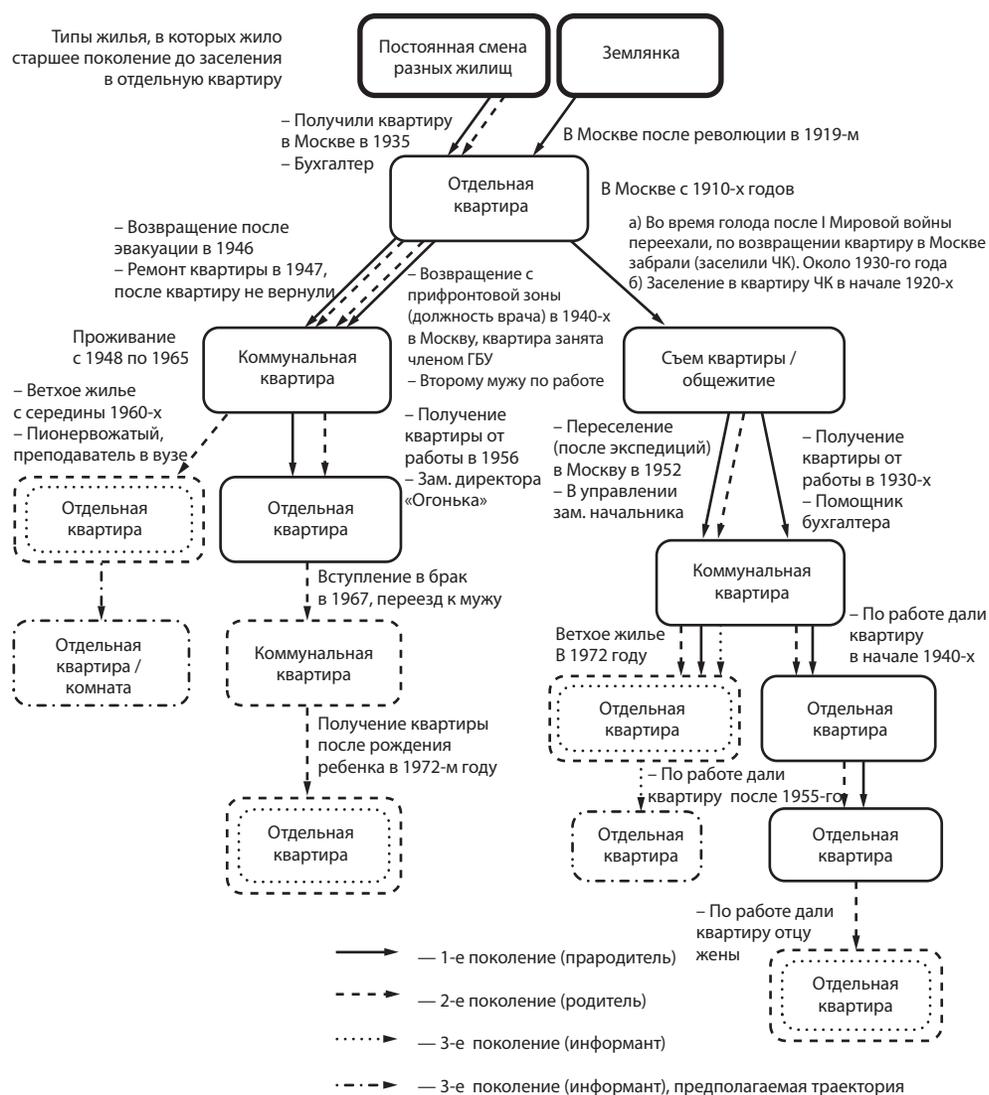

Рис. 4. Траектории «военной» жилищной мобильности москвичей в XX веке

(по профессии рабочая, вышивальщица). Другой информант описывает случай проживания в его квартире представителя государственного бюджетного учреждения (ГБУ).

Далее «выселенным» вследствие революционных или военных действий (эвакуация в годы ВОВ) предлагали довольно стесненные условия проживания: они переезжали в коммунальную квартиру/общежитие, либо арендовали жилье. Они получали комнаты в коммунальных квартирах по очереди на предприятии или от государства. Так, те, кто сначала снимали квартиру, далее получали место в коммунальной квартире. Переезд из коммунальной квартиры в отдельную происходит по причине ветхости жилья или из-за предоставления жилья по месту работы. Встречались и такие информанты, которые после переезда в отдельную квартиру перемещались обратно в коммунальную квартиру к супругу после вступления в брак. Однако в дальнейшем, после рождения ребенка, семье предоставляли отдельную квартиру.

Из-за военно-политического режима, существовавшего в советской России в первые послереволюционные годы, группа вынужденно покинувших свой дом стала наиболее мобильной группой среди остальных, рассмотренных в данной статье. Механизмы получения жилья этой группы сильно варьировались: от получения квартиры от работодателя до ветхости жилья. Группа характеризуется частой сменой жилья, его неблагоустроенностью, нестабильными механизмами получения. При этом поколение детей этой группы зачастую живет с родителями и субъективно испытывает потребность в отдельном жилье.

«У меня сейчас огромный протест. Сейчас мы собрались покупать дачу. Я говорю, что не надо никакой дачи — давайте вторую квартиру. А то у меня собственного угла в доме практически нет... Ты, говорят, хочешь — действуй сама» (жен., 1967 г. р.).

Можно предположить, что семьи, характеризующиеся вынужденной жилищной мобильностью, обладают меньшей жилплощадью и комнатностью, поэтому у молодых информантов появляется сильная необходимость в отдельном жилье.

Заключение

В целом вторичный анализ архивов биографических интервью дал возможность: а) изучить фактические семейные перемещения, акты смены жилья; б) сделать классификацию жилищных траекторий; в) выделить различия среди трех анализируемых поколений; и д) понять восприятие индивидами своих траекторий, их интерпретацию перемещений.

В рамках межпоколенной перспективы жилищных перемещений траектория мобильности на начальном этапе, в 1920–30-е годы, в большей степени определялась профессиональным статусом работающего члена семьи. Лифты социальной мобильности «работали» на тех, кто переехал в Москву по работе. Москва нуждалась в новых кадрах и им, следовательно, предоставлялись более комфортные условия проживания. Одновременно с этим жилищная политика работала в интересах граждан, связанных с партийной деятельностью. Так, социолог Мария Бурлуцкая заключает, что в советский период в жилищной политике распределительного типа важную роль играл профессиональный статус индивида, а также принадлежность к партийным структурам (Бурлуцкая, 2000).

Что касается «образовательного переезда», то такое перемещение характеризуется первоначальным ухудшением жилищных условий, однако трудоустройство и рост профессионального статуса приводили к улучшению типа жилья, его комфортности.

Наиболее «неблагополучными» в жилищных перемещениях являются семьи, чьи переезды опосредуются политическими условиями послереволюционного времени. Эти семьи были лишены жилья, и советский режим не был к ним благосклонен. На протяжении трех поколений эта группа характеризуется частой сменой «неблагополучного» жилья и нестабильными механизмами его получения.

Информанты, принадлежащие поколению прародителей (3), массово перемещаются из деревянных домов в коммунальные квартиры. Это поколение (3) являются более мобильными с точки зрения частоты переездов (деревянный дом — общежитие — коммунальная квартира — отдельная квартира). Поколение родителей (2) обладает множеством способов получения и распределения жилья (обмен, очередь на предприятии, вступление в брак, рождение ребенка) и традиционно перемещались из коммунальных квартир в отдельные.

Маломобильность молодого поколения (1) объясняется переходным периодом 1990-х годов, когда прежние правила жизни не работали, а новые только формировались. Поэтому молодежь продолжает жить вместе с родителями. Так, с введением рыночных реформ количество квартир, которое получало население, существенно уменьшилось, что привело к снижению темпов жилищной мобильности (Кротов, Буравой, Лыткина, 2003, с. 7).

Что известно о жилищных траекториях современности?

Стабильно сохраняется дифференциация жилищных условий и возможностей. По результатам анализа статистических данных и опросов было выяснено, что «...наиболее депривированы домохозяйства с детьми в возрасте до 18 лет. Проблема жилья стоит перед многопоколенными семьями, когда взрослые дети проживают в домохозяйстве родителей. Лучше всего обеспечены жильем граждане в начале и в конце жизненного пути, живущие либо одиноко, либо с супругом...» (Бурдяк, 2015, с. 288). Т. е. наиболее обеспечены жильем дети и люди пожилого возраста (пенсионеры).

Погружаясь в международный контекст переездов, отметим, что американский исследователь Ричард Флорида (Флорида, 2014, с. 214–215) выделяет три наиболее типичных переезда для современной Америки:

- **молодые профессионалы** (студенты, выпускники) переезжают в поисках лучшего места для развития карьеры;
- **семьи с детьми** ищут комфортные места, позволяющие совмещать родительство и работу;
- **обитатели пустого гнезда** (пенсионеры), совершают переезд в поисках мест для интересной и спокойной старости.

Первые два типа переездов, с участием молодых профессионалов и семей с детьми, с большой вероятностью актуальны для современной России и скорее характеризуют представителей среднего класса. В целом похожие типы (образовательный переезд, профессиональный переезд) были выделены нами на основе анализа историй семей москвичей в XX веке, что и составило содержательную основу данной статьи. Перспективна для изучения группа российских пенсионеров, которые в отличие от американских пожилых людей, скорее являются малоресурсной группой, ограниченной в передвижениях. Традиционным местом для пенсионеров становятся различные загородные локации — дачи, загородные дома, села (Полухина, 2014) В целом представляется перспективным анализ практик переездов, их значений и выделение межпоколенных жилищных траекторий, актуальных для современной России.

Список проинтервьюированных семей и информантов

№ семьи	Член семьи, пол	Год рождения	Род деятельности
1	Родитель, жен.	1932	Секретарь партбюро школы
	Информант, жен.	1968	Учитель
2	Родитель, жен.	1931	Преподаватель в университете
	Информант, жен.	1967	Должность рабочего по уходу за лошадьми
3	Прародитель, жен.	1915	Зам. начальника геологического отдела
	Информант, муж.	1970	Тренер на ипподроме
4	Информант, муж.	1968	Частное предпринимательство
5	Родитель, жен.	1940	Начальник сектора
	Информант, жен.	1967	Инженер-проектировщик
6	Прародитель, жен.		Экономист на заводе
	Информант, жен.	1968	Обучение в институте
7	Родитель, жен.	1943	Электроразионист
8	Прародитель, муж.	1917	Зам. начальника отдела
9	Информант, жен.	1968	Зам. директора по учебно-воспитательной работе
10	Информант, жен.	1972	Работа в Гербалайф
	Информант, муж.	1970	Экономист по валютному контролю
11	Родитель, муж.	1934	Художник (своя мастерская)
	Родитель, (ж)	1934	Инженер-конструктор
12	Прародитель, (ж)	1909	Бухгалтер
	Родитель, муж.	1938	Инженер
	Родитель, жен.	1940	Инженер
13	Родитель, муж.	1944	Заведующий лабораторией в НИИ
	Родитель, жен.	1943	Преподаватель в медучилище
14	Родитель, жен.	1922	1-й секретарь райкома комсомола
15	Родитель, жен.	1929	Работа в ателье
	Информант, муж.	1953	Занимается коммерцией
16	Прародитель, жен.	1914	Резальщица бумаги на заводе
	Информант, жен.	1967	Работала редактором в издательстве
17	Родитель, жен.	1938	Продавец в книжном магазине
	Родитель, муж.	1934	Работа на заводе
	Информант, жен.	1966	Воспитатель
18	Родитель, жен.	1943	
19	Родитель, жен.	1947	Бухгалтер

№ семьи	Член семьи, пол	Год рождения	Род деятельности
	Информант, муж.	1968	Инженер путей сообщения
20	Родитель, муж.	1932	Заместитель заведующего отдела корреспондентской сети
	Родитель, жен.	1934	
21	Родитель, муж.	–	Милиционер
	Информант, жен.	1968	Секретарь-референт в банке

Литература

Бурдяк А. Я. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 273–288.

Бурлуцкая М. Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики (Опыт России и Беларуси). М.: МОНФ, 2000. С. 309–316.

Вся Москва на 1923 год. М.: Изд-во М.К.Х., 1923. С. 7–8. (цит. по: Трущенко О. Е. Престиж центра. Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.

Горлов Н. В. Жилищное строительство в СССР — достижение советского народа исторического масштаба // Марксизм и современность. 2009. № 1.

Кротов П., Буравой М., Лыткина Т. С. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003.

Кулакова И. П. История московского жилья. М.: ОГИ, 2006.

Маниловский Р. Г., Шевелкин Н. П. Прогресс-95. Комплексная территориально-отраслевая программа интенсификации социально-экономического развития Москвы. М.: Московский рабочий, 1988.

Мещеркина Е. Ю., Семенова В. В. Биографический метод в социологии: история, методология и практика. М.: ИС РАН, 1994.

Население СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990.

Полухина Е. В. Особенности социального порядка в постсоветском дачном пространстве: труд, поколения и гендер // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. Т. 3. С. 22–31.

Ресин В. И., Попков Ю. С. Развитие больших городов в условиях переходной экономики (системный подход). 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии // М.: Высшая Школа Экономики, 2012.

Семенова В. Равенство в нищете: символическое значение «коммуналок» в 30–50-е годы. Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования. М., 1996. С. 373–390.

Семенова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин М.: Новое литературное обозрение. 2005.

Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.

Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой // М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Стрельникова А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2014. № 8. С. 30–36.

Ткач О. Изучение семьи как стратегия социологического исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2007.

Трущенко О. Е. Престиж центра. Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995. С. 88–89.

Урри Дж. Социология за пределами обществ. Мобильности двадцать первого столетия // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1.

Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.

Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства/ Пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014.

Шульга В. А. Вопросы реализации планов комплексного экономического и социального развития крупного города (на примере Москвы) // Вопросы географии. Сб. 131. Московский столичный регион. М.: Мысль, 1988.

Kaufmann V. Re-thinking Mobility // Contemporary Sociology. 2002. P. 40–42.

Poylova A. The role of the entrepreneur's family in choosing a career path // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. № 9. С. 59–69.

Изучение повседневной мобильности горожанок с детьми: опыт применения стратегии смешивания методов¹

Мария Балакирева*

В статье рассматриваются особенности применения стратегии смешивания методов для изучения повседневной мобильности. Используя сочетание методов (количественное и качественное исследование методом «интервью во время прогулки»), автор анализирует перемещения матерей с детьми в городском пространстве, делая как содержательные выводы о различных аспектах адаптированности городской среды для семей с детьми, так и методические выводы о возможностях стратегии смешивания методов для выбранной тематики.

Ключевые слова: пространственные практики, повседневная мобильность, дружественная городская среда, стратегии смешивания методов

Постановка проблемы

Город играет важную роль в жизни его обитателей, «задавая им траектории поведения и жизненного пути» (Стрельникова, 2012, с. 11). Феномен города многогранен, он, словами Вирта, представляет собой «мозаику социальных миров». Многогранны также и спектры потребностей различных категорий горожан. Сформулированная А. Лефевром проблема конфликта между репрезентацией пространства и пространствами репрезентаций (Lefebvre, 1991, p. 48) выражается в том, что между проектом, созданным профессионалами, и реальными практиками использования пространства возникает несоответствие. Иными словами, проекты и различные административные решения зачастую не отвечают реальным потребностям горожан и даже вступают в противоречие с ними. Наряду с этим проектные решения обычно ориентированы на «среднего пользователя», что может негативно отражаться на таких группах, как, например, родители с маленькими детьми. Поэтому мы считаем, что изучение повседневного опыта перемещений горожан, их потребностей и ожиданий относительно городского пространства является актуальным.

---

¹ Статья подготовлена в ходе работы (№ проекта 15–05–0012) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

* Балакирева Мария, бакалавр социологии НИУ ВШЭ, магистрант Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ. balmaly10@gmail.com.

Городская среда, ее возможности и ограничения

При изучении повседневной мобильности с точки зрения доступности и удобства элементов городского пространства представляется целесообразным ограничиться пространственной компонентой городской среды, абстрагируясь от символического восприятия города. Мы предлагаем исследовать маршруты (траектории перемещений), учитывая их протяженность во времени и пространстве. Такое видение позволяет обратиться к понятию пространственных практик как «проживаемого телесного опыта» и «траекторий движения по городу» (Стрельникова, 2012, с. 17), т. е. к анализу повседневного опыта перемещений. В качестве теоретической базы мы избрали подход К. Линча; в соответствии с ним пространство города может быть условно представлено как совокупность элементов, динамичной системы, а люди рассматриваются как подвижные элементы этой системы. Центральной категорией при таком подходе выступает мысленный образ среды, т. е. индивидуальный образ городского пространства, формирующийся в сознании горожанина. Мысленный образ, возникающий в сознании горожан, далее может быть сопоставлен, соотнесен с физическими формами пространства. Таким образом, основываясь на практиках горожан (а, следовательно, и на образах, которые относятся к физическим объектам), можно представить некоторую структуру городского пространства. Автор выделяет пять типов элементов образов города: пути, границы, районы, узлы и ориентиры. Детальный анализ маршрутов может быть произведен при помощи оперирования с такими категориями, как «пути» (всевозможные маршруты), «границы» (разного вида препятствия, ограничивающие пространственные практики горожан) и «узлы» (места назначения) (Стрельникова, 2012, с. 51). Рассмотрим авторские определения этих понятий.

Согласно Линчу, «Пути — это каналы, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально. Их роль могут играть улицы, тротуары, автомагистрали, железные дороги, каналы... относительно путей организуются все остальные элементы среды» (Линч, 1982, с. 51).

«Границы — это те линейные элементы окружения, которые наблюдатель не использует в качестве путей и не рассматривает их в этом качестве... Такие границы могут быть легко или трудно преодолимыми барьерами...» (Линч, 1982, с. 52).

«Узлы — это места или стратегические точки города, в которые наблюдатель может свободно войти, это интенсивные фокусы, к которым и от которых он движется... могут быть и просто местами максимальной концентрации каких-то функций или физических характеристик... заключают в себе и место соединения путей, и место концентрации... Их можно называть ядрами» (Линч, 1982, с. 52). Иными словами, узлы — это условные точки соединения путей горожан, будь то магазины, кафе, площади и пр.

Говоря о Москве с точки зрения адаптированности городской среды для жизни с ребенком, отметим следующее: несмотря на положительные тенденции, город совершенствуется фрагментарно и зачастую улучшения касаются выборочных объектов, или «узлов», следуя классификации К. Линча. Д. Бычкова отмечает, что «существуют отдельные точки городского пространства, в которых детям будет комфортно, весело и безопасно... оказываясь за пределами таких островов, ребенок ощущает себя во враждебной среде» (Бычкова, 2015). Эксперты, работающие в данной области, отмечают, что для каждой категории горожан с ограничениями мобильности (будь то пенсионеры, инвалиды, родители с маленькими детьми или даже велосипедисты) должен быть обозначен спектр потребностей и изучены их пространственные практики (Неберушкина, 2010, с. 63). В ходе анализа литературы и источников нами были выделены следующие критерии дружелюбной детям городской среды: свободная мобильность, игры на природе, право быть горожанином, свободная игра². Далее мы будем использовать термин *адаптированность* городской среды как сочетание в ней свойств *универсального дизайна* и *дружелюбности*.

² URL: <http://www.unesco.org/most/guic/guicguuw.htm> (дата обращения: 12.10.2015).

Важным исследовательским вопросом является также выделение элементов городской среды, наиболее активно используемых той или иной категорией горожан. Например, такая попытка была предпринята в 2007 г. в рамках исследования О. Б. Савинской по изучению опыта совмещения профессиональных и семейных обязанностей женщинами с детьми-дошкольниками в Москве (Савинская, 2008). В ходе этого исследования был обозначен ряд наиболее активно используемых родителями дошкольников аспектов городской среды, а также выделены наиболее проблемные элементы (это касалось парков и составляющих различных маршрутов).

Методология исследования

Эмпирический объект исследования — матери детей до трех лет. Изначально в исследовании предполагалось изучить именно родителей детей раннего возраста. Чтобы задать ограничение по возрасту (после которого пространственные практики и маршруты родителей с детьми претерпевают значительные изменения), а также убедиться в выборе объекта исследования (матери детей), были изучены некоторые работы из области социологии детства и родительства. В исследовании О. Б. Савинской отмечается, что практики ухода за ребенком в семьях (с детьми до трех лет) в основном распределяются между матерью и бабушкой (примерно в 2/3 семей это мать ребенка и в 1/3 — бабушка), феномен «вовлеченного отцовства» пока еще остается непопулярным (Савинская, 2014, с. 146).

Наш исследовательский дизайн базировался на стратегии смешивания методов. Был выбран «пояснительный последовательный дизайн» (следуя классификации Дж. Кресвелла), в частности, модель выбора участников (Creswell, 2008, р. 59). Пояснительный последовательный дизайн в основном используется с «доминирующим» количественным методом, когда качественные данные призваны разъяснить результаты количественного этапа. В ходе количественного этапа планировалось получить оценки удовлетворенности доступности и субъективной важности различных аспектов городской среды. Кроме того, он играл роль «разведывательного». Данные служили подготовительной базой для отбора информантов для качественного этапа, в ходе которого планировалось провести детальный анализ их повседневных маршрутов. Таким образом, исследование включало в себя несколько этапов. На первом этапе мы провели вторичный анализ оценок удовлетворенности, доступности и субъективной важности различных аспектов городской среды, опираясь на материалы исследования О. Б. Савинской (Савинская, 2008, с. 89). На втором этапе был проведен количественный опрос в формате онлайн-анкетирования в тематических интернет-сообществах, а также анкетирование в детских садах (анкетные вопросы соответствовали вопросам проекта 2007 г.). Объем выборки составил 406 информантов. К сожалению, нам не удалось реализовать масштабную вероятностную выборку при опросе в детских садах (в 2007 г. аналогичный опрос проводился при поддержке Правительства Москвы) для корректного сопоставления с результатами 2007 г. и для анализа динамики показателей. Данные второго этапа использовались нами для подготовки третьего (качественного): для уточнения проблемных элементов городского пространства и для отбора информанток (в соответствии с моделью выбора участников). Чтобы обеспечить наибольшую вариативность маршрутов, критерием отбора был выбран административный округ проживания. Так как наибольшую важность, по мнению информанток, имеют такие «узлы» городского пространства, как парки, специальные места отдыха и детские площадки, то эта информация была учтена нами при разработке гайда интервью. Затем, на четвертом этапе, используя гайд и схемы маршрутов, мы провели 16 «интервью во время прогулки», что стало адаптированной версией метода «биографическая прогулка», подробно описанного А. Стрельниковой (Стрельникова, 2012; Стрельникова, 2014).

Данные по оценке элементов городской среды

Что касается оценки изменений в городской среде за последние 5 лет, 31% информанток отметили, что стало гораздо комфортнее, 45% заметили несущественные положительные изменения. Однако стоит отметить, что в 69% случаев у информанток это единственный ребенок, возраст первого старшего ребенка при наличии нескольких детей в 70% случаев не превышает года. Можно предположить, что до рождения ребенка они могли не замечать существенных неудобств в организации городской среды для жизни с ребенком, поэтому оценки могут быть занижены. Но в целом следует отметить, что информантки преимущественно положительно оценивают изменения в городской среде.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Стала ли за последние 5 лет городская среда удобнее для жизни горожан с детьми?»

Варианты ответов	% опрошенных
Стало гораздо удобнее, комфортнее	31
Стало несколько удобнее, но изменения несущественные	45
Все осталось так, как и было	10
Стало несколько хуже, но изменения несущественные	1
Стало гораздо хуже, появилось много неудобств	2
Затрудняюсь ответить	11
Всего	100

Что касается оценки удобства, в отличие от результатов 2007 г., парки и специальные места отдыха вызывают меньше проблем. Наиболее проблемные элементы городской среды — это по-прежнему составляющие различных маршрутов, что и обращает к необходимости более детального их изучения.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили удобство следующих элементов городской среды? (где 1 — крайне неудобно, 7 — очень удобно)» (в %)

Элементы городской среды	не пользуюсь								затрудняюсь ответить
		1	2	3	4	5	6	7	
Пандусы для детских колясок, детских велосипедов и пр.	8	12	8	17	15	16	7	16	1
Свободные от машин и достаточно широкие тротуары для того, чтобы можно было проехать по ним с коляской	7	17	12	10	12	17	7	17	2

Элементы городской среды	не пользуюсь	1	2	3	4	5	6	7	затрудняюсь ответить
Специальные переходы и ограничители скорости на дорогах в местах, близких к детским учреждениям	9	9	10	6	13	17	12	22	2
Удобные подъезды и легко открывающиеся подъездные двери	7	29	15	12	7	12	3	10	5
Специальные помещения для колясок в подъездах	27	33	7	4	5	4	3	9	7
Специальные помещения или места для колясок у поликлиник	9	7	2	7	11	9	17	32	5
Навесы от дождя и солнца в местах парковки колясок (например, в детских поликлиниках)	12	8	4	12	12	4	13	28	7
Удобная организация проезда в городском общественном транспорте (наличие мест для детских колясок, низкий пол транспорта)	18	16	6	12	5	16	10	12	6
Детские площадки	3	3	2	12	7	21	10	40	2
Парки и специальные места отдыха	3	5	1	5	13	13	17	40	2

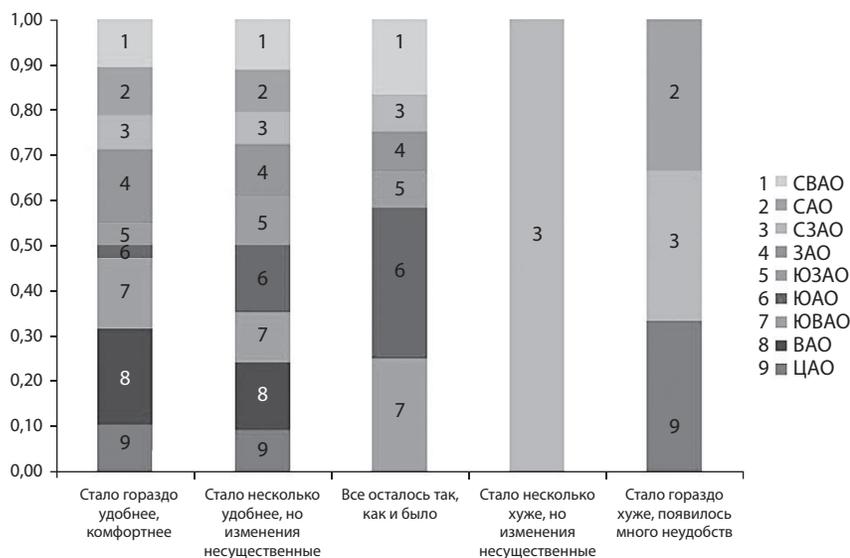

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос о характере изменений в городской среде за последние 5 лет (процентный вклад в оценки по округам)

Стоит также отметить, что жительницы разных административных округов оценивают изменения по-разному. На следующем рисунке видно, что основной вклад в отрицательные оценки внесли жительницы СЗАО, ЦАО и САО, хотя, по данным исследования 2007 г., районы на севере были одними из самых комфортных для жизни с ребенком. Также в 2007 г. ВАО оценивался как один из наименее комфортных, а сейчас можно заметить положительные тенденции.

Также выяснилось, что ни возраст, ни профессиональные характеристики не влияют на общую удовлетворенность городской средой. Можно сделать вывод, что на оценку элементов городского пространства влияют иные факторы. Что и планировалось выяснить в ходе качественного этапа исследования. В целом все категории «путей» оцениваются неоднозначно и вызывают нарекания. Наибольшую важность, по мнению информанток, имеют такие узлы, как парки и специальные места отдыха и детские площадки.

Качественный этап исследования: «интервью во время прогулки»

Как уже упоминалось, в данном исследовании мы осуществляли сбор качественных данных с помощью интервью во время прогулки, что представляет собой комбинацию таких методов, как наблюдение и интервью. В нашем случае интервью во время прогулки является модификацией метода «биографическая прогулка», введенного в оборот А. В. Стрельниковой: «Биографической прогулкой мы называем метод, в котором биографическое интервью, как реконструкция жизненного пути в целом или отдельных этапов жизни, комбинируется с включенным наблюдением, проводимым во время прогулки по определенным городским маршрутам» (Стрельникова, 2012, с. 48–49). Также А. В. Стрельникова отмечает, что данная методика может применяться для изучения того, как горожане воспринимают изменения в городском пространстве.

При разработке инструментария в основу легли категории путей и узлов, как составных элементов маршрута. В то же время предполагалось узнать историю изменения маршрутов по мере взросления ребенка, новые пути освоения пространства. Нами использовались рекомендации по составлению инструментария интервью для анализа пространственных практик (Стрельникова, 2012, с. 27). Также в исследовании изучался вопрос о типичных маршрутах с ребенком (как в прошлом, так и в настоящем) и их подробное описание. Предполагалось, что в последовательном рассказе о своих маршрутах с ребенком информантка будет затрагивать категории узлов, путей и границ, рассказывая как о преимуществах, так и о недостатках городских пространств.

Реализация описанной модели выбора участников позволила предварительно изучить ответы информанток по количественному опроснику. Благодаря этому появилась возможность подготовить адаптированный гайд (например, у матерей детей более старшего возраста подробнее спрашивалось про опыт предыдущих лет и процесс изменения маршрутов). Модель отбора участников продемонстрировала свою эффективность: поскольку качественная часть была своего рода эксплораторным исследованием, а временные ресурсы были ограничены (информантки не имели возможности участвовать в долгой беседе в силу необходимости присмотра за маленьким ребенком), осведомленность относительно социально-демографических характеристик и ответов по количественной части позволяла сделать беседу максимально содержательной.

Что касается преимуществ данной методики, одним из них является то, что городское пространство может выступать *стимульным пространством* для разного рода воспоминаний. Иными словами, совершая привычный маршрут и находясь непосредственно в описываемом пространстве, информантка с большей вероятностью может

упомануть в разговоре значимые детали относительно удобства, преимуществ и других характеристик аспектов городского пространства. Беседа во время совершения привычного маршрута, действительно, способствовала тому, что информантка вспоминала больше «деталей»:

«Вот, кстати, вы спрашиваете про неудобство... вот по этой лестнице мы сейчас будем подниматься на нашу площадку... ходим здесь каждый день ... она здесь с тех пор, как я еще, наверное, маленькая была...» (женщина, 27 лет, ребенку 1,5 года, ЮАО).

Также в ходе прогулочного интервью нам удавалось зафиксировать особенности образа жизни информанток. Объектом исследования были матери, которые в большинстве случаев не могли оставить детей одних. Изначально предполагалось, что ребенок спит во время прогулки, и именно в это время можно беседовать. Действительно, как говорили информантки, другого времени на разговор у них просто не было. Городские парки являлись не только стимульным пространством, но и комфортной средой для неформального общения. Учитывая образ жизни матерей с маленькими детьми, другое место для беседы было бы недостаточно подходящим.

Однако возникли и некоторые сложности. В первую очередь с матерями, чьи дети были старше 2-х лет и передвигались на самокате или пешком. Информантки отвлекались на то, чтобы следить за ребенком. Можно сделать вывод, что такую методику эффективно применять, когда ребенок «гуляет» в детской коляске и не выходит из нее. Кроме того, нужно отметить, что сбор качественных данных осуществлялся нами в апреле-мае, когда погода располагала к длительным прогулкам на свежем воздухе. Возможно, это послужило частичным ограничением: информанткам предлагалось вспомнить трудности, с которыми они сталкиваются в другое время года, однако нельзя сказать точно, вспомнили ли они все «детали».

Таким образом, можно выделить ряд преимуществ подобной методики применительно к нашей исследуемой группе: погружение в стимульное пространство, возможность разговора во время сна ребенка, комфортное общение; а также ряд недостатков: ограничения, связанные с погодными условиями и необходимость родителей отвлекаться во время интервью, если ребенок активен во время прогулки.

Пространственные практики горожанок с детьми: результаты качественного этапа исследования

Структура маршрутов: узлы, пути и границы

В ходе работы с качественными данными мы построили структурированное описание типичных маршрутов информанток в категориях узлов, путей и границ, дополнив при этом то описание, которое было сформировано на основе вторичного анализа количественных данных. Дополненные элементы отображены курсивом.

Узлы:

- поликлиники (помещения или места для колясок);
- места парковок колясок (навесы от дождя и солнца);
- детские площадки;
- парки и специальные места отдыха;
- детские игровые комнаты;
- детские театры и культурные центры;
- специальные детские и семейные кафе;
- отделы по продаже товаров для детей (в шаговой доступности от дома);
- *небольшие магазины широкого спектра товаров (продукты и товары для дома) в шаговой доступности;*
- *автопарковки в крупных городских парках.*

Пути:

- подъезды;
- лифты в подъездах;
- лестницы во дворах;
- помещения для колясок в подъезде;
- пандусы/съезды для детских колясок, велосипедов на тротуарах;
- тротуары (широкие и свободные от машин);
- тротуары и пешеходные тропинки (материал покрытия);
- переходы и ограничители скорости (светофоры с достаточным временем на переход дороги, свободные от машин обочины дорог для хорошей видимости при переходе);
- проезд в общественном транспорте.

Мы считаем, что дополненная классификация может быть использована в дальнейшем при составлении количественного опроса с целью изучения доступности и комфортности городского пространства для маленьких детей и их родителей. Также данные элементы являются составными частями типичных маршрутов горожан.

В ходе анализа интервью нами были выделены две основные категории маршрутов: *будничные* и *воскресные*. Исходя из данной логики, многие объекты пространства играют роль «узлов» в том или ином виде маршрута. В зависимости от этого к узлам предъявляются несколько разные требования.

Будничный маршрут: основные характеристики

Ежедневный маршрут чаще осуществляется с матерью ребенка, чем с отцом или другими родственниками. Длительность по времени меньше, нежели у выходного маршрута.

Основные узлы:

- поликлиника;
- детская площадка;
- небольшой парк в пешей доступности;
- магазин.

Воскресный маршрут: основные характеристики

Выходной маршрут обычно осуществляется обоими родителями (иногда вместе с другими родственниками). Он, как правило, более длительный, нежели будничный. Для переезда предпочтителен автомобиль (зачастую предпочтение вызвано не столько недостатками проезда на общественном транспорте, сколько возможностью взять много детских вещей, если ехать на автомобиле).

Основные узлы (учитывая только объекты в черте города):

- крупные городские парки и лесопарки;
- крупные торговые центры;
- семейные кафе.

Городские парки в представлениях горожанок можно разделить на два типа. *Небольшие парки* (узлы в повседневных маршрутах) чаще посещаются в ходе ежедневных маршрутов. К ним предъявляются несколько другие требования, нежели к более *крупным паркам* (узлы в воскресных маршрутах). Так, в крупных парках (Серебряный бор, Сокольники, ВДНХ, Парк Горького, Коломенское и пр.), по мнению информанток, должны быть следующие условия:

- наличие бесплатной парковки (в выходные, так как именно в эти дни совершается данный тип маршрутов);
- наличие общественных туалетов;
- запрещен выгул собак (либо наличие специальных площадок).

Крупные парки могут также быть узлами и будничных маршрутов для жителей близлежащих домов, однако соответствие этим критериям не помешает соответствию пожеланиям тех, кто ходит туда ежедневно.

Анализ маршрутов: свойства адаптированной городской среды

Адаптированная городская среда, комфортная для изучаемой категории горожанок, должна, по их мнению, отвечать следующим требованиям:

- безопасная и безбарьерная мобильность;
- доступность и комфорт пространств для прогулок и игр на природе;
- доступность и удобство детских площадок;
- «право на город»³.

Нами были подробно описаны требования и пожелания информанток относительно аспектов, относящихся к вышеперечисленным категориям, что может послужить практической рекомендацией в процессе совершенствования или конструирования городских пространств.

Заключение

В ходе исследования по изучению повседневной мобильности горожан с детьми нами был применен исследовательский дизайн «последовательных вкладов», продемонстрированы актуальность применения такого типа исследовательской стратегии в исследованиях городской направленности. В результате анализа данных мы выявили элементы городского пространства, вызывающие наибольшее количество проблем у информанток в ходе их повседневной мобильности. В первую очередь, это элементы, связанные с передвижением в городе: транспорт и тротуары, свободные от машин. Детальный анализ индивидуального прохождения маршрутов позволил выделить основные элементы организации городского пространства в категориях «узлов» (мест назначения) и «путей» (маршрутов). Также были выявлены два типичных маршрута горожан с детьми: будничные и воскресные. Выяснилось, что в ходе совершения разного типа маршрутов к объектам городского пространства могут предъявляться различные требования в силу различий этих типов маршрутов. Сочетание этих требований и пожеланий информанток позволило нам сформулировать характеристики адаптированной городской среды: безопасная и безбарьерная мобильность, доступность и комфорт пространств для прогулок и игр на природе, доступность и удобство детских площадок, «право на город». Опыт проведенного нами исследования может быть полезен в последующих проектах по изучению повседневной мобильности и пространственных практик горожан.

Литература

Бычкова Д. Ребенок играющий: городские исследования детского счастья // Онлайн-ресурс Urbanurban. URL: <http://urbanurban.ru/blog/reflection/369/Rebyonok-igrayuschiy-gorodskie-issledovaniya-detskogo-schastyia> (дата обращения: 12.10.2015).

Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Заборова Е. Н., Исламова Ф. И. Город как социальное пространство // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 97–100.

Лефевр А. Производство пространства // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3.

---

³ Термин применен следуя концепции А. Лефевра: горожанин имеет право участвовать в административных решениях, высказывать свои пожелания относительно городских пространств, в процессе исследований или работы над проектами должны учитываться не только экспертные оценки, но и мнение непосредственно пользователей городского пространства.

Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева; Сост. А. В. Иконников; Под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.

Наберушкина Э. К. Доступность городской среды для инвалидов // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 58–64.

Работа и семья в жизни женщин с детьми-дошкольниками: опыт города Москвы / Под ред. О. Б. Савинской. М.: Вариант, 2008.

Савинская О. Б. Значимость услуг детского сада как института // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 5. С. 165–173.

Стрельникова А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2014. № 8. С. 30–36.

Стрельникова А. В. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012.

Трубина Е. Г. Современная урбанистика: учеб. пособие. Екатеринбург, 2008.

Успех по-сельски или как брать «быка за рога»: модели жизненного успеха сельской молодежи

Павел Сушко*

Эмпирическая часть статьи основана на 25 биографических интервью с представителями сельской молодежи Краснодарского края. В статье анализируется понятие «жизненный успех» в глазах сельской молодежи, выделяются основные критерии и характеристики успешности, а также подчеркивается значимость таких представлений для анализа процессов социальной мобильности. В частности, отмечается, что вычленение основных способов перемещения молодых сельчан в иерархии социальных позиций возможно лишь с учетом тех или иных устремлений молодежи села, их установок, связанных с собственным будущим. Выделяются также основные критерии успешности, подчеркивается их роль в оценке уровня личностных притязаний индивида, а также потенциала его мобильности. Отмечается, что те или иные типы сельской молодежи придерживаются различных моделей жизненного успеха, в соответствии с которыми и происходит выбор определенных каналов социальной мобильности и выстраивание жизненных стратегий.

Ключевые слова: жизненный успех, село, сельская молодежь, стиль жизни, социальная мобильность, социально-структурные изменения

Введение

За последние десятилетия в российском селе произошла заметная перестройка аграрного сектора, породившая множество социально-экономических и демографических проблем. Системные сдвиги в сельском мире негативно сказались на экономическом дисбалансе между городом и деревней, вызвали ухудшение качества жизни сельского населения. За время реформ произошла экономическая дифференциация по степени обладания властью, экономическим, человеческим и культурным капиталом. Другими словами, сформировалась новая социальная структура села со своими моделями поведения (Хагуров, 2012; Муханова, 2014; Нечипоренко, 2010).

Для российского общества на первый план вышла проблема социального неравенства. Стратификационные процессы затронули и молодежную среду. Неотъемлемым компонентом этих процессов является социальная мобильность сельской молодежи. Анализ проблем социальной мобильности помогает оценить характер и масштаб социального неравенства на селе, выявить такие социально-структурные процессы, как адаптация, интеграция и дифференциация в социальном пространстве сельского мира.

---

* Сушко Павел, аспирант, младший научный сотрудник Центра социальной структуры и социального расслоения ИС РАН, магистрант МП «Демография» НИУ ВШЭ. sushkope@mail.ru.

Размышления о жизненном успехе

Ценность социального возвышения является определяющей в реализации жизненных стратегий сельской молодежи, поскольку в определенной мере обеспечивает стабильное существование и уверенность в завтрашнем дне. Высокий статус в социальной структуре общества обеспечивает наиболее благоприятную позицию в распределении материальных благ. Этим и объясняется желание основной части молодежи на первых этапах самореализации занять более высокое место в социальных стратах. Даже несмотря на обнаруживающуюся в ряде исследований тенденцию в снижении у молодых сельчан уровня жизненных притязаний (Магун, Энговатов, 2003), в их мировоззренческой системе непременно присутствует образ желаемого будущего, к которому они с тем или иным успехом будут продвигаться.

Тем не менее степень активности сельской молодежи в этом стремлении во многом будет обусловлена особенностями социальной среды, а также различными условиями и обстоятельствами всего жизненного мира индивида. Вполне понятно, что молодежь из села будет искать те способы социального продвижения, которые будут соответствовать их внутренним убеждениям и ценностным ориентирам, которые в свою очередь определяют модель их поведения и стиль жизни.

Будучи довольно интересным критерием для анализа социальной мобильности, стиль жизни выступает «способом, которым живет индивид или группа, ценностным стержнем, который направляет индивида на цель, определяет пути достижения успеха с точки зрения их приемлемости или неприемлемости в рамках его ценностного мира» (Социальные трансформации в России, 2005, с. 440). Сельская молодежь формирует свой стиль жизни и представления о нем, прежде всего в реальных поведенческих практиках, согласовывая их со своим ценностным миром, экспериментируя с ним, выбирая наиболее оптимальные формы активности.

По степени выраженности, наличию или отсутствию тех или иных социально-значимых характеристик (ценности, нормы, обычаи и т. д.) мы можем судить, какой стиль жизни является определяющим для молодого человека, какие цели он перед собой ставит, какой содержательный смысл вкладывает в понятие «реальный успех», и, в конечном счете, какими каналами социальной мобильности он будет пользоваться. Даже само достижение успеха, т. е. максимально эффективное овладение труднодостижимыми целями, включает преодоление различных препятствий на пути к достижению желаемого социального статуса. При этом достижение успеха тесно связано с таким свойством индивида, как сила мотивации, понимаемая как усредненная сила побуждения индивида к реализации идей определенного класса (Дубов, 2012, с. 57).

Безусловно, формирование мотивации достижения зависит не только от правильных идей, которые транслирует индивиду общество в целом и его родители в частности, но и от того, на какую почву падают эти идеи. Так, по мнению И. Г. Дубова, одними призывами к успеху мотивов достижения не сформировать, необходимо постоянное подкрепление в виде реального успеха (Дубов, 2012, с. 58). В свою очередь определенные модели успеха формируют систему ценностных ориентаций личности для конкретной дальнейшей жизненной стратегии, а также являются основным фактором мотивации его профессионального выбора (Клочкова, 2003, с. 8).

Таким образом, при исследовании моделей жизненного успеха сельской молодежи необходимо учитывать не только особенности социальной среды того или иного региона, но и уровень личностных притязаний и силу мотивации индивида, которые во многом определяют его жизненный выбор и способность продвигаться в иерархии социальных позиций.

Трудности полевого исследования на селе

При отборе информантов мы исходили из следующих принципов: возрастные границы 14–29 лет; они не должны были проживать в населенных пунктах, относящихся к городским административным единицам; населенный пункт должен относиться к сельскохозяйственному району; информанты должны проживать не менее 10 лет в частном домовладении, иметь личный двор и приусадебное хозяйство. При этом территориально на момент проведения исследования молодые люди могли находиться по тем или иным причинам (образовательным, трудовым и пр.) за пределами сельских поселений.

Гайд биографического интервью состоял из нескольких взаимосвязанных блоков. В первой части вопросы касались общей информации о человеке, о его родителях и окружении. Такие данные позволили определить, в какой степени оказывают влияние на представления об успехе и мобильность человека его социальное окружение и семья. Вторая часть гайда касалась вопросов, связанных с особенностями населенного пункта и социальной среды, в которой проживает индивид. По сути, этот блок вопросов позволил приблизиться к пониманию тех трудностей и барьеров, которые способствовали формированию общих мировоззренческих ориентиров молодежи села, моделей их жизненного успеха.

Следующая часть гайда была направлена на определение основных жизненных целей, планов и установок сельской молодежи. В частности, рассматривались вопросы, связанные с представлениями о жизненном успехе: о том, как можно достичь успеха в условиях сельской действительности, какие есть для этого возможности, какие ограничения. По большому счету, эта часть вопросов позволила раскрыть и основные каналы социальной мобильности, через которые осуществляется социальное возвышение индивида. Информанты пытались сопоставлять свои цели и мечты с возможными каналами их достижения, выделяя при этом и ключевые факторы, способствующие движению по социальной лестнице.

Характеризуя наше исследование социальной мобильности сельской молодежи Краснодарского края, проведенное в июне–июле 2014 г. с использованием биографического интервью (типологическая выборка, направленная на выявление максимально возможного числа вариаций модели, N=25), опишем те трудности, с которыми мы столкнулись в ходе проведения исследования.

Во-первых, труднодоступность объекта исследования, заключающаяся не только в территориальной удаленности, но и в возможности беспрепятственного общения с теми или иными представителями сельской молодежи. По разным причинам молодые люди села старались избегать контактов с незнакомцами, либо же были немногословны и замкнуты. В частности информанта при проведении интервью удавалось «расшевелить», применяя лишь некоторые хитрости и уходя от обстановки официальности. Поэтому наиболее информативными и насыщенными беседы получались далеко не в искусственно созданных условиях общения «тет-а-тет», а в ходе какой-либо совместной деятельности, снимающей барьеры недоверия и скованности и раскрывающей те стороны жизненного мира индивида, которые во многом позволяли объяснить его социальное положение и модель поведения.

Во-вторых, далеко не со всеми типами сельской молодежи интервью можно проводить по одному сценарию. В силу различного бэкграунда информантов, уровня их культуры и образованности приходилось варьировать не только в способах коммуникации, но и в некотором смысле переходить на их язык общения, иногда применяя те лексические формы, которые с большей вероятностью доносили смысл вопроса или фразы. Тем не менее такой уровень интеракций во многом способствовал информационному обогащению нарративов, а значит и росту их исследовательской ценности.

В-третьих, значительные трудности были связаны с привлечением респондентов к участию в исследовании, с поиском для этого соответствующей мотивации. Вырвать молодого человека из привычного потока обыденности представлялось подчас довольно сложной задачей, поскольку время, потраченное на интервью или анкетирование, человек с гораздо большей охотой посвятил бы делам насущным, не вводящим в состояние рефлексии и обдумывания своей биографии. По этой причине нередко приходилось прибегать как к некоторым символическим вознаграждениям, так и к вполне ощутимой помощи в решении тех или иных вопросов.

Жизненный успех глазами молодых сельчан

Так какое же значение вкладывает в понятие «жизненный успех» сельская молодежь? В ходе проведения исследования на вопрос «*Что бы Вы включили в понятие жизненный успех в первую очередь?*» выяснилось, что лидирующие позиции среди сельской молодежи занимает ценность семьи и детей. По сути, важнейшим критерием успеха информанты считали именно наличие семьи. При этом эта ценность значимо доминировала у женщин, наряду с наличием престижной и интересной работы, а также уважением окружающих, возможностью путешествовать. В свою очередь для мужчин значение имело наличие надежных друзей. Важным критерием успешной жизни среди сельской молодежи считается наличие крепкого здоровья и хорошего уровня дохода. В тоже время такие характеристики успеха, как известность или популярность, обладание властью или роскошью, в глазах молодых сельчан не представляют ценности.

«У успешного человека обязательно есть стабильная и развивающая его работа, у него обязательно должна быть семья, которая следует за ним везде. Он не должен сидеть на месте, он должен двигаться и прогрессировать. Поэтому успех зависит от человека. Ты можешь и в селе сидеть с книгами, заниматься и стать успешным. А есть люди, которые в изобилии живут и ничего не достигают» (28 лет, жен., специалист).

«Жизненный успех — реализовать себя в семье. Успешный человек занимается делом, которое приносит ему удовольствие, ну, и прибыль тоже. Это человек — порядочный, честный, добрый» (24 года, жен., специалист).

«В первую очередь успех означает наличие хорошей и крепкой семьи. Умен и образован успешный человек, он должен понимать эту жизнь, ориентироваться в непростых условиях, он должен быть читающим, без книг брать умные мысли неоткуда. Ответственность и доброта должны быть ему свойственны, но не быть тряпкой, уметь помочь другим» (20 лет, муж., студент).

«Если цель есть — это уже успех, многие целей даже не ставят, это печально. По глупости люди не добиваются ничего, не захотел, упустил свой шанс и все, пропал. Цель за целью — это и есть успех» (28 лет, муж., рабочий).

Как показывают данные высказывания, среди сельской молодежи доминируют установки, связанные не только с какими-либо приобретениями, с уровнем дохода или образом жизни. По мнению информантов, важными составляющими жизненного успеха человека являются и его личностные характеристики, те или иные качества, во многом определяющие не только жизненные стратегии, но и те социальные позиции, которые занимает индивид. Так, многие информанты отмечали, что решающее значение в формировании характера человека, уровня его активности и личностных притязаний принадлежит семье и ближайшему окружению. Наиболее значимыми качествами успешного человека являются общительность, предприимчивость и уверенность в себе. В этом смысле можно выделить следующие модели жизненного успеха молодежи села.

**Модель личностного самосовершенствования —
«все зависит от личных качеств»**

В этой модели решающее значение имеют личные качества индивида. Все остальные параметры не столь важны. Именно через личностное совершенствование возможно достижение реального жизненного успеха.

«Успешен тот, кто может обеспечить себе полноценную жизнь во всех смыслах, не просто существование. Он должен быть коммуникабельным, в первую очередь» (18 лет, жен., студентка).

«Успешный должен быть хитрым, уметь добиваться целей несмотря ни на что, быть целеустремленным и напористым. Успех не зависит от того, где ты живешь, все дело в человеке и его характере, он должен занимать хорошую позицию и в обществе, и в семье. Человек стремится к успеху — это главное. В семье это качество вырабатывается, на каких-то примерах. Если родители успешны, и найдут своему ребенку должность, то он не будет понимать, как добиваться успеха. Важно пройти весь путь с первых позиций, чтобы ценить то, что есть» (19 лет, жен., студентка).

«У успешного человека на первом месте семья, затем рост в карьере. Ты можешь все себе позволить, ни в чем себя не ограничивать. Ему присуще упрямство — до последнего стремится к своей цели, еще харизма, умение общаться и умение заинтересовать человека, привлечь к себе. Важны не столько деньги, сколько общий язык с людьми» (19 лет, жен., студентка).

«Успешный человек — уже чего-то достигший, не обязательно в материальном плане. Это человек уже нашедший себя в этом мире. У него должна быть семья, но не рано. Я могу и сейчас «наляпать», но что с этим делать, должна быть определенная база в основе. Успешный, значит, упорный. У него есть свое мнение, позиция, независимость» (18 лет, муж., учащийся колледжа).

Другими словами, чтобы добиться тех или иных значимых ценностей, получить достойную работу, приличный уровень дохода, признание и уважение окружающих, создать семью, с точки зрения сельской молодежи недостаточно иметь какие-либо внешние ресурсы. Успешность и социальное возвышение во многом будут зависеть от внутренних убеждений человека и его характера. При этом на первый план выдвигаются качества, связанные с собственной самоорганизацией и силой воли, а также умением взаимодействовать с окружающими людьми.

**Модель ресурсов социальной среды —
«шансы определенных социальных обстоятельств»**

Однако, как оказалось, молодежь села готова отказаться от желаемых целей в том случае, если придется выполнять социально неодобряемые вещи и поступки (перейти кому-либо дорогу, подставить в чем-то). Во многом эта позиция формируется под влиянием сельского социума, в котором доминируют традиционные ценности и культура взаимопомощи.

«Успешен тот, кто делает, что хочет, у него есть время на хобби, на семью, он свободен, может реализовать свои мечты. Успешный сегодня должен быть хладнокровным, хитрым. В наше время он должен переступать через других, чтобы добиться действительно всего. Но я все же на порядке и честности, я бы так не смог, пусть у меня чего-то не будет, но других подставлять я не смогу. Поэтому в этом смысле успешным мне не быть, духу не хватит. Смотря, в какой ситуации я окажусь... Если сравнить меня с моими родственниками из станицы, я очень успешный, а если с другими друзьями — то уж как-то не очень» (18 лет, муж., студент).

«Человек успешен тогда, когда реализовал себя в том, чем хотел заниматься, в том, куда вкладывает душу, а если это еще и деньги приносит, то это круто! Он самодостаточно, у него есть крепкая семья, он увлеченный, эрудированный, организованный, компромиссный. Но это не значит, что человек положительный, он может и через голову переступить! Я же хочу быть матерью семейства со спокойной работой. Хотя будущее так неопределенно и туманно» (23 года, жен., студентка).

Кто-то же находит повод для радости в таких вещах, которые для многих казались бы неприемлемыми. Для этого типа сельской молодежи не стоит задача в каком-либо продвижении в иерархии, им не нужны мифические образы успешного будущего, поскольку они уже обладают тем, что им нужно.

«Успешный? (смеется) Я жив-здоров, работа есть... Разве я не успешный? Это же самое главное — работу иметь, здоровье и крышу над головой. Сочувствую тем, у кого этого нет. А у меня вообще работа фартовая! Я работаю в Магните грузчиком и товары распределяю. Так вот в чем весь прикол? Смотришь на товар, а там срок годности истек, его надо списать. А я с нашим руководителем на одной волне, с ним договорился, что списанные товары буду забирать... Ну, вот так снабжаю всю семью продуктами и совершенно бесплатно. Могу деньги на другие вещи потратить. Многие думают, что раз срок вышел, то испорчен продукт. Сильно ошибаются, я вот так 2 года питаюсь и ничего со мной не случилось!» (23 года, муж., рабочий).

Таким образом, согласно данной модели успешности, решающую роль играет доступность тех или иных ресурсов социальной среды, в которой индивид функционирует. Под действием тех или иных социальных обстоятельств у человека формируется вполне конкретное отношение к успеху. Социальная среда задает внешние и внутренние ориентиры, которыми руководствуется человек при реализации своих жизненных планов.

Модель «жизненной удачи» — ориентация на случай, удачное стечение обстоятельств

Однако есть и такое мнение, которое отражает позиции молодежи, старающейся не предпринимать каких-либо действий. По их мнению, лучше всего дожидаться случая, момента, который вмиг все сможет изменить. В этом смысле любой успех не может быть подвластен человеку, поскольку он приходит и уходит сам по себе.

«Успешность — дело случая... По жизни человек может жить обычно, а потом раз — и развернулся, потом также неожиданно раз — и все пропало. Это зависит от всяких обстоятельств. Это что-то приходящее, ну, фортуна улыбнулась, оказался в нужное время в нужном месте. Поэтому лучше жить спокойно, никуда не торопиться» (29 лет, жен., секретарь).

Такая модель жизненного успеха характерна для сельчан, не стремящихся покидать сельские районы. Это наиболее инертная и пассивная группа, имеющая затруднения с поиском адекватных и надежных способов преодоления жизненных проблем и трудностей. В силу тех или иных причин такие молодые люди в большей степени, чем остальная молодежь, привязаны к селу. Для них по большей части характерен крайне низкий уровень социальной мобильности с незначительными изменениями социального статуса.

Такое понимание успеха скорее характерно для нерыночных групп сельской молодежи. Так, рассматривая перемещения индивидов в контексте их статусных достижений на профессиональном поле, П. Блау и О. Дункан приходят к заключению, что успехи и неудачи в жизни человека обусловлены его принадлежностью к определенному социальному классу со своим набором ценностей, правил, норм, моделей поведения. Этим и определяются их жизненные шансы на продвижение в различных трудовых и рыночных ситуациях (Blau, Duncan, 1967).

Параметры сравнения моделей успешности в сельской и городской молодежной среде

Наши интервью свидетельствуют также о ряде различий в поведенческих моделях выходцев из села и представителей городской культуры. Эти особенности связаны, прежде всего, с той спецификой социальной среды, в которой проходила социализация индивида. Но, как бы там ни было, сельская молодежь устремляется в города в погоне за счастливым и успешным будущим, используя все свои возможности и ресурсы. Большую роль при этом играет воля и нацеленность человека на успех. Именно эти внутренние качества могут подталкивать индивида к совершению акта социальной мобильности.

Однако далеко не всегда городские могут чувствовать свое превосходство над сельскими молодыми людьми. Зачастую у молодежи села имеется за плечами настоящий жизненный опыт, во многом способствующий их быстрой адаптации и вхождению в новые социальные круги. В то же время городская молодежь рассматривает сельскую жизнь в качестве чего-то экзотического и эксклюзивного, что и отмечали наши информанты.

«На селе можно тоже быть успешным, но там успешность другого плана. В селе можно иметь хорошую семью, жить тихо и спокойно, не нуждаться — это уже успех. В городе же успех основан на индивидуализме. Конечно, у городских стартовые возможности шире, но это не говорит об их преимуществе. Мне лично смешно, когда знакомые из Краснодара приезжают в село, а потом с восторгом рассказывают о сельской жизни. Никогда такого не видели. Для меня же это нормально. В этом смысле городские много потеряли, жизни не видели» (18 лет, жен., студентка).

В этом смысле мы можем наблюдать, что сельская молодежь по некоторым позициям чувствует себя гораздо увереннее, что может создавать дополнительные преимущества при социальном продвижении. Однако если рассматривать гендерный аспект, то часть опрошенных указывали на некоторую замкнутость и ограниченность сельских девушек, поэтому при переезде в город им на порядок сложнее адаптироваться. Так или иначе, девушки села испытывают намного больше проблем при вхождении в городскую культуру, нежели сельские парни.

«Поначалу были сложности, к дому я привык, там как-то проще. Да и пацаны, которые в станице растут, — они более жизненные, более настоящие. Могут что-то подбить, подкрутить. А многие парни городские инструментов в руках не держали, в этом минус. Да и я всегда думал, что городские похуже, понаглее, позлее. Но от людей, конечно, все зависит. А вот девчонки в станице намного хуже, чем в городе. Здесь они простые какие-то, ограничены как-то в общении, нет у них интересов, ничем не занимаются» (18 лет, муж., студент).

«В селе люди более открыты, проще что ли. В городе же каждый сам за себя. Иногда и внешне сложно отличить городского от сельского. Правда, девушки из села иногда не знают, как правильно одеваться, либо перекрашена сильно, либо наряд нелепый у них. Городские же со вкусом одеваются, стиль есть» (24 года, жен., специалист).

Во всяком случае, испытывая некоторые сложности на первых порах, сельская молодежь делает резкий рывок в социальном развитии в последующем. У выходцев из села довольно мощная мотивация — во что бы то ни стало вырваться из угнетенных сельских районов, самостоятельно чего-то добиться, стать успешным, реализоваться как полноценная личность.

«Счастье — это благополучная семья плюс взаимопонимание, дети и заработок, которого хватало бы на хороший отдых. Вот мама говорила, что она никогда не жила бы в какой-нибудь хижине, но в итоге живет в деревне, все ради семьи. Но я точно не хочу жить в деревне, не смогу я там себя реализовать. Хочу работать, но нет задачи стать

начальником, главное — не сидеть без дела. Но нужно жить в городе, снимать квартиру, родители пока обеспечивают, а мне неудобно брать у них деньги. Поэтому нужна и работа своя. Без этого никак нельзя» (22 года, жен., студентка).

«Конечно, для полноценной жизни нужна семья, муж и дети. Родители говорят в первую очередь о работе и карьере, а с семьей не спеши, все успеешь. Но для меня семья на первом месте, работа же не имеет такой ценности, материальные блага временны, поэтому карьерный рост или что-то такое не мое, не стремлюсь. Мне очень нужно переехать в город, хочу снимать комнату в городе. Это важно, в станице без дела пропадешь. Большинство в город переехали из одноклассников, но есть те, кто в станице остался. Те, кто остается, работают в магазинах всяких, подрабатывают как-то» (24 года, жен., специалист).

И это им обещает город, а по сути — «перекресток» мобильностей, доходя до которого, индивид волен выбрать любое направление для движения. Он может продолжить движение дальше, окончательно закрепиться в городе и со временем порвать всякую связь с селом, а может и вернуться обратно, но уже на качественно ином уровне. Но, как и на всяком перекрестке, индивид должен действовать по некоторым правилам движения, нарушение которых может грозить неприятными последствиями: человек может быть отброшен на исходные позиции и в результате опуститься на «социальное дно».

Не случайно некоторые исследователи отмечают, что принадлежность к тому или иному социуму во многом определяет социальное положение людей, их уровень жизни, возможности социальной мобильности. При этом личный потенциал и внутренние ресурсы имеют второстепенное значение, поскольку именно социальной средой, в которой проходила социализация индивида, обуславливаются жизненные возможности и шансы на социальное возвышение. В частности, И. Н. Старик, рассуждая о механизмах конструирования неравенства между городской и сельской молодежью, утверждает, что чем больше населенный пункт, в котором проживает индивид, тем больше у него шансов на повышение своего социального статуса. Это связано, прежде всего, с тем, что с увеличением поселения расширяется и его социальная инфраструктура, а значит — и возможности удовлетворения потребностей индивида. Повышается уровень жизни, и человек в некотором смысле может управлять своим социальным положением (Старик, 2012).

Тем не менее не только город предполагает успешную жизнь и реализацию задуманных планов. Часть сельской молодежи убеждена в возможностях развития и самореализации и в сельских условиях. Только при этом набор соответствующих установок и ожиданий должен быть несколько иным. В селе другая специфика, другая организация временного пространства. Там действуют несколько иные законы, которые по своей сути не противоречат счастливой жизни.

«Если хочешь быть на селе успешным, ты должен быть лидером, самоуверенным, строгим. У нас можно хорошо развиться в сельском хозяйстве, в городе же другая специфика. В селе сложнее, меньше людей, нужно место хорошо выбрать, людное. Но если захотеть, то на ноги везде можно встать. Хотя и государство должно больше льгот давать сельчанам, но городским проще стать успешными, больше у них вариаций для воплощения своих идей. Городские пафосны, это основное отличие, сельчане простотой славятся. Хотя погулять вечером негде, а так, в принципе, нормально на селе жить, спокойно — это главное» (28 лет, муж., рабочий).

«Хорошо жить — жить счастливо. В станице частный дом — самый лучший вариант. Семья тоже должна быть, но для нее нужна основа, поэтому пока нужно все создать для этого. На работе тоже должен быть рост. Нужно и свой бизнес пробовать открывать, не получится сразу, но нужно пытаться. У человека должны всегда быть цели, не должен он руки опускать» (22 года, муж., учащийся колледжа).

Заключение

В нашем исследовании представлены лишь некоторые жизненные позиции, но уже по этим данным можно выдвинуть предположения, какие потребности преобладают, какие ценности лежат в основе мировоззрения молодого человека, мотивирован и настроен ли он на успех, мобилен ли он по своей натуре. Конечно, поскольку трансформация российского общества сопровождается ломкой устоявшихся представлений об успехе и стихийным формированием новых моделей и стилей жизни, возникают закономерные вопросы о детерминантах выбора конкретных стратегий поведения.

Так или иначе, среди сельской молодежи прослеживается несколько моделей жизненного успеха. Одни из них связаны с личностным совершенствованием человека, когда решающее значение отдается развитию личных свойств и качеств, другие предполагают доступность тех или иных значимых ресурсов социальной среды, в которой проживает индивид, третьи вообще выводятся за грань человеческого управления и основываются на воле случая. Однако каждая из этих моделей, несомненно, дает представления о том, какие мировоззренческие и ценностные установки доминируют в среде сельской молодежи, а также о том, каким образом восприятие успеха может определять процессы социальной мобильности на селе.

Литература

- Дубов И. Г. Социально-психологические аспекты активности. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.
- Клочкова О. Ю. Модель успеха как фактор профессионального выбора: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2003.
- Магун В. С., Энговатов М. В. Жизненные притязания различных социальных групп молодежи // Молодежь Самарской области в 2002 г.: современное положение и тенденции развития / Под ред. В. Б. Звоновского. Самара, 2003. С. 194–223.
- Муханова М. Н., Жвитиашвили А. Ш., Бессокирная Г. П. Российское село: социально-структурные процессы от прошлого к настоящему. М.: ЛИБРОКОМ, 2014.
- Нечипоренко О. В. Сельские сообщества изменяющейся России: инновации и традиции. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2010.
- Старик И. Н. Механизмы конструирования неравенства городской и сельской молодежи: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2012.
- Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта: МПСИ, 2005.
- Хагуров А. А. Социология российского села. М.: [б. и.], 2012.
- Blau P. M., Duncan O. D. American occupational structure. N.Y.: John Wiley and Sons, 1967.

Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии¹

Константин Глазков*, Анна Стрельникова**

В статье рассматриваются познавательные возможности мобильных методов — методов, в которых движение становится частью исследовательской стратегии. Авторы считают, что «мобильность» (подвижность) является важной характеристикой индивидов и сообществ как объектов социологического изучения. Понимание этого факта приводит исследователей к поиску и смешиванию методических приемов, позволяющих «угнаться» за респондентом, включиться в его пространственные практики, участвовать в перемещениях вместе с респондентом (или в тех же условиях, что и респондент). В качестве эмпирического материала используются результаты авторского исследования «Ingress как городской мобильный квест».

Ключевые слова: городское пространство, мобильность, пространственные практики, мобильные методы, стратегии смешивания методов, мобильные квесты

Мобильные методы как разновидность mixed methods research

В современном методическом арсенале социолога все чаще появляются комбинированные (смешанные) стратегии сбора данных, разрабатываются творческие методики, многие из которых учитывают идею мобильности исследователя и объекта изучения. Термин «стратегии смешивания методов» (mixed methods research) обозначает различные варианты сочетания методов в одном исследовании, при котором, за счет комбинирования сильных сторон одних методов и минимизации недостатков других, достигаются более целостные, насыщенные результаты (Полухина, 2015). Изначально идея «смешивания» подразумевала эффективное сочетание качественных и количественных методов, но в настоящее время, по нашему мнению, смешанные стратегии можно понимать более широко. Например, можно комбинировать различные типы методов друг с другом (интервью и наблюдение, проективные методики и традиционные вопросы),

---

¹ Статья подготовлена в ходе работы (№ проекта 15–05–0012) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

* Глазков Константин, аспирант департамента социологии НИУ ВШЭ, магистр градостроительства. glk@gorod.org.ru.

** Стрельникова Анна, кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН, доцент социологического факультета ГАУГН. astrelnikova@hse.ru.

можно сочетать разные уровни включенности в изучаемое явление (от полной невключенности до полной включенности) и т. д.

В данной статье под *мобильными методами* мы понимаем комбинирование «традиционных» методов получения исследовательской информации (преимущественно качественных и включающих в себя опросные, визуальные, экспериментальные техники) с «мобильной» методикой, при которой исследователь получает информацию последовательно, в процессе перемещений, так или иначе связанных с изучаемым объектом (Büscher, 2011). При этом исследовательская фиксация перемещений изучаемого объекта может происходить как непосредственно (в ходе включенного наблюдения), так и посредством современных геолокационных технологий, в том числе через различные мобильные приложения (Hein, Evans, Jones, 2008).

Методы, подразумевающие перемещения исследователя вслед за объектом изучения (или в поисках объекта изучения), не являются чем-то принципиально новым для социологии. Можно привести в пример экспедиционные исследования, которые были широко распространены в отечественной социологии в прошлом (Россия, которую мы обретаем, 2003) и которые сейчас вновь переживают всплеск интереса (Кордонский, Плюснин, 2015; Рогозин, 2008; Социологические наблюдения, 2007), а также «метод дорожных интервью» (интервью в формате бесед с попутчиками в поездах дальнего следования), о которых рассказывал В. А. Ядов на своих лекциях. В то же время сама идея «мобильного подхода» до недавнего времени не мыслилась ни как одно из свойств выбранной методики, ни как основание для уточнения классификации методов сбора данных. И только в последнее десятилетие можно наблюдать заметный «мобильный поворот» (Урри, 2012), проявившийся в акцентировании тематики мобильности (в самом широком смысле), как в социальной теории, так и в прикладных исследованиях. В рамках этого поворота мобильность понимается как важное свойство людей и вещей, а городская повседневность воспринимается как наполненная «...множественными и пересекающимися системами мобильности» (Трубина, 2011, с. 208). По мнению Э. Амина и Н. Трифта, повседневный опыт перемещений было бы перспективно описывать через такие метафорические конструкции, как пористость (транзитивность, открытость новому), наличие ритмов городской жизни и отпечатки следов (Амин, Трифт, 2002).

Одновременно с этим формируется опыт методологической рефлексии, поскольку «...различные виды движения людей, вещей, информации и идей не могут беспрепятственно стать предметом исследования, они требуют перефокусировки социального знания и специфической методологии» (Трубина, 2011, с. 208). Таким образом, движение (мобильность, подвижность, текучесть) в различных формах и проявлениях становится не только важнейшим концептом для осмысления социальных процессов современности, но также и источником методического поиска.

Мобильный исследователь, мобильный объект исследования: примеры

Несмотря на то, что количество прикладных исследований с использованием мобильных методов пока не столь велико, к настоящему моменту уже можно выделить из них несколько обособленных типов. Мы предлагаем следующий вариант классификации: «интервью в движении», «исследование как фильм» / видеоэтнография, картографирование мобильности / дневники мобильности и исследование при помощи мобильных гаджетов, имеющих доступ в Интернет (смартфонов, планшетов). Рассмотрим их по порядку.

1. *«Интервью в движении»*. Это группа методов, подразумевающая сочетание интервью с прогулкой или поездкой, проводимой совместно с респондентом². Прогулка или поездка подразумевает включенность исследователя в пространственные практики (Серто, 2010) тех, кого он изучает, или, в случае неоднократных интервью, — погружение на определенное время в тот образ жизни, который ведет информант. В целом «интервью в движении» дает доступ к среде обитания и телесно-рефлексивному опыту изучаемых людей, а также создает более глубокий формат взаимодействия между исследователем и исследуемым. Примерами среди западных исследований являются работы М. Кузенбах (Kusenbach, 2003), проект Р.М. Каприано по изучению здорового образа жизни (Capriano, 2009). Также стоит упомянуть интересный проект И. Лурье, в котором исследователь сопровождал торгового представителя в его поездках по городу и в результате выявил особенности функционирования «мобильного офиса» — практики осуществления офисных функций на ходу, за рулем автомобиля (Laurier, 2004). Примером среди российских исследований является метод «биографическая прогулка» (Стрельникова, 2012; Стрельникова, 2014), позволяющий провести реконструкцию жизненного пути в целом или отдельных событий благодаря биографическому импульсу, который дает прогулка по значимым для респондента местам. Комбинирование методов биографического анализа и мобильной техники позволило реконструировать своеобразные «пространственные карты памяти», проанализировать биографические сюжеты, соотносить с теми или иными маршрутами, местами, объектами.

2. *«Исследование как фильм» / видеоэтнография*. Это смешанная стратегия для сбора данных и презентации результатов, в которой социолог погружается в исследуемую среду (обычно в качестве участвующего наблюдателя) и комбинирует различные методы сбора данных (наблюдение, интервью с участниками, визуальные методы, анализ текстов, и др.). Собранные материалы используются для последующего монтажа фильма, позволяющего получить оперативную и наглядную информацию о динамике жизни сообщества, о его развитии на протяжении определенного времени, или об определенной социальной ситуации. Основная тематика таких фильмов-исследований может быть связана с социальным активизмом, с деятельностью молодежных субкультур, с этнографическими сюжетами, т. е. это такие исследовательские ситуации, в которых «не мобильный» исследователь практически не имеет возможности осветить проблему. В качестве примера можно назвать многосерийный фильм-исследование «Рожденные в СССР», в котором освещаются этапы взросления представителей одной когорты на фоне социальных потрясений и распада Советского Союза³, а также проекты Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург) и НИЦ «Регион» (г. Ульяновск)⁴. К определенным недостаткам фильмов-исследований можно отнести их «неакадемичность»: при их создании используется особый стиль изложения материала, с акцентом на динамичном сюжете и с соблюдением особенностей языка и форм презентации, которыми пользуются наблюдаемые объекты. Также следует отметить, что съемка многих сюжетов может быть небезопасной для исследователя (не исключены конфликтные столкновения с другими субкультурами, с органами правопорядка и т. д.).

² Отметим, что в зарубежных методологических дискуссиях встречается более дробная разбивка: в частности, «интервью во время прогулки» (walk alongs) отделяют от «интервью во время поездки» (ride alongs). Подробнее см.: Mobile Lives Forum. URL: <http://en.forumviesmobiles.org/> (дата обращения: 12.10.2015).

³ Со структурой исследовательского фильма можно ознакомиться на официальном сайте проекта: URL: <http://rozhdennye-v-sssr.ru> (дата обращения: 12.10.2015).

⁴ См., напр., подборку фильмов-исследований: URL: <http://www.youtube.com/user/MityaOMelchenko> (дата обращения: 12.10.2015).

3. *Картографирование мобильности / дневники мобильности.* Это стратегия, подразумевающая фиксацию исследователем маршрутов, популярных мест, практик перемещения изучаемых индивидов в физическом пространстве посредством их рисунков, а также (как результат бурного развития новых медиа) посредством данных из геолокационных приложений, учитывающих перемещения людей и транспорта, и анализ комментариев, связанных с ними. Одной из предпосылок развития этой стратегии стала идея З. Баумана о том, что «...карты, которыми руководствуются в своем движении различные категории жителей, не совпадают (Бауман, 2008, с. 113–114). Одним из примеров является работа социальных географов Хайн, Эванс и Джонс (Hein, Evans, Jones, 2008).

4. *Исследование при помощи мобильных гаджетов, имеющих доступ к Интернету (телефонов, смартфонов, планшетов).* Эта стратегия близка к предыдущей. В данном случае мобильные гаджеты принимаются не только как часть повседневной реальности, но и как интерактивный («мобильный» и при этом находящийся онлайн) источник информации (Mobile Research Methods, 2015). Т. е. в данном случае свойство «мобильный» берет свое начало от мобильного телефона. В свою очередь, в контексте теорий медиа, мобильный телефон рассматривается как техническое устройство, которое радикальным образом перевернуло коммуникацию между людьми: вместо определенности места коммуникации, которую гарантировал стационарный телефон, теперь ключевой загадкой, которую стремится разрешить человек, набирающий чей-то номер, является определение контекста коммуникации и места его собеседника. «Ты где?» — этот вопрос Маурицио Феррарис ставит во главу своей книги, в которой он пытается описать сущность тех изменений, которым послужило широкое распространение мобильных телефонов. Например, подвижность и неопределенность места собеседника имеют такие последствия, как переопределение точки отсчета взаимодействий: «мобильный телефон находится не в квартире, а в кармане человека, он и есть этот человек» (Феррарис, 2010, с. 47). И лишь мобильный «человекофон», или, как бы выразился Роберт Люк (Luke, 2005, р. 185–205), — «phoneug», способен задать этот контекст, ответив на вопрос о своем местоположении. Эти изменения составляют сущность так называемой мобильной онтологии, в рамках которой переопределяются объекты, субъекты и средства определения их бытия, а затем и исследовательские приемы. В рамках этого направления ведутся дискуссии о достоверности данных, полученных от виртуальных «мобильных» респондентов, разрабатывается опросный инструментарий, адаптированный для пользователей мобильных приложений, и т. д. (Mobile Research Methods, 2015).

Данная классификация не претендует на полноту — она, скорее, служит первичным ориентиром в многообразии мобильных методов.

Ingress как городской мобильный квест: опыт мобильного исследования

1. Выбор кейса и его описание. Выбирая кейс для изучения при помощи мобильных методов, мы старались «поймать» ускользающий объект — новую разновидность городской мобильности, связанную с геймификацией города. Основной современный жанр городских игр — квест в городском пространстве, соединяющий в себе геолокационные возможности новых медиа, интерактивность (возможность быть «соавтором» контента в самом широком смысле) и активизацию базовых ролевых архетипов («своичужие», «герой», «мудрец» и т. д.) (Gordon, de Souza e Silva, 2011). Актуальность выбора данного объекта связана с тем, что подобные квесты, с одной стороны, порождают новый тип городской мобильности, и, с другой стороны, этот тип мобильности невозможно проанализировать «стационарно», т. е. его смыслы порождаются в движении. Т. е., в случае с городскими мобильными квестами, «нет движения» означает «нет понимания». В результате нами был выбран популярный городской мобильный квест «Ingress».

«Ingress» — это многопользовательская игра, которая устанавливается на мобильные телефоны и планшеты и основывается на принципах «дополненной» реальности и геолокационного позиционирования. Пользователь игрового приложения получает возможность, перемещаясь по городу, видеть на экране своего устройства игровые характеристики обычных физических объектов: городские достопримечательности (памятники, интересные вывески, арт-объекты) воспроизводятся на интерактивной игровой карте и дополняются особой «энергией» («х-материей»), которую нужно получить при посещении этого места, соревнуясь с другими⁵. Таким образом, реальная карта накладывается на альтернативную карту, насыщенную игровыми объектами, при этом физическое перемещение сопровождается действиями в этой альтернативной карте, и тем самым создается «гибридная реальность» для участников Ingress. Иными словами, игровые действия (для внешних наблюдателей — это просто перемещения от одних городских мест к другим с телефоном или планшетом в руке) проходят в реальном пространстве города, которое при этом отображается в гаджете участника. Игра была выпущена Niantic Lab (отдел Google) в 2012 г., и к настоящему моменту можно говорить о ее глобальном масштабе: по состоянию на июль 2015 г. число пользователей превысило 7 млн человек⁶.

2. Описание методологии исследования. В нашем исследовании «Ingress как городской мобильный квест» мы комбинировали такие методы, как *нэтнография* (наблюдение в режиме онлайн за событиями в игровых сообществах, картографирование через визуализацию игровой активности), полуформализованное *интервью* с участниками игры, а также включенное (участвующее, мобильное) наблюдение за игровыми практиками в городском пространстве, подразумевающее, в частности, «мобильное» освоение игровых практик посредством перемещений в городском пространстве (как самостоятельно, так и вместе с другими участниками игровых сообществ), и *анкетный онлайн-опрос*. Если вернуться к предложенной нами классификации «мобильных методов», то выбранный нами набор методов соотносится с первым, третьим и четвертым типами («интервью в движении», картографирование мобильности / дневники мобильности, исследование при помощи мобильных гаджетов, имеющих доступ в Интернет (смартфонов, планшетов). Мы предположили, что в результате такого комбинирования методов аспект мобильности будет наиболее значимым, а отдельные конфигурации методов будут выполнять триангуляционную функцию по отношению друг к другу.

Нами было проведено 8 интервью (средняя продолжительность интервью составила 70 минут), получено 497 онлайн-анкет, проведен анализ игровой статистики за период с 11.11.2014 по 4.02.2015. Интервью проводились по полуструктурированному гайду, в который входило обсуждение таких тем, как «коммуникация», «технологии», «повседневность», «воображаемое». Отбор информантов проводился среди участников Ingress методом «снежного кома» (было отобрано по 4 представителя обеих фракций: 5 мужчин и 3 женщины). Онлайн-анкетирование проводилось на базе сервиса *surveymonkey.com*, основными каналами распространения ссылки на опрос стали московские игровые

⁵ При первом запуске приложения пользователю сообщается, что мир находится в опасности из-за обнаружения «экзотической материи», и существует две противоборствующие фракции: «Resistance» (синего цвета) и «Enlightened» (зеленого цвета), к одной из которых предлагается примкнуть. Пополнив ряды одной из фракций, пользователь подталкивается к перемещениям по городу и «захвату» этих мест.

⁶ Речь идет о 7 млн реальных пользователей, в то время как число установок приложения превысило 12 млн. См.: Suckley M. Why Google's Niantic Labs is taking Ingress' success and scaling up to an open platform // Pocketgamer. 27.07.2015. URL: <http://www.pocketgamer.biz/news/61650/niantic-labs-platform-play> (дата обращения: 12.10.2015).

сообщества и встроенный чат⁷. Сбор игровой статистики осуществлялся в будни, в вечернее время, т. к. мы хотели избавиться от смещений в выходные дни и застать наиболее активную (вечернюю) фазу игры.

Переопределение понятий: что такое «мобильные» «приложения»?

Ingress как мобильное приложение наделено теми же свойствами, которыми обладает любое приложение, установленное на мобильном телефоне или планшете. Тем не менее обычное для слуха горожанина словосочетание «мобильные приложения» таит в себе определенный познавательный потенциал. На деле каждое из двух слов требует отдельного рассмотрения, а значит, и «оков» в виде кавычек. Лишь после тщательного анализа мы можем позволить себе раскрыть скобки, которые сдерживают «мобильные» «приложения», но, оказавшись снова вместе, эти слова будут иметь уже несколько иной смысл.

Для Маршалла Маклюэна игры являлись в первую очередь расширением наших «частных и социальных Я», в которых отражается картина мира уходящего поколения (Маклюэн, 2011, с. 269–279). Появление новых игр типа «Ты где?» (определение местоположения собеседника в случае звонка на мобильный телефон) стало возможным благодаря полноценному внедрению кардинально новых технологий. В то же время в таких играх обыгрывается былое несовершенство человеческой коммуникации, когда можно было «не найтись и не встретиться». Теперь такая задача переводится в игровой формат и решается (не без затруднений) по правилам и с использованием обычного набора гаджетов.

Но игра является расширением не только в смысле «расширения массовой реакции на повседневный стресс, инкорпорированной в единый динамический образ» (Маклюэн, 2011, с. 267). Игра опирается на новые возможности и расширения Я, обусловленные его переконфигурацией. «Я++» — «беспроводное двуногое», «электрический кочевник», «цифровой киборг» (Митчелл, 2012, с. 57, 65), «движущаяся комбинация» (Dant, 2004, с. 61–80), дальность и автономность действия которого ограничены лишь зоной покрытия и возможностями переносных устройств.

Таким образом, плагин-город, части которого то состыкуются друг с другом, то размыкаются, начинается с плагин-горожанина. «Приложение» в словосочетании «мобильные приложения» обозначает возможность доступа и подключения, которая появляется у расширенного Я. Примечательно, что слово «ingress» с английского и переводится как «доступ», «право входа». Но доступ к чему? С точки зрения игровой механики, видимо, подразумевается задача взломать и захватить портал, то есть игровой объект с фиксированным местоположением. На наш взгляд, «мобильное приложение» дает возможность гораздо большую. А именно, горожанин становится частью структуры, в которую входят не только игровые порталы, но и другие игроки, каждый из которых участвует в единовременном переопределении конфигурации Сети. Причем контекст взаимодействия между игроками определяется всякий раз в процессе координации их местоположений. Подвижные узлы Сети в виде «человекофононов» постоянно изменяют неподвижные узлы Сети в виде игровых порталов.

В то же время Амин и Трифт отмечают неудачность метафоры Сети так таковой (Амин, Трифт, 2002, с. 23). «Подвижность узлов» на языке сетевой структуры скорее означает включение/отключение конкретных отношений (связей) с другими сетевыми

⁷ Тем не менее охват опроса вышел за пределы Москвы и привлек внимание игроков по всей России. В результате в опросе приняло участие 709 респондентов, из которых 70% (497 человек) прошли его до конца и остались в финальной базе для анализа. Из 497 респондентов — 231 человек из Москвы и московской агломерации и 266 человек из других городов.

структурами. Всякий раз узел переопределяет себя и всю сеть, разрывая не релевантные и образуя новые отношения с другими узлами. Но в какой момент и где рождается тот смысл, который делает какие-то элементы релевантными и отбрасывает остальные? У нас складывается предположение, что именно практики совместной мобильности придают дополнительную значимость происходящему и делают те или иные отношения релевантными для образования более стабильных структур, будь то игровое сообщество или смысловой контекст городского пространства.

Больше, чем игра? Результаты мобильного исследования

Первый вопрос, который нас интересовал — это характеристики горожан, участвующих в мобильном квесте, как подвижных «узлов» в медиагороде: в каких отношениях игроки находятся с другими «узлами», где в основном протекает мобильный квест Ingress, какие цели преследуют игроки, и как игровая активность связана с образом жизни.

По результатам онлайн-опроса мы выяснили, что в среднем игроки пользуются приложением 2,5 часа в день. Мы также попросили игроков оценить различные возможности, которые им дает Ingress, от -3 до $+3$ баллов. В соответствии с полученными данными участники Ingress видят прелесть игры для себя в том, чтобы открыться новым впечатлениям (1,4), больше ходить по городу (1,3), знакомиться с людьми (0,9), при этом отвлечься от повседневности (1,6). Ingress в меньшей степени видится как средство уединения ($-0,9$), обретения внутреннего спокойствия ($-0,03$) и погружения в жизнь города ($-0,18$). Тем не менее довольно пограничные оценки указывают на то, что пользователи предпочитают как «волнительные-внешние», так и «успокаивающие-внутренние» стратегии игры:

Стал ли ты лучше ориентироваться в городе благодаря игре? Узнал ли о нем что-то новое?

«Да. Если ты без игры, и у тебя есть работа-дом, и ты добираться на метро, то есть ты садишься у себя, а выходишь там, то у тебя есть фактически два кусочка паззла, всего два. Когда ты с игрой, где-то пройдешь, по соседним областям, округам, районам, то ты начинаешь понимать, что ты там был, и у тебя начинает складываться картинка, как туда добраться, пешком или на транспорте, но обычно пешком. Ты когда-то по жизни бываешь в других районах, но, когда ты проходишь по ним вместе, они начинают складываться. Появляются разные открытия пешехода» (P2: муж., 26 лет, занимается поисковой оптимизацией, фракция Enlightened, играет 18 месяцев).

С точки зрения наиболее предпочтительных видов деятельности в рамках игры пользователи отмечают: возможность «ходить по городу» (1,8 — по шкале от -3 до $+3$), «общаться с другими участниками («агентами»)» (1,4), «изучать город» (1,3). Организаторские функции, среди которых поддержание коммуникации в сообществе (0,3), планирование игровых операций (0,5) и работа с новичками, привлекают гораздо меньшее число игроков ($-0,2$). Эти оценки говорят о том, что Ingress в большей мере используется в том ключе, который был предложен разработчиками. Преодолением довольно удобной игровой механики занимается меньшее число игроков, которые пытаются на базе имеющихся инструментов предложить что-то более сложное, чем случайные блуждания по городу.

В ходе исследования нам было интересно, насколько часто игроки начинают не устраивать предложенные игрой возможности и из-за чего они решают ее на время оставить. Выяснилось, что довольная большая доля игроков (52%) периодически забрасывали Ingress. Наиболее популярные причины, по которым пользователи забрасывали приложение: «было много дел» (35%), «личная жизнь» (25%).

Таким образом, преимущественной причиной отказа от игры является перераспределение временных ресурсов, которое требуется для полноценного участия в игровых процессах (в среднем 2,5 часов в день). Примечательно, что «угрозы насилия» (0,8%) и «испорченные отношения с другими игроками» (2%) основными причинами для отказа от игры не являются.

А с чем связаны твои активные — неактивные периоды игры?

«У меня был один активный период, потом неактивный. Во-первых, работа до 8 не очень располагает. Она располагает играть немного. Меньше времени. Плюс, сидеть на одном месте — играть тупо. Да, у тебя может быть что-то под боком, ты взял сбил, подобрал, и все. Игра требует: «Иди ходи». Идея в том, чтобы ходить в реальном мире. Плюс, еще что может повлиять: интересно, когда ты в разных местах бегаешь. Многие, понимаешь, ходят на работу — с работы. Скучно становится. Раньше я хотя бы у дома все оббегал. Интересно, хоть какой-то район у дома. Обошел, скажем. Но новые места нужны, там что-то есть» (P1: муж., 24 года, работает в страховой компании, фракция Enlightened, играет 6 месяцев).

Как мы видели, мобильный квест требует для себя много времени. Отсутствие времени — основная причина, по которой пользователи бросают играть. А есть ли у игроков время? Оказывается, 35% респондентов работают полный день с жестким графиком, еще 30% — полный день, но с гибким графиком, и лишь 24% обладают гибким графиком или не работают вовсе. Это указывает на то, что времени у пользователей на игру не так уж и много, а это значит, что затрачиваемое время — это время, которое, так или иначе, «теряется» в ходе перемещения по городу. Возможно, это время на дорогу или по делам.

Тем не менее игра способна вторгаться в привычные маршруты горожанина и предлагать ему нестандартные направления и форматы перемещения:

А по Москве вы много ходили? Вы изменили отношение к городу?

«Я в общем-то достаточно неплохо знал Москву и до этого, какие-то да, какие-то нет. Достаточно сильно много пришлось покататься по спальным районам, куда, в принципе человек достаточно редко попадает, если он там не живет» (P7: муж., 29 лет, программный архитектор, фракция Resistance (ранее — Enlightened), играет 20 месяцев).

Порой игровые перемещения не ограничиваются только освоением «невостребованных» частей города, но и включают в себя пребывание в знакомых районах, но в необычном составе и контексте:

В каких форматах протекает сотрудничество между игроками?

«С собаками, я думаю, это очень распространено, ходят по парку, хакают порталы. А по поводу машин, у кого есть машины, то они часто что-то делают прямо за рулем, это опасно конечно. Бывают всякие операции на машинах. Вот в декабре, например, была «Зеленая Москва». Чисто автомобильная операция. Люди собрались, и в результате на Садовом кольце было около 1100 зеленых порталов. Участвовало больше 70 человек и, по-моему, 13 машин» (P2: муж., 26 лет, занимается поисковой оптимизацией, фракция Enlightened, играет 18 месяцев).

Таким образом, игра может быть как автономным миром для специфического времяпрепровождения, так и «расширением» обычных повседневных практик. На это указывают и результаты опроса, где 53% респондентов сказали, что Ingress живет по своим

правилам, а 41% — что это лишь дополнение к повседневным делам, 6% затруднились с ответом.

Чтобы понять, какой потенциал городского пространства в большей степени реализует мобильная игра, мы попросили респондентов оценить от -3 до +3 разные высказывания об их образе жизни до того, как они начали играть в Ingress. В результате мы получили довольно позитивные оценки. В среднем игроки считают, что у них и так было много друзей (1), они и так много двигались по городу (0,6) и путешествовали (0,5). Самую низкую оценку получил вариант «Я и так хорошо знал Москву» — 0,6. Причем разброс составил от -1 «Скорее да, плохо знал» (Q1) до 2 «Хорошо знал» (Q3). Возможно, именно этот компонент — знание и представление города — в наибольшей мере восполняется в ходе игры. Впрочем, мобильные игры далеко не единственный формат знакомства с городом. Так, 74% респондентов предпочитают проводить свой досуг, прогуливаясь по городу.

Игры дополненной реальности предлагают механизмы, с помощью которых игрок может расширять смысловой контекст городского пространства. В частности, в Ingress широко используется опция «миссия», в рамках которой игроку предлагается пройти по специально подготовленному маршруту, состоящему из мест с описаниями и скрепленному одной темой.

Но ты всегда играешь с кем-то, не одна?

«Одной мне тоже очень нравится. Мне нравится, что сейчас ввели опцию миссий, это то, чего не хватало. Хотя, с другой стороны, у меня некоторые друзья говорят, что им не нравится, когда их куда-то направляют. Ведь Ingress это же как раз — свобода! Но как лишний стимул... Миссия — это необязательно ... Сейчас идет скользкий момент по поводу того, что надо создавать, какие имеют право на сосуществование, а какие — нет. Например, пройти просто по аллее Космонавтов и прикоснуться к каждому порталу — конечно, замечательно. Но там либо должна подаваться дополнительная информация параллельно, либо какой-то интересный маршрут. Для некоторых миссий, с некоторыми друзьями, мы проходили, всё было очень грамотно составлено — называется «булгаковская Москва» (P8: жен., 27 лет, руководит Интернет-магазином, фракция Enlightened (ранее — Resistance), играет 13 месяцев).

Игровой потенциал: преодоление препятствий повседневности

Рассмотрим игровой потенциал городского пространства. Можно предположить, что там, где оно трансформируется, есть наибольшее сосредоточение препятствий, преодоление которых бросает вызов повседневности и рутине. С одной стороны, мобильная игра предлагает привлекательный контекст для передвижения по городу, с другой стороны, что дает простое перемещение? Всегда ли «лишнее» перемещение идет на пользу?

Что тебе больше всего нравится в игре?

«То, что я как-то двигаюсь. Я в принципе люблю гулять, а так гуляешь не просто так» (P1: муж., 24 года, работает в страховой компании, фракция Enlightened, играет 6 месяцев).

Следует отметить, что игра является привлекательной еще и потому, что дает пользователям контекст для свободного действия и целеполагания. Это не означает, что до игры такой возможности не было. Но не было среды, в рамках которой выдумки и находки игроков находили отклик у других «посвященных». Т. е. игра в первую очередь открывает пространство для появления новых задач и спонтанных впечатлений.

А в чем смысл «делать что-то большое»?

«У меня логика, что это приключение. Если что-то такое не замутить, то скучно. Неинтересно. Потом мы сами придумываем себе сам. Значит и смысл мы себе сами придумываем» (P4: жен., 22 года, студентка факультета клинической психологии, фракция Enlightened, играет 14 месяцев).

А чем тебе это мобильная игра заинтересовала?

«Тем, что надо ходить. В силу своей профессии, я, конечно, курьерствую, но сижу много на месте. А так не сидишь дома, куда-то идешь, у тебя нет цели, цели возникают сами по себе, пока ты идешь. Часто бывает такая проблема, что ты вышел сделать что-то одно, а возвращаешься в 2 часа ночи с убитыми ногами» (P8: жен., 27 лет, руководит Интернет-магазином, фракция Enlightened (ранее — Resistance), играет 13 месяцев).

Тем не менее единого мнения о том, как надо реализовывать потенциал мобильных игр, среди пользователей нет. То, что кажется лучшим в игре, другими отвергается, как постыдное.

А вот те вот товарищи, которые не стали лучше город от этого знать, они до этого, получается, и так городом не занимались?

«В большинстве своем нет. У нас была волна, вот как раз в 2013 году — довольно активно шли ребята из Ночных дозоров. Ну, они на самом этом уровне ночных дозоров и остались. Наибольшее удовольствие им доставляло то, чтобы носиться на машинах по городу, по вызову. Они играли в таких полицейских» (P3: муж., 35 лет, менеджер в научной лаборатории, фракция Enlightened, играет 20 месяцев).

Эти разногласия, с одной стороны, служат поводом для поиска новых игровых возможностей, с другой стороны, разделяют игроков, провоцируют появление иерархии занятий в рамках игры, что конечно не может негативно сказываться на потенциале переопределения городского пространства простыми пользователями. Иногда так возникают искусственные барьеры между разными игровыми аудиториями и теми опциями, которые предлагают разные игры.

В то же время неоднозначное влияние на расширение восприятия городского пространства оказывают экранные отношения, в которых город порой подменяется и заслоняется от игрока его виртуальной копией, полностью поглощающей внимание пользователя.

Заключение

Таким образом, использование мобильных методов позволило нам описать феномен городских мобильных квестов (на примере «Ingress»). Погружение в исследуемую среду (включенность и движение) дает нам возможность получить данные не только о самих перемещениях по игровому городскому пространству, но также о способах коммуникации, нормах, конфликтах, ритуалах и ролях, актуальных для участников Ingress. Мы выяснили, что отдельные точки города постепенно наполняются событиями и эмоционально окрашенными смыслами, так или иначе связанными с квестом. Также можно предположить, что в дальнейшем будет наблюдаться расширение геймификационных практик в городском пространстве, связанное с коммуникативными потребностями.

По данным нашего исследования, Ingress выполняет не только игровые (развлекательные) функции. Результаты перемещений участников Ingress в городском/игровом пространстве позволяют говорить о внеигровом потенциале мобильных игр. Во-первых,

возникают новые метафоры в описании городских маршрутов и новые ориентиры, которые служат маркерами социального распознавания. Во-вторых, в игровом формате участники знакомятся с историческими или просто интересными местами города, т. е. их пространственные практики связаны также с образовательными/познавательными задачами (например, пройти «миссию» — специально организованный маршрут). В-третьих, перемещения по городу приобретают новые смыслы, в том числе связанные со здоровым образом жизни: у участников заметно увеличивается время, которое они тратят на пешие прогулки. Кроме того, «игра» происходит в ситуации взаимодействия с другими людьми, благодаря чему возникают основы для новых неполитизированных солидарностей.

В то же время, в случае с мобильными играми, остается открытым вопрос о границах возможной игровой интервенции в городское пространство. Когда все же заканчивается игра и начинается город? Да, «игра обособляется от обыденной жизни местом и продолжительностью» (Хёйзинга, 2011, с. 31). Но что делать с мобильными играми, которые оперируют всегда- и вездесущими включениями/отключениями игроков? «Всякая игра протекает в заранее обозначенном игровом пространстве, материальном или мыслимом, преднамеренном или само собой разумеющемся» (Хёйзинга, 2011, с. 32). Если нет уверенности, что есть предварительные соглашения о границах игры, то, может, город — это само собой разумеющееся пространство игры?

Пытаясь ответить на этот вопрос в ходе нашего исследования, мы убедились в широких познавательных возможностях мобильных методов. Именно наша исследовательская «мобильность» (подвижность), подразумевающая перемещения вместе с изучаемым объектом, позволила нам понять и осмыслить содержание феномена городских мобильных квестов, которые, при их растущей популярности, остаются непонятными для тех, кто в них не включен. Рассмотрение мобильных игр в контексте игровых возможностей городского пространства (*playful urbanity*), а не в контексте «город как игровая доска» (*game board*), позволяет предположить, что принципиальной границы между игрой и городом нет, но есть континуум игрового/неигрового освоения городского пространства. Вместо оппозиции «игра — обыденное» по отношению к мобильным играм более продуктивно предложить другую, которая бы не лишала нас рамки игры. Поиск новых оппозиций будет предметом для наших следующих изысканий.

Литература

- Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города / Пер. С. П. Баньковской // Логос. 2002. № 3–4. С. 209–233.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М. Социологические экспедиции кафедры местного самоуправления НИУ ВШЭ // *Laboratorium*. Журнал социальных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 71–91.
- Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Зacl. ст. М. Вавилова. 3-е изд. М.: Кучково поле, 2011.
- Митчелл У. Я++: Человек, город, сети. М.: Strelka Press, 2012.
- Полухина Е. В. Morgan D. Integrating qualitative and quantitative methods: a pragmatic approach. SAGE Publications. 2014 // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 168–170.
- Рогозин Д., Турчик А. Разговоры с учителями о реформах в образовании: социологическая экспедиция в школы Екатеринбургa // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 34–47.
- Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003.
- Серто М. де. Практика повседневной жизни. Пространственные практики / Пер. с англ. Н. Эдельмана // Прогнозис. 2010. № 1 (20). С. 151–184.

Социологические наблюдения. Вып. 8: «Доступное жилье»: от строительных технологий к социальным новациям. По данным социологической экспедиции в г. Иркутск. Июль-октябрь 2007 // База Данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/cat/hosehom/npsoc0708> (дата обращения: 12.10.2015).

Стрельникова А. В. Перемещения в пространственных координатах: больше, чем географическая мобильность // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2014. № 8. С. 30–36.

Стрельникова А. В. Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012.

Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2012.

Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона / Пер. с ит. К. Тименчик, М. Устюжаниновой. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Хэйзинга Й. Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

Büscher M., Urry J., Witchger K. Mobile Methods. London: Routledge, 2011.

Carpiano R. M. Come take a walk with me: The «Go-Along» interview as a novel method for studying the implications of place for health and well-being // Health & Place. 2009. Vol. 15, Issue 1. P. 263–272.

Dant T. The driver-car // Theory, Culture and Society. 21. 2004. P. 61–80.

Gordon E., de Souza e Silva A. Net Locality: Why Location Matters in a Networked World. // Regional Studies. 2011. P. 59–84.

Hein J., Evans J., Jones P. Mobile methodologies: Theory, technology and practice // Geography Compass. 2008. Vol. 2 (5). P. 1266–1285.

Kusenbach M. Street Phenomenology: The Go-Along as Ethnographic Research Tool // Ethnography. 2003 № 4 (3). P. 455–485.

Laurier E. Doing Office Work on the Motorway // Theory, Culture & Society. 2004. № 21 (4–5). P. 261–277.

Luke R. The Phoner: Mobile Commerce and the Digital Pedagogies of the Wireless Web. In Peter Trifonas, ed. Pedagogies of Difference. Routledge, 2005.

Mobile Research Methods. Opportunities and challenges of mobile research methodologies / Ed. by D. Toninelli, R. Pinter, P. de Pedraza. L.: Ubiquity Press Ltd, 2015.

Визуальная социология

Символика университета в восприятии студентов

Павел Демин*, Станислав Пашков**

В статье рассматривается роль символики университета как элемента организационной культуры и восприятие студентами символического содержания транслируемых идей и ценностей. Выделяются основные вещественные атрибуты системы организационных символов, ее специфика и основные коммуникационные функции. На основании анализа материалов интервью, анализируются условия и обстоятельства адекватной или неадекватной оценки смысловой нагрузки отдельных элементов корпоративной символики.

Ключевые слова: логотип, символ, университет, корпоративные ценности, трансляция корпоративных ценностей, корпоративная культура

Понятия символа, символики имеют в социальных науках широкое толкование. В рамках социального конструкционизма символы представляют «комбинации всех социально объективированных и субъективно реальных значений» (Лукман, Бергер, 1995, с. 157), то есть особые смыслы, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, воспринимая их как часть окружающей его реальности, и позволяющей ему идентифицировать себя в обществе. С позиций социального интеракционизма символы рассматриваются в виде «механизмов, создающих ситуацию или объект» (Мид, 1994, с. 216), то есть становятся «катализаторами» взаимодействия людей и, как следствие, новых ситуаций. Выступая одним из наиболее универсальных, устойчивых атрибутов коммуникационных процессов, социальная символика производится и закрепляется в сознании людей, воздействуя «на интеллект, воображение, эмоции сильнее, чем любое другое средство» (Уайтхед, 1999. с. 47).

Коммуникационные функции организационной символики университета

Символика организации представляет собой систему вещественных атрибутов (логотип, эмблема, девиз и пр.), создание которой имеет целью демонстрацию и трансляцию различных идей, ценностей широкому кругу лиц, а также то, что называют «способностью обеспечивать мотивацию совместных действий» (Степанова, 1998, с. 92). Организационная символика, таким образом, предстает перед нами в качестве особого инструмента влияния, оказывающего воздействие на жизнь общества в целом и отдельных индивидов в частности. Основные ее функции в коммуникационном поле можно условно разделить на внешние и внутренние.

---

* Демин Павел, студент департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, лаборатория «Развитие университетов» (Москва). pdemin.hse@gmail.com.

** Пашков Станислав, студент департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ. photoman30@yandex.ru.

Главное предназначение символики университета — нести во внешний мир сообщение о том, что собой представляет данное образовательное учреждение. В этом смысле создаваемая система символов обычно выступает в качестве принципиального элемента общей модели брендирования вуза. Бренд определяется как узнаваемая и юридически защищенная марка производителя, которая «обладает силой влиять на покупателей» (Капферер, 2007, с. 22). Бренддинг в сфере высшего образования направлен на широкий круг «покупателей» или «потенциальных потребителей», в число которых входят бизнес — как заказчик научных разработок, органы власти, заинтересованные в экспертных оценках, академическое сообщество и пр. Основным субъектом воздействия являются потенциальные студенты и их родители. Активизация усилий в построении университетских брендов в начале 2000-х годов была обусловлена, прежде всего, вступлением вузов в глобальную конкуренцию за абитуриентов (Иванова, Кофанов, Еленев, 2011). Использование символики как инструмента дифференцирующего позиционирования имеет, в основном, характер рекламных посланий, поскольку создает символическую основу формирования имиджа и репутации вуза на рынке образовательных услуг (Маслова, 2011).

Если функции внешней коммуникации заключаются в позиционировании университета на рынке образовательных услуг, то функции внутренней коммуникации заключаются в формировании единого ценностного пространства вуза как организации, объединяющей студентов, преподавателей и других сотрудников. В этом смысле вещественные атрибуты призваны отражать символический уровень организационной культуры, через который осуществляется воздействие на построение идентичности, формирование общих ценностей и моделей поведения членов организации. Логотипы, девизы, символы и пр. представляют в структуре корпоративной культуры университетов один из трех ее основных элементов (или уровней), а именно: способы трансляции и передачи общих ценностей, которые способны «объединить людей в группы, тем самым создавая мощную силу в достижении поставленных целей» (Яблонскене, 2006, с. 9).

Разделение на внешние и внутренние функции носит условно-аналитический характер. Они тесно связаны, отражая взаимовлияние организационной культуры и бренда вуза. К примеру, корпоративная символика, транслирующая наличие сильной организационной культуры, делает организации более успешными в конкурентной борьбе, то есть выступает одновременно и своеобразным маркетинговым инструментом (Грауманн, Певзнер, Ширин, 2009).

В научном и экспертном сообществе университетская символика рассматривается в различных аспектах, но основное внимание уделяется ее роли в построении эффективного брендирования в сфере высшего образования. Среди недавних работ особый интерес представляет масштабное исследование А. и М. Диестерхаузов (Duesterhaus A., Duesterhaus M., 2014). Анализируя данные опроса 200 тыс. студентов, авторы делают вывод о том, что стремление университета демонстрировать через символику свои амбиции и намерения является одним из значимых факторов успешности на рынке образовательных услуг, наряду с такими факторами, как местоположение университета и его фактический возраст. В работе С. Шаплео, посвященной брендам британских университетов, отмечается значение консистентности создаваемых символов, то есть согласованности смыслов, цветового оформления и расположения элементов символики в качестве важного условия удачного брендирования (Chapleo, 2007, с. 5). Опираясь на результаты интервью с руководителями британских университетов, автор показывает, что университетские бренды имеют в большей степени коммерческую коннотацию, но, тем не менее, им присущи ценности качества и уникальности образовательного учреждения.

Рассмотрение университетских символов в аспекте корпоративной культуры можно увидеть в работе В. Тиерни, где на примере FamilyStateCollege демонстрируется

эффективность использования символики для трансляции определенных культурных ценностей в академическое сообщество, а также для формирования корпоративной культуры внутри коллектива учебного заведения. Автор утверждает, что университеты с похожими миссиями и учебными программами могут существовать по-разному из-за принципиальной разницы в том, как они строят свою идентичность, как она соотносится с внешней и внутренней социальной средой, а также тому, как воспринимаются ценности среди «своих» (Tierney W., 1988).

Для нашего исследования принципиальную важность имеет работа Г. Дрори, Г. Делметри и А. Оберга, в которой поднимается проблема адекватности восприятия университетской символики на рынке высшего образования (Drori, Delmetri, Oberg, 2013). Описывая наблюдаемые изменения в эстетике внешних индикаторов вузов, авторы отмечают тенденцию стилистического упрощения и сокращения смыслового содержания. С одной стороны, это свидетельствует о том, что университеты идут «в ногу со временем», используя коммерческие приемы создания оригинальных визуальных знаков, с другой стороны, нелинейность трансляции смыслового содержания может приводить к тому, что используемый знак становится «источником публичного посмешища». В качестве такого неудачного решения при создании логотипа приводится курьезный случай университета Дрейка. В свое время для упрощения логотипа была введена литерация «D+». Согласно замыслу, этот знак призван транслировать идею подготовки отличных специалистов, но его восприятие в контексте высшего образования вызвало противоположные ассоциации, так как оценка D+ в американской классификации расценивается как «очень плохо».

Применение символов и символики имеет позитивные последствия только тогда, когда их смысл адекватно воспринимается адресатом. Наше исследование посвящено подходам к изучению проблемы восприятия смыслов, заложенных в основных атрибутах университетской символики (логотип, эмблема, девиз). Основной исследовательский вопрос звучит примерно следующим образом: каким образом студенты воспринимают утверждаемую через соответствующую символику систему университетских ценностей? Выбор студенчества в качестве эмпирического объекта обусловлен их специфическим положением в структуре современного университета: студенты являются одновременно и «клиентами» — потребителями образовательных услуг, и частью самой организации, ее членами. Таким образом, студенты представляют одну из основных целевых групп, на которую направлено воздействие символики. Исследование заключалось, с одной стороны, в описании основных атрибутов символики университетов, а с другой стороны, в анализе восприятия этой символики студентами.

Методология и эмпирическая база исследования

В исследовании была применена качественная стратегия с сочетанием методов интервью, включенного наблюдения и анализа документов. Поскольку общие задачи всей этой работы были несколько шире, чем результаты, которые представлены в статье, мы обращаемся только к тем конкретным эмпирическим источникам, на которые опирался данный анализ. Прежде всего, это материалы 5-ти полных интервью, проведенных со студентами 1 и 2 курсов тех университетов, где была возможность получения доступа в периоды проведения мероприятия «День открытых дверей». Среди вузов, активно продвигающих свои бренды в академической сфере и на рынке образовательных услуг, были представлены: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (ВШЭ), Московский государственный университет им. Ломоносова (МГУ), Национальный исследовательский ядерный университет (МИФИ), Национальный исследовательский университет Московский энергетический институт (МЭИ), Московский

педагогический государственный университет (МПГУ). Поиск информантов происходил по методу «снежного кома», с соблюдением ограничения по двум критериям: обучение в своих вузах не менее года и отсутствие членства в студенческих организациях управленческого характера (студенческих советах и др.)¹.

Фактическая цель исследования с использованием полужформализованного интервью заключалась в том, чтобы понять: могут ли наблюдаться у опрашиваемых студентов признаки «считывания» тех смыслов, которые закладываются в логотипы и брендовые символы университетов. Для этого был сформирован гайд, который включал вопросы о том, какие элементы корпоративной символики он/она знает, как данная символика используется университетом (функции), оценку смысловой нагрузки (идеи, ценности), которую она несет. Особая роль отводилась блоку вопросов и вариативных тем, посвященных *идентификации информантами смыслов и позиций в логотипах*. Для этого использовался метод свободных ассоциаций, в ходе которого информанты описывали ассоциации, возникающие у них при первом знакомстве с символами и логотипами другого университета. Кроме интервью проводился анализ содержания официальных веб-сайтов университетов, который был направлен на поиск информации об основных идеях и ценностях, транслируемых с помощью корпоративной символики (провозглашаемые ценности, программы развития, миссия, история, описание символики — «брендбук» и пр.).

Восприятие атрибутов корпоративной символики студентами

В каждом из рассматриваемых университетов существуют следующие принципиальные атрибуты корпоративной символики: логотип, символ, а в некоторых случаях — девиз вуза. Основной вопрос, таким образом, заключался в попытке понимания информантами атрибутов корпоративной символики как элементов *бренда университета*. Однако для начала необходимо определить особенности каждого анализируемого атрибута.

Логотип (фирменный товарный знак) — это основной индикатор учебного заведения. В университетах, как правило, он предстает в виде эмблемы, то есть содержит не только оригинальное начертание сокращенного наименования, но и графический знак — условное или символическое изображение какого-либо понятия или идеи. Эти идеи указывают на специфичность университетов как организаций, несущих важные социальные функции, а не просто предлагающих образовательные услуги на рынке (см. рис. 1).

Рис. 1. Примеры логотипов университетов

¹ Предполагалось, что участие в управленческих организациях усиливает процесс интернализации ценностей и может исказить общую картину. В процессе интервьюирования использовался бланк информированного согласия, в котором были четко прописаны основные характеристики проведения интервью: информация об исследовании, указание на конфиденциальность данных и минимизацию возможных рисков для информанта и исследователя.

Общими особенностями логотипов рассматриваемых вузов, которые были выделены информантами, являются их «предельная информативность» и «внешняя привлекательность», что способствует первичному узнаванию и формированию базовых ассоциативных установок в отношении университета. Другим важным выделяемым свойством логотипа было названо условие «баланса простоты и креативности». Под креативностью логотипа понималась способность точно репрезентировать университет через нестандартный набор стиливого оформления, способствующего усилению маркетинговой составляющей и придающего логотипу учебного заведения неповторимый и привлекательный вид, «который невозможно спутать». И наконец, «простота и лаконичность» означает отсутствие перегруженности логотипа текстом и информацией, благодаря чему процесс считывания заложенного в него смысла может проходить достаточно быстро и легко.

Примером легко запоминающегося, узнаваемого и в тоже время самодостаточно образа является логотип МГУ, в основе которого лежит изображение главного здания университета — «самой известной высотки России», с указанием даты основания, в окружении лавровой ветви — символа успеха, обвитой лентой — символом высшего достоинства (см. табл. 1). Этот законченный образ вызывает у всех опрошенных студентов вполне четкие ассоциации с такими ценностями-смыслами, как историчность, фундаментальность, стабильность:

«Это здание знают все. Это один из наиболее разрекламированных вузов в России (и в мире про Россию), где главное здание символизирует советское высшее образование, отличавшееся фундаментальностью и качеством, <...> а лавровый веночек относит нас к первенству в образовании, лидерству в нем. А форма круга — это означает стабильность, долговечность и единство» (студентка ВШЭ, 20 лет, 2 курс);

«У здания большое основание — это стабильность; плотно стоит на земле — «все хорошо», уверенность» (студентка МГПУ, 19 лет, 3 курс).

Аналогичная идея и аналогичный образ, ее отражающий, содержит логотип МПГУ. Для студентов этого вуза смысл изображения является вполне очевидным, как и логика его толкования: *«У нас на логотипе изображено здание нашего главного корпуса. Оно сразу отсылает нас к историчности, традиционности. А там, где традиционность — там стабильность, а где стабильность — там качество, иначе бы вуз просто не продержался бы так долго. Вот такая логика, и я думаю, что большинство вузов пользуется этим» (студентка МПГУ, 19 лет, 3 курс).* Для студентов других вузов заложенный в изображение символический смысл — «стабильность и устойчивость существования» — не всегда опознается. Трудности интерпретации связаны с тем, что изображенное здание не настолько узнаваемо, как силуэт высотки МГУ: *«без приписок и аббревиатуры непонятно, что это за здание» (студентка ВШЭ, 20 лет, 2 курс); «похож на храм» (студентка МГПУ, 19 лет, 3 курс); «практически непонятно» (студентка МИФИ, 20 лет, 3 курс).* Таким образом, аббревиатура МПГУ является единственным элементом логотипа, через который можно ассоциировать его с университетом.

Логотип МИФИ содержит два символических изображения, которые интерпретируются информантами, как правило, по отдельности. Центральное место в логотипе занимает абстрактное изображение («атомный конь»), чей символический смысл отличается сложной идентификацией, о чем будет более подробно сказано ниже. Тем не менее, в основном, студенты без труда интерпретировали этот яркий образ в правильном направлении: *«Конь символизирует ядерную науку, символ контроля безопасности» (студентка МИФИ, 20 лет, 3 курс); «Символ круга, единства <...> Фундаментальная наука <...> Все завязано на физике» (студентка ВШЭ, 20 лет, 2 курс).* Другой значимый символ, используемый в логотипе, — изображение российского флага, — вызывает ожидаемые ассоциации с патриотизмом и связывает ценности вуза с государственными приоритетами, патронатом государства в отношении вуза: *«Российский флаг как принадлежность*

к российскому образованию (студентка МПГУ, 19 лет, 3 курс); «Флаг РФ: университет работает с государством. После выхода ты сможешь работать в госструктурах под знаком «секретно» (студентка ВШЭ, 19 лет, 2 курс); «Российский флаг — чтобы показать иностранным коллегам, с которым сотрудничает вуз, откуда он» (студент МГУ, 20 лет, 3 курс).

Логотип ВШЭ выделяется предельной степенью лаконичности, поэтому студенты ищут смыслы в цветовом решении и визуальном оформлении аббревиатуры: «Вышка — «универ» без истории, а потому помещать туда что-то, связанное с историей, было бы нелепо. Аббревиатура понятная, создает быстрые клише для общения — «ВШЭ», «Вышка»» (студентка ВШЭ, 19 лет, 2 курс); «Синий цвет, потому что означает спокойствие, достаток. Круг — единение, единство, и университет предоставит тебе поддержку» (студентка МЭИ, 20 лет, 3 курс); «Прост, лаконичен, доступная подача информации, нет претензий на вычурность» (студентка МПГУ, 19 лет, 3 курс).

Из всех анализируемых логотипов наиболее сложный для интерпретации оказался логотип МЭИ. Толкование стилизованной буквы «Э» в середине аббревиатуры — только отдельными информантами аббревиатура считывалась как «символизация атома, его структуры», которая отсылает к основной тематике института — физике и энергетике. У большинства информантов интерпретация изображения вызвала затруднения: «Мы вам ничего не скажем, приходите — узнаете. При этом буква «Э» (ущербная) выделена, поскольку это первое, что ты увидишь. Буква «Э» неудобно и неуклюже выглядит. По логотипу сложно идентифицировать вуз» (студентка ВШЭ, 20 лет, 2 курс).

Таким образом, хотя все рассмотренные университеты были хорошо знакомы респондентам, определение их логотипов привело многих в замешательство. Так, в случае с логотипами МПГУ и МЭИ респонденты с трудом могли сопоставить их с конкретными университетами, в то время как логотипы МГУ, МИФИ и ВШЭ вполне однозначно были отнесены к соответствующим организациям.

Помимо такого сложносоставного атрибута, как логотип, важным элементом внешней атрибутики вузов является символ университета. В данном случае понятие «символ» используется в узком смысле — как символический знак, изображение единичного предмета или животного, чей художественный образ в сжатом виде несет в себе значение важной для организации идеи. Наиболее яркими примерами таких университетских символов в нашей выборке являются уже упомянутый «атомный конь» МИФИ и «ученый ворон» ВШЭ. В первом случае символ выступает в качестве формального объединяющего начала для общей системы официальной корпоративной символики (используется в логотипе), а во втором случае является неформальным и относительно самостоятельным ее элементом.

Описание смыслового подтекста и контекста создания данных символов можно найти на сайтах обоих университетов. Символ МИФИ — так называемый «атомный конь» — представляет собой абстрактно-графическое изображение руки, которая удерживает под уздцы атомного коня, что символизирует «покорение человечеством энергии атома» (Кириллов-Угрюмов, 2005). Появление этого символа неразрывно связано с историей вуза, когда успехи советской науки в реализации мирных и военных атомных проектов подняли престиж ученых и инженеров на небывалую высоту. Символ является центральной фигурой рельефных настенных изображений (иератур), созданных в 1963 г. художником-авангардистом Михаилом Шварцманом для размещения в вестибюле главного корпуса и в читальном зале МИФИ. С 2010 г. этот символ, дополненный изображением российского флага, становится логотипом МИФИ.

Метафора власти человека над природой, заложенная в образе обездвиженного коня, «считывается» большинством информантов достаточно легко: «лошадь² как символ

² В геральдике никогда не употребляется слово «лошадь», а только «конь», но студенты этого не знают.

природы, человек сумел укротить природу, укротить природу атома. Если ты будешь учиться в этом университете, ты тоже сумеешь ее контролировать» (студентка МПГУ, 19 лет, 3 курс). Многозначность образа коня вызывала и иные интерпретации, в частности, некоторые информанты связали его с идеей тяжелой работы — необходимостью «пахать» (ассоциация с рабочим конем), «серьезная учеба, серьезный ВУЗ». Толкование символа в отдельных случаях включало и негативные коннотации: «приручили», «ограничение» (конь под уздцы как ассоциация с ограничением в научном развитии), «не внушает доверия». Для студентов этого вуза, включенных в контекст его истории и современной жизни, образ наполнен более конкретными значениями и смыслами, связанными с глобальными катастрофами: «Конь символизирует вот эту всю ядерную науку ... физику в целом. Этот символ — он относится к физикам-ядерщикам, которые эту науку постигают, которые могут ее в дальнейшем контролировать... именно держать под уздцы, потому что, естественно, ядерные технологии — они не безопасны на 100%, и ... они, естественно, должны знать свое дело» (студентка МИФИ, 20 лет, 3 курс). В этом образе они актуализируют и тему национальной безопасности, элитарности, закрытости учебного заведения «как ядерного военного института для подготовки кадров для дальнейшей работы с боеприпасами».

МИФИ — университет с историей, и во многих подразделениях вуза существует собственная символика, которая складывается в своеобразную иерархичную систему, где каждый отдельный символ демонстрирует определенный специфический набор значений и смыслов. Например, для блока непрофильных специальностей, таких как экономика, право, информатика, используется нейтральный символ совы: «символом факультета кибернетики и информационной безопасности является сова, а в общем целом главный символ учебного заведения — «атомный конь»; сова имеет более углубленное значение и характеризует определенный спектр дисциплин; сова для нас — это символ такой ученой птицы» (студентка МИФИ, 20 лет, 3 курс).

Рис. 2. Некоторые символы подразделений МИФИ. Первый — основной символ университета.

«Ученая птица», а конкретнее — «ученая ворона», выступает в качестве неофициального символа ВШЭ. В противовес монументальности идеи власти человека над природой как основы символики МИФИ, выбор легкомысленного изображения «ученой вороны» призван, как следует из соответствующих пояснений, подчеркивать «либеральный дух университета».

Отметим, что образ ворона (вороны) относится к числу самых противоречивых символов, зачастую приобретая и весьма мрачную окраску (Энциклопедия символики и геральдики, с. 15). Но смешные и странные птицы — в очках, магистерских шапочках и лавровых венках, созданные художницей Анной Аренштейн (Как ворона в Вышке гнездо свила, с. 7), вполне ожидаемо несут положительные эмоции и ассоциируются с мудростью, дружелюбием и, в определенных вариантах стилизации — с успехом в бизнесе, карьерным ростом: «Ворона — символ мудрости: предоставит помощь в учебе, даст фундаментальные знания, поможет дальше устроиться на работу, найти свое «оплачиваемое» место в мире» (студентка ВШЭ, 20 лет, 2 курс); «Очки, мантия: ворона ученая, что-то изучает... стилизована под молодого бизнесмена» (студент МГУ, 20 лет, 3 курс);

«Ученая птица... вполне символизирует экономико-правовую сферу» (студентка МИФИ, 20 лет, 3 курс).

Образ «ученой вороны» обыгрывается в рамках самых различных тематических сюжетов, характеризующих разнообразие университетской жизни. Этот яркий, веселый — «мультяшный» образ наиболее близок молодым людям и легко воспринимается всеми информантами:

«Универсальный символ: не четко ориентирован на что-то одно — картинка, близкая народу по духу, ничего замудренного, ничего пафосного, тяжелого. Легко, весело, близко человеку» (студентка МПГУ, 19 лет, 3 курс).

Рис.3. Тематические сюжеты использования символа ВШЭ

Важной особенностью восприятия этого символа, несущего в себе постоянный элемент неформальности, является его идентификация в качестве продукта народного творчества, элементом формируемого естественным образом «культурного достояния». Информанты приписывают инициативу его создания народу, то есть самим студентам:

«Символ невозможно придумать и утвердить сверху вниз, от начальства студентам, поскольку тогда он просто не будет иметь популярность и быстро забудется, и тогда о единстве студентов и преподавателей не будет и речи» (студент МГУ, 20 лет, 3 курс);

«Для символа очень важна история его создания: он происходит из сообщества самих студентов вуза или факультета, которые ассоциируют свои лучшие качества с каким-либо материальным или живым объектом природы (животным, книгой...)» (студентка ВШЭ, 20 лет, 2 курс).

Еще один важный, хотя менее распространенный атрибут символики университета, — его девиз или слоган, — фраза, в которой в сжатом виде выражена ключевая идея организации. Примерами могут служить известный девиз МГУ «Наука есть ясное познание истины, просвещение разума», девиз ВШЭ «Non scholae sed vitae discimus» (Не для школы, а для жизни мы учимся), «Energia omnium fundamentum» (Энергия — основа всего) МЭИ и недавно принятый девиз МПГУ «Учим учиться, учим учить и учимся сами». Ключевая фраза, по единодушному мнению информантов, должна отражать в большей степени академический дух университета, включенность в академическую культуру — именно поэтому он должен быть на латыни. Все указанные девизы в разной форме демонстрируют превозношение знания как фундаментальной основы существования университета и просвещения как его главной социальной функции, то есть девиз, в большей степени, чем другие атрибуты, несет в себе отличительные черты университетов как учреждений высшего образования, выделяющих их среди прочих организаций. В то же время он отражает специализацию и генеральную направленность научных разработок конкретных университетов. Девиз, по мнению информантов, необходим, «...если университет хочет подчеркнуть исключительную важность фундаментальной научной деятельности, которая им проводится, чтобы донести до абитуриентов, студентов и других людей ту мысль, что самое важное для него — наука и образование» (студент МГУ, 20 лет, 3 курс). Наличие девиза является свидетельством академических традиций и глубоких исторических корней (что не совсем верно), но студенты считают, что девиз — это не массовый продукт, его следует заслужить: «если у университета есть девиз, то это означает, что этому университету “- надцать лет”» (студентка МПГУ, 19 лет, 3 курс).

Противоречия в восприятии корпоративной символики — «иллюзия логотипа»

Эта тема не планировалась в исследовании, а возникла в ходе интервью. Она касается того, что некоторые университеты стремятся демонстрировать корпоративные ценности при помощи университетской символики и прочих инструментов, но транслируемые образы скорее создают видимость корпоративной культуры, чем отражают реальность. Подобные действия администрации вузов немецкий исследователь О. Грауманн сравнивает с владельцем конюшни, который, «завивая хвост рабочей лошади, пытается превратить ее в скакуна» (Грауманн, Певзнер, Ширин, 2009, с. 127). Несоответствие декларируемых ценностей реальной ситуации (так, как она видится студентами) может представлять проблему и провоцировать отрицательную реакцию и идентификацию университета как «места несоответствий».

Это выводит нас на противоречие в восприятии корпоративной символики, которое сформулировано одним из наших информантов как «иллюзия логотипа». По сути это сложно-структурированный феномен, отражающий разрыв между декларируемыми в университетской символике ценностями, приоритетами и реальной ситуацией в образовательном процессе. Такая рассогласованность негативно сказывается на процессе трансляции ценностей студентам университета и вызывает деформацию его «светлого образа». К примеру, реакция информантов на принцип «открытость науке», отраженный в уставе МГУ, была неоднозначной. В процессе интерпретации идеи «историчности и стабильности» трансформируются в сознании в «консерватизм» и «косность»: «*мы учимся еще по старым, советским учебникам*»; «*этот вуз не любит инновации, там преподают люди старой закалки*»; «*вуз не успевает за современными технологиями и уходит в консервативность и довление традиций над новшествами*» (студент МГУ, 20 лет, 3 курс).

На поведенческом уровне этот диссонанс выражается в потере интереса к использованию корпоративной символики в повседневной жизни. По свидетельству некоторых информантов, на младших курсах почти все, так или иначе, используют соответствующую одежду и аксессуары для утверждения в новой идентичности — «*так студенты как бы показывают всем, что они учатся именно в этом университете, и это сплачивает их*» (студентка МПГУ, 19 лет, 3 курс). Со временем эффект «иллюзии логотипа» нарастает, и на старших курсах распространенность университетской символики как способа идентификации себя с вузом падает или меняется смысл ее использования: «*это происходит скорее по привычке, нежели для идентификации себя с университетом*» (студентка ВШЭ, 20 лет, 2 курс).

В заключение следует сказать, что мы не преследовали цель репрезентации полученных данных на уровень отдельных университетов, ограничившись выяснением основных смыслов, «считываемых» студентами с логотипов и символов их учебного заведения.

Результаты нашего пилотного исследования в первом приближении показывают многообразие функционального значения символики университета. Создаваемая система внешних атрибутов, прежде всего, играет важную роль в построении эффективного брендинга в сфере высшего образования и привлечении абитуриентов. Логотип вуза является начальным элементом в стратегии поиска информации об университете. Он работает как катализатор, запускающий поиск и первичный активный сбор информации об университете, а также является основным атрибутом символики, по которому создается первое впечатление об университете.

Узнаваемость и считываемость символики вузов зависит от четко сформированной структуры элементов, составляющих изображение. Присутствие специфических

уникальных символов способно вызывать нужные ассоциации, которые закрепляются и формируют первичное представление о вузе.

Более сложным механизмом является трансляция корпоративных ценностей посредством университетской символики. Ее воздействие на построение идентичности, формирование общих ценностей и моделей поведения студентов как членов организации определяется большим количеством различного рода факторов, которые в основном находятся вне сферы создания вузами символических сообщений миру.

Литература

Chapleo C. Barriers to brand building in UK universities. Bournemouth University Research Online. 2007. P. 1–3.

Drori G., Delmetri G., Oberg A. Branding the University: relational strategy of identity construction in a competitive field. Portland: Portland Press Limited, 2013. P. 138–150.

Duesterhaus A., Duesterhaus M. Attributes of successful university brands in the USA // Journal of Brand Strategy. 2014. № 2 (3). P. 169–183.

Tierney W. Organizational Culture in Higher Education: Defining the Essentials // The Journal of Higher Education. 1988. № 1 (59). P. 2–21.

Грауманн О., Певзнер М. Н., Ширин А. Г. Идентичность вуза в условиях интернационализации образования // Высшее образование в России. 2009. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novaya-identichnost-vuza-v-usloviyah-internatsionalizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 06.01.2015).

Иванова З., Кофанов А., Еленев К. Продвижение бренда государственного вуза: от построения модели восприятия бренда до разработки концепта маркетинговых коммуникаций // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2011. № 1 (91). С. 38–49.

Как ворона в Вышке гнездо свила. URL: <http://www.hse.ru/news/life/23738495.html> (дата обращения: 20.03.2015).

Капферер Ж. — Н. Бренд навсегда: создание, развитие, поддержка ценности бренда. М.: Вершина, 2007.

Кириллов-Угрюмов В. Иературы в МИФИ. URL: <http://www.i-f.mephi.ru/Archive/Number 14–16–2005/Article3–1.html> (дата обращения: 19.03.2015).

Лукман Т., Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

Маслова Д. Роль символов в легитимации коммуникаций бизнес сообщества и государственных структур в сфере инноваций: сравнительный анализ РФ и США // Символы в коммуникации. Коллективная монография. Вып. 6. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 76–90.

Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренкова. М.: МГУ, 1994. С. 116–121.

Степанова Л. А. Социальная символика России // Социологические исследования. 1998. № 7. С. 90–100.

Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999.

Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/> (дата обращения: 20.03.2015).

Яблонскене Н. Л. Корпоративная культура современного университета // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 2. С. 7–25.

Публичная социология

Появление новой рубрики в журнале нуждается в определенном представлении и обосновании. Несмотря на укорененность введенного Майклом Буравым концепта¹, понятие публичной социологии не породило новую дисциплину, но дало новый дискурсивный формат для темпераментных и гражданственно позиционированных социологов, которые не только в состоянии провести исследования на острые социальные темы, но и презентовать их как социологическому сообществу, так и вне-социологическим аудиториям.

Нам бы хотелось представить эту рубрику также глазами российского социолога, известного своей публичной позицией и профессиональной биографией в духе драматической социологии — Андрея Алексеева². Рассуждая о содержании этого понятия, он отталкивается от системы понятий, связанных с публичной социологией Буравого, типов знания, — *профессионального, прикладного, публичного и критического*. Алексейев наполняет это понятие дополнительными смыслами:

публичная социология как *общественная*, преследующая цели общества в целом;

публичная социология как *актуальная* социология, реагирующая на острые конфликтные проблемы;

публичная социология как *демократическая* социология, язык которой понятен и адаптирован для не-социологов;

публичная социология как *диалогическая*, рассчитанная на дальнейшее обсуждение с обществом;

публичная социология как *гражданственная* социология, подразумевающая активную жизненную и научную позицию исследователя по отношению гражданскому обществу, защиты прав и т. д.;

наконец, публичная социология как *открытая* социология, не лимитирующая доступ ни к информации, ни к способу ее получения.

Вывод, который делает Алексейев, заключается в том, что публичная открытая социология, которая остается идеальным проектом, может быть результатом усилия самих социологов. То есть, извне на нее социального заказа нет.

---

¹ О публичной социологии см. Burawoy M. For public sociology // American Sociological Review. 2005. № 70. P. 4–28.

² Подробнее об этом см. Алексейев А. Н. Что такое публичная социология? URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/alekseev_public.html (дата обращения: 25.11.2015).

«Управляемый хаос» — от теории к социальной практике российской «глубинки»

Ольга Казьмина*

Автор рассматривает проблему социального хаоса в контексте современных практик генерирования и «сброса» рисков в окружающую природную и социальную среду на примере взаимодействия риск-производителя корпорации УГМК¹ и риск-потребителя — населения-жителей Новохоперского района Воронежской области.

Дается анализ социальных стратегий в достижении целей экономического доминирования и приватизации функций управления территориями, которые ставят перед собой современные хозяйствующие субъекты, а также анализ вероятных социальных последствий реализации этих стратегий. В такой ситуации индивиду и обществу отводится роль не социального субъекта, а объекта, ресурса — такого же, как земля и ее недра, вся окружающая (природная и жилая) среда. Автор выясняет, каким образом эти стратегии ведут к социальной дискретности, деструкции зачатков гражданского общества, порождают социальный хаос, способствуют социальной декапитализации и препятствуют модернизации.

Ключевые слова: управляемый хаос, социальные и экологические риски, доверие, социальные стратегии, социальная дискретность, депривация, демодернизация

В настоящее время весьма часто употребляемым термином политики, пропаганды и в какой-то степени социальной аналитики становится понятие «управляемого хаоса»². Если исключить его оценочно-пропагандистский аспект и ограничиться содержанием, то можно утверждать, что это понятие используется для общей оценки современных способов продвижения различных социальных инноваций, небесспорных по перспективам и последствиям, имеющих целью изменение существенных характеристик той или иной социальной системы, вплоть до ее разрушения и замены некоей новой. В том, что эти

---

* Казьмина Ольга, кандидат философских наук, доцент Воронежского лесотехнического университета. ololka@rambler.ru.

¹ УГМК — Уральская горно-металлургическая компания.

² Особый всплеск практического и научного интереса к проблеме «управляемого хаоса» произошел под влиянием работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 г. (второе, переработанное издание — 1984 г.) и переведенной в России впервые в 1986 г. В 1992 г. Стивен Манн опубликовал в журнале Национального военного колледжа в Вашингтоне работу «Теория хаоса и стратегическая мысль», в которой соединил эту теорию с новыми геополитическими концептами завоевания превосходства. Автор прямо говорит о необходимости «усиления эксплуатации критичности» и «создании хаоса» у противника как инструментах обеспечения национальных интересов США. (цит. по: Сундиев И. Управляемый хаос. URL: <http://svom.info/entry/262-upravlyaemyj-haos/> (дата обращения: 20.11.2015).

способы отличаются от классических социальных технологий, а сама проблема актуальна и, по меньшей мере, неясна, убеждает даже само название. Словосочетание содержит в себе противоречие — то, что управляемо, не может быть хаосом, а наличие хаоса автоматически ставит вопрос о степени управляемости исследуемых систем и процессов. В реальности разрешение, «снятие» противоречия в его толковании заключается в том, что под конспирологическим брендом просматриваются как вполне стандартные, так и в известной степени инновационные практики и технологии достижения частногрупповых целей, сопровождающиеся деструкцией всего того, что мешает выполнению этих целей в настоящем и может помешать в обозримой перспективе. Именно это порождает гибридность, амбивалентность таких социальных стратегий, позволяющих при необходимости в одних случаях генерировать и поддерживать социальный протест, в других же — противодействовать ему, выстраивая их как технологическую цепочку, безотносительно к сущностным, содержательным характеристикам преследуемых целей. Такой подход к проблеме может приблизить нас к пониманию конкретных причин, по которым управляемый хаос, генерируемый определенным актором, весьма часто перерастает планируемые пределы и масштабы и сменяется собственно хаосом — неуправляемым, когда процессы, составляющие его сущность, выходят за рамки запланированного. Возможно, это поможет ответить и на вопрос, почему эта стратегия содержит возможные предпочтения для практически любой силы, способной положить ему предел, безотносительно к тому, приведет ли новый порядок к процветанию или деградации той сферы, в которой он утверждается.

Мы рассмотрим эту проблему на примере отдельного «кейса» — проекта добычи никеля в Новохоперском районе Воронежской области компанией УГМК, проанализировав как позицию жителей в отношении предполагаемой перспективы, так и стратегию УГМК и аффилированных с ним структур и персон, посредством которой обеспечивается продвижение к избранной цели. Исследовательская задача — анализ инновационных социальных стратегий в достижении целей экономического доминирования, которые ставят перед собой современные хозяйствующие субъекты и анализ вероятных социальных последствий воплощения этих стратегий в жизнь. По нашему мнению, здесь следует говорить не о гипотетическом улучшении или ухудшении условий жизни на определенной территории, а именно об их новом качестве — социальном хаосе.

В качестве исходного материала при анализе проблемы выступает исследование, проведенное сотрудниками сектора проблем риска и катастроф ИС РАН (конец 2012 г.) в регионе, точнее, в той его части, где предполагается добыча никеля³. Оно имело своей целью выяснить отношение населения к возможному освоению медно-никелевых месторождений. Подробные итоги исследования содержатся в соответствующей аналитической записке «Среда обитания и качество жизни населения». Мы отметим здесь лишь основные его показатели — своеобразные «реперные» точки отсчета, для оценки проблемы. В том, что влияние предполагаемых разработок на жизнь и здоровье населения окажется негативным, уверены от 95 до 98% населения. Часть опрошенных (от 4 до 33%) указала на возможность и позитивных последствий: развитие промышленности, создание новых рабочих мест, вложения в инфраструктуру и т. п. Одновременно с этим от 92 до 98% опрошенных считали, что разработки значительно ухудшат состояние природной среды и здоровья, а 89% были согласны с тем, что этим разработкам необходимо препятствовать любыми способами.

Начавшиеся геологоразведочные работы и последовавшие за ними события вылились в открытые формы противодействия противников добычи никеля — местных жителей — и сторонников такой добычи в лице персонала горнодобывающей корпорации

³ Более подробную информацию об этом см.: Сайт «Движение в защиту Хопра». URL: <https://savekhopr.ru/> (дата обращения: 20.07.2015).

УГМК. В дополнение в качестве краткой характеристики Новохоперского района отметим, что он расположен в северо-восточной части Воронежской области, ведущей отраслью его экономики является сельское хозяйство, пищевая и перерабатывающая промышленность, 94% всего производства составляет производство пищевых продуктов. Район является одним из наиболее экологически чистых на территории России. Здесь расположена пойма одной из наиболее чистых рек в Европе Хопра и его притоков. В Прихоперье находятся четыре заповедника.

Рассматривая исходную позицию жителей Новохоперского района, позволим в начале предположить по крайней мере две вероятные причины негативного отношения населения к проекту:

1) население Новохоперского района является принципиальным противником технического прогресса во всех его видах и проявлениях;

2) население не видит в предполагаемых инновациях не только прогресса, но и личного смысла и конкретной пользы как для общества, так для того места, в котором оно проживает.

Отметим, что предположение о том, что жители района являются антипрогрессистами и антипромышленниками луддитского толка, вряд ли выдерживает проверку даже простым здравым смыслом — Россия, хоть и с издержками, все же является индустриальной страной, а Воронежская область и ее районы являются частью центрального сельскохозяйственного и промышленного региона. Уровень образования, квалификации населения вполне соответствуют этому статусу.

Второе же предположение представляется более верным. Мнения граждан, высказываемые устно и письменно, вполне вписываются в официально признаваемую «картину мира», общую для большинства населяющих Россию — от рядового обывателя до премьер-министра. Основные ее черты таковы: современная экономика России — это экономика «трубы» и ресурсного проклятия. В таких условиях проект добычи никеля оценивается не как позитивная экономическая инновация, а как угроза того, что к нефтяной и газовой игле в чьих-то абсолютно неместных и даже не российских интересах может добавиться никелевая. Жители региона не верят, что добыча сырья в тех местах, где этого не делалось и где базой экономики является совершенно другое производство, принесет пользу кому-либо кроме узкой группы выгодоприобретателей — УГМК и швейцарской компании Glencor Internation AG. Мы видим, что общественное мнение находится вполне «в тренде» соответствующей проблематики, что находит свое подтверждение в уже упоминавшихся фактах открытого противостояния местного населения и работников УГМК, а также в оценках, которые население района и области дает, периодически собирая митинги протеста, против добычи никеля, привлекая внимание общественности и адресуясь к тем, кто может помочь предотвратить осуществление этого проекта. Негативная оценка экологических рисков, связанных с предполагаемой инновацией, и недоверие к ее инициаторам определили негативное отношение населения к проекту.

В марте 2014 г. новостной портал 36on.ru⁴ публикует данные нового социологического исследования ИС РАН по оценке показателей качества жизни и предпочтений в сфере социально-экономического развития жителей Новохоперского района (Мозговая, Шлыкова, 2014). Оно показывает, что мнение населения о добыче никеля кардинально поменялось — 40% населения заявили, что разработка никеля качество жизни улучшит существенно, 39% — отчасти. Примечательно, что оценка этой перспективы дополняется данными о том, что 55% респондентов оценивают экологически безопасные способы добычи никеля как теоретически возможные, но в современной России практически невыполнимые, 15% утверждают, что экологически безопасных способов такой

⁴ Портал 36on.ru. URL: <http://36on.ru/news> (дата обращения: 20.11.2015).

добычи не существует. При этом 49% опрошенных думают, что добыча никеля ничего не изменит в жизни конкретного человека, 21% — ухудшит ее, 30% — положительно скажется на его жизни.

Во втором варианте опроса сторонники проекта выглядят людьми более конкретными предпочтений. Но и упомянутая ранее «прямая пропаганда» не смогла поколебать 55% недоверия к возможностям экологически безопасной добычи никеля. Реальное выражение такого недоверия соседствует в общественном мнении с представлением о гипотетической, но абсолютно нереальной в местных условиях возможности эксплуатации месторождений в условиях строгих экологических ограничений. При этом 64% опрашиваемых отмечают, что слабо информированы о состоянии окружающей среды, 17% — совсем не информированы, 58% опрашиваемых отмечают, что деградация окружающей природной среды угрожает их жизни и 91% считает, что в этой ситуации от них ничего не зависит.

В целом ситуация свидетельствует о том, что общественное мнение еще не выработало окончательной ее оценки. И все же своеобразная окончательная оценка содержится в таких цифрах: 70% опрашиваемых считают, что решение о добыче никеля уже приняты, протесты ничего не смогут изменить, 12% не согласны с этим, 18% колеблются.

Таким образом, мы можем убедиться, что оценка состояния окружающей среды остается весьма негативной, степень предполагаемого экологического риска оценивается как высокая, перспектива ухудшения экологической обстановки в регионе представляется неизбежной и реальной.

Можно ли назвать экономически и, главное, социально перспективным проект, 70% предполагаемых участников которого считают, что он не внесет никаких изменений в жизнь отдельного человека или ухудшит их? К каким последствиям для региона приведет развитие производства, на котором хотели бы работать 2% местных жителей, не отказались бы — 19%, но совершенно не хотели бы — 47%?

Очевидно, рассматриваемая нами проблема многоаспектна, она имеет экономическую, политическую, экологическую, социальную составляющие. Мы ни в коей мере не будем касаться соображений *pro et contra* экономической выгоды и промышленных возможностей добычи. Более пристального внимания заслуживает экологическая сторона проблемы — отношение общества к изменению среды его обитания. Общим местом в обосновании важности экологической проблематики в любых научных исследованиях является признаваемая всеми необходимость экологического императива и коэволюции в отношениях общества и природы, сохранения существующих экосистем. Поскольку в современном мире не существует реального разделения среды на природную, технологическую и социальную, наиболее теоретически и методологически продуктивным представляется социологический анализ экологических проблем в рамках так называемой экологической социологии, или социологии общества риска (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман и разрабатывающий соответствующую проблематику в отечественной социологии О. Н. Яницкий).

Экологическая социология, как риск-рефлексия, настаивает на том, что наука должна прогнозировать социальные последствия изменений в системе человек — среда обитания до того, как они станут необратимыми. «Пора каждое экономически значимое решение переводить на язык его социальной и экологической цены. Если законодатели и чиновники этого не делают, то это должны делать мы» (Яницкий, 2009, с. 6).

Тем не менее в настоящее время проблема сознательно ограничивается ее экономическим содержанием, все же прочие стороны ее выводятся из круга широкого публичного обсуждения, опросов, общественных слушаний — т. е., всего того, что позволило бы объективно оценить хотя бы простое численное соотношение сторонников и противников добычи никеля, не только в масштабах Новохоперского района, но

и области в целом, детально проанализировав их позиции. Комментаторы отмечают, что жители Воронежа и области являются большими противниками добычи никеля, чем сами новохоперцы. Обеспокоенную общественность региона должен был успокоить факт появления «Общественного совета по контролю за комплексным освоением никелевых месторождений Воронежской области». Интересно, однако, что, несмотря на утверждения о том, что вопрос об освоении месторождения будет решаться лишь при согласии жителей региона, само название совета утверждает такое освоение в качестве неизбежной перспективы, не требующей чье-либо одобрения. На сайте этого совета периодически появляются ответы на частные вопросы противников добычи никеля, данные о технико-технологических аспектах проблемы, экспертизых. И все же, если взглянуть жителей района на проблему может быть выяснен хотя бы по результатам двух исследований, то действия УГМК описывают лишь планы по развитию производства, позиционируя их как безусловное благо для региона, его жителей, экономики и даже окружающей среды. Декларация о намерениях, равно как небольшие финансовые затраты, конечно, могут стать неплохой частью явной пиар-кампании «за», однако все это не обеспечивает еще одной явно преследуемой УГМК цели — полного контроля над ситуацией и победы над теми, кто «против».

Мы полагаем, что для этого используются иные, не столь явные, теневые средства и возможности. Их специфический характер, разумеется, не может облегчить задачу анализа проблемы, однако не исключает его возможностей при использовании определенной методологии. В нашем случае роль такой методологии может выполнить дискурс-анализ, понимаемый в широком смысле как исследование производства социальной реальности в конкретных коммуникационных практиках — практиках взаимодействия двух противоборствующих векторов — УГМК и швейцарской компании Glencor Internation AG и поддерживающих их структур и персон, с одной стороны, и населения Новохоперского района и области — с другой.

Стратегия дискурс-анализа

Стратегия дискурс-анализа выбрана потому, что она «позволяет концептуализировать социально-значимые и социально-деструктивные техники производства смыслов, реализуемые различными социальными группами путем формирования дискурсов» (Виноградова, 2015, с. 47). Являясь «фактом и конструктом социальной реальности» (Кожмякин, 2006, с. 27), дискурс-анализ позволяет оценить содержательные аспекты и цели этих практик и выявить механизмы установления власти над тем или иным социальным пространством, начиная от простых — классических манипулятивных (Т. ван Дейк) — и кончая сложными сценариями, предусматривающими корректировку имеющихся ситуаций в нужном направлении, создание определенных версий происходящего в окружающем мире. Он позволит нам выяснить, каким образом осуществляется практический процесс разделения на риск-производителей и риск-потребителей, какие конкретные технологии и стратегии разрабатываются и применяются для успешного принуждения общества к легитимации рисков, игре по правилам риск-производителей, и к каким итогам это может привести.

Наше внимание привлекла также и работа Дж. Скотта, получившая в отечественном переводе примечательное заглавие «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшений условий человеческой жизни» (Скотт, 2005). Анализируя источники неудач всеобъемлющих проектов реформирования и модернизации, эта работа исследует не только их идеологию, но и технологию.

Приведенные нами результаты обоих социологических опросов весьма показательны — совпадают в одном — в вопросе о доверии к тем, кто предполагает осуществлять

проект, — 65% жителей района оценивают заинтересованность владельцев крупных российских предприятий в охране окружающей среды как низкую, а свою незащищенность от отравления вредными веществами, сбрасываемыми в окружающую среду, — как чрезвычайно высокую (91%). В целом общественные настроения по поводу экологических проблем проекта можно охарактеризовать как пессимистически-недоверчивые.

Доверие является основой социального капитала. Следовательно, отсутствие доверия граждан России к современным социальным и экономическим институтам может формировать лишь закрытый социальный капитал, ограниченный сферами непосредственного взаимного общения — семьей, соседством, немногочисленным дружеским кругом, что резко ограничивает возможные перспективы развития общества.

Достаточно спорная во многих отношениях работа С. Грина, примечательно озглавленная «Природа неподвижности российского общества», отмечает в качестве его отличительной черты практически полное отсутствие социальных институтов, которые позволяют гражданам обеспечивать и прогнозировать социальное взаимодействие — инклюзивных социальных институтов. «В деинституционализированной среде очень высоко ценится определенность, и баланс между определенностью и неопределенностью становится важнейшей ценностью. Тому, кто в силу своего статуса или положения может генерировать неопределенность, управлять ею, это обеспечивает огромную власть... В результате катастрофически снижается желание рисковать, поскольку... любые перемены таят в себе угрозу разрушения достигнутого» (Грин, 2011, с. 8). Определенность — т. е. фактическая неизменность — это заменитель социального капитала в тех случаях, когда ресурсы его исчезающе малы, а процессы накопления затруднены.

Очевидно, однако, что как бы ни был ограничен ресурс доверия, эти проблемы никогда не решаются по принципу «все или ничего». Доверие может уменьшаться и возрастать, его можно заслуживать и терять, но оно не может пребывать неизменным в меняющемся обществе. Можно предположить, что рациональный подход к проблеме любых предполагаемых инноваций мог бы состоять в нашем случае не в том, чтобы добиться от населения абсолютной поддержки или отрицания всех планов и проектов изменения экономики региона (в том числе и связанных с добычей ископаемых), но в попытках сформировать предпосылки развития, учитывающего цели всех его участников. Этот процесс, предположительно, должен включать в себя формирование и обсуждение не одной, но нескольких моделей развития региона, их обоснование, сравнение, конкуренцию, т. е. формирование рациональной — экономически, социально, экологически взвешенной их оценки, призванной минимизировать риски для жителей региона. Этот путь многовариантен, не свободен от издержек, но все же способен создать предпосылки консенсуса, в основе которого лежит необходимость учета интересов всех заинтересованных сторон. Он предусматривает процесс постепенного вовлечения этих заинтересованных сторон — населения, местных властей, бизнеса в диалог, за которым следуют конкретные меры по достижению баланса интересов всех участников процесса. Он не может исключать и возможности отказа от явно неприемлемых для участников этого процесса вариантов. Вопрос о доверии выступает здесь как предпосылка и необходимое условие для нововведений, касающихся жизни всех людей, проживающих на территории предполагаемых инноваций. Конкретные механизмы, способы и средства формирования такого «доверия на местах» — отдельная проблема. Контур ее очерчиваются в современных социоэкологических и других работах (Мордасова, 2010; Яницкий, 2015).

В нашем случае мы имеем дело с выбором принципиально другого пути, других средств и стратегий, направленных на достижение цели, желательной для УГМК и во многом неприемлемой для жителей региона. Рассмотрим их подробнее, не забывая о том, что в практике социального действия цель и средства всегда сосуществуют в отношениях взаимозависимости. Проанализировав средства, мы получим реальное, а не

декларативное представление не только о цели одной из сторон взаимодействия, но сможем доказать, почему эта цель неизбежно приводит общество к специфическому результату — упоминавшемуся нами состоянию управляемого хаоса.

Стратегия социальной дискретности

Итак, первая и главная из осуществляемых стратегий — *стратегия социальной дискретности, дробления общества и лишения субъектности*. В ней постулируется отсутствие у людей ценностей и интересов, определяемых местом их жительства. Для этого люди, в отношении которых данная стратегия используется, рассматриваются как члены любой другой группы влияния — диаспоры, мафии или даже конкурирующей компании, но не как жители этого места. Главная задача этой стратегии — доказать, что у людей просто не может быть собственных интересов, продиктованных именно общей для них «местной» сущностью. Всех и каждого из несогласных следует рассматривать вне места их жительства — это предоставляет широкие возможности во взаимодействии с властями и населением атрибутировать различные группы и отдельных протестующих сколь угодно негативно разнообразно — как невежественных, недобросовестно конкурентных, подкупленных, ретроградных, незнакомых со спецификой проблемы в полном объеме, — короче, как всех тех, интересы которых продиктованы абсолютно любыми статусными и групповыми характеристиками, но только не принадлежностью к устойчивой территориальной общности определенного места и времени. Депривационная стратегия позволяет наполнить традиционный принцип «разделяй и властвуй» новым содержанием. Традиционное, постоянное и систематическое властвование над неким социальным пространством не свободно от контроля и предполагает известную меру ответственности — нечто вроде социального аналога локус-контроля. Современной же модификацией этого принципа является дробление общества на предельно мелкие и разнообразные фрагменты, а затем создание видимости диалога и взаимодействия, якобы с целью учета всех без исключения (а не только местных) общих интересов. Это и есть генерирование хаоса — воздействие на общественное мнение с целью доведения общества до такого состояния, когда искомой становится любая внятная упорядоченность во взглядах на проблему, от кого бы она не исходила. В результате общество соглашается с девизом — «лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Меры по осуществлению социальной дискретности являются базовым, необходимым условием для осуществления всех прочих стратегий и, прежде всего, следующей, второй — по порядку перечисления, но не по степени важности.

Стратегия «элиминация доверия»

Вторую стратегию можно условно назвать «*элиминация доверия*». Мы уже останавливались на том, что именно недостаток взаимного доверия, наряду с девальвацией общих моральных ценностей, имеет пагубные последствия практически для всех сфер общественной жизни, лишая общество так называемого социального капитала. Новизна стратегии, в данном случае, заключается не в том, чтобы использовать этот ограниченный ресурс доверия путем утверждения доверия к себе и недоверия к оппонентам. Новая технология понимает очевидную невыполнимость этих задач. Именно поэтому предпринимается попытка «изъятия» доверия как социального и этического конструкта из всех отношений по поводу проблемы. Подчеркивается, что и противники, и сторонники добычи никеля имеют свои интересы, что, разумеется, верно, но сутью протеста провозглашается не защита и даже не попытка обоснования этих интересов (пусть даже ограниченных или ложно понимаемых), а то, что противная сторона просто не располагает

достаточными денежными средствами или прочими средствами давления. Утверждается, что, если бы они у нее были, она бы не преминула ими воспользоваться. Примечательно, что эта стратегия — единственная, которая используется обеими сторонами конфликта. В ней стороны уравниваются в правах на доверие — точнее, на его отсутствие. Закономерным следствием здесь также являются рассуждения о купленности, ангажированности, всяческого рода несамостоятельности оппонентов, — и не столь важно, какая из сторон быстрее объявит противоположную агентом чуждого влияния отечественной или мировой олигархии, мировой закулисы, объяснит ее действия происками тайных и явных конкурентов и т. п. Стратегия подразумевает, что в ситуации всеобщей беспринципности успешнее выживет тот, кто располагает большими организационными и материальными ресурсами для максимального освоения разнообразных методов участия в процессе борьбы. А они различны: тут и видимость дискуссий и обсуждений под лозунгом «сам такой», расширение *know how* конкретных практик подкупа и шантажа — пояснений, что противная сторона не просто куплена конкурентами, но просто все куплены всеми, кто может предложить что-либо. Далее следует список купленных и набор средств платежа — деньги, слава, популярность, политические дивиденды, итоги будущих и прошлых выборов. Эта стратегия основана на компрометации базовых ценностей и призвана исключить самую возможность наличия идеальных мотивов и гражданских оснований в деятельности оппонентов, заменяя их инструментальными целями.

Стратегия «безопасность вместо необходимости»

Третья стратегия логически дополняет предыдущие и может быть названа «*безопасность вместо необходимости*». В условиях, когда людям навязывается крайне непопулярная для большинства перспектива (в данном случае добыча никеля), попытка выяснить, кому же конкретно она реально необходима и выгодна, блокируется утверждениями и рассуждениями о ее безопасности для всех. Они должны создать иллюзию столь же всеобщей необходимости, хотя в реальности безопасность, удобство, функциональность вовсе не тождественны необходимости. В нашем же случае логику «добыча никеля может быть безопасна, поэтому его необходимо добывать в любом месте, где его можно найти» призваны подтвердить многочисленные экспертизы и демонстрации сложных технических систем, гипотетически могущих быть использованными для обеспечения безопасности, ставшей синонимом необходимости. Это позволяет игнорировать все предлагаемые помимо добычи никеля альтернативы развития региона.

Не призывая к отмене экспертных оценок и экспертиз, отметим, что эта стратегия использует в своих целях особенности существующего сциентистского подхода к экопроблемам. С его помощью всевозможные экспертные оценки ситуации (как и экспертные сообщества) становятся институтами, легитимизирующими технологические и социальные риски, а сам институт экспертизы, делящий общество на экспертов и всех остальных, не вызывает у населения ничего, кроме стойкой реакции недоверия к науке и технической сфере (Яницкий, 2003, с. 18). Эта стратегия дает возможность сослаться на техническую, технологическую, геологическую — любую другую — некомпетентность всех тех, кто не является сторонником добычи никеля.

Стратегия «презумпции ретроградности»

Так на свет появляется четвертая стратегия. Она может быть названа «*презумпцией ретроградности*». Признаком ретроградности наделяется все существующее (район и его жители до добычи никеля) в противовес всему будущему, еще не существующему, перспективному (освоение никелевых месторождений и начало этой добычи). Именно

это отличие должно автоматически представить проблему как борьбу сил прогресса с силами реакции — технической (и социальной) отсталости и общей ретроградности вне какого-либо реально содержательного контекста. Именно эта стратегия помогает, по выражению Дж. Скотта, проложить «узаконенный путь преуспевания» структурам, берущим ее на вооружение.

Стратегия эксплуатации атемпоральности российского общественного сознания

Пятую стратегию можно условно охарактеризовать как *современную* (в противоположность традиционной) *эксплуатацию атемпоральности российского общественно-го сознания* — генерирование своего рода атемпоральности наоборот. В противовес устойчивой в прошлом идеологии грядущих великих свершений и светлых целей, для которых надо жертвовать настоящим, насаждается убеждение в ценности сегодняшнего дня. В нем возможно разрешение насущных проблем путем создания рабочих мест, реализации инфраструктурных проектов и общий рост экономики. Все это станет возможным, только если здесь сейчас и немедленно приступить к осуществлению добычи никеля. Риск-производители всегда «склонны рассматривать конкретные регионы, территории и населяющие их общности как ресурсные ареалы, тогда как риск-потребители видят в своих городах и поселках прежде всего пространства, необходимые для жизни» (Яницкий, 2003, с. 33–34). Чтобы это противоречие не обнаруживалось слишком явно, используется традиционная российская логика атемпоральности: первый (предшествующий) ее вариант утверждал: сейчас плохо, но возможно потом будет хорошо. Второй (современный) — сейчас мы должны жить хорошо, и неважно, что будет потом. Никто не даст рациональных объяснений, почему люди должны не только воспринимать подобную логику, но и полагать ее в основу своей жизни и личных перспектив.

Стратегия «призрак майдана»

Шестую (и самую новейшую) стратегию можно условно обозначить как «*призрак майдана*». К ней относятся попытки рассмотреть любые виды и формы социального протеста в качестве угрозы власти, политической стабильности, обвинив всех несогласных в том, что они «рвутся к власти» или «раскачивают лодку». Издержки этой стратегии состоят не просто в том, что неполитическим сферам и формам протеста приписывается несвойственное им политическое содержание в целях эксплуатации врожденной подозрительности отечественных властных структур и персон. В такой ситуации любая организованная структура, располагающая материальными ресурсами, получает возможность провозгласить себя оплотом и защитой стабильности, отождествляя себя с властью. Именно таким образом происходит аномальная политизация многих российских отношений и противоречий — от проблем ЖКХ до проблем окружающей среды и экономики региона.

Заключение

В целом все описанные нами стратегии имеют общую черту, своеобразный родовой признак — они проникнуты стремлением предельно сузить «коридор» возможности влияния человека на непосредственные условия его жизни. В них индивиду отводится роль не социального субъекта, но объекта, ресурса, пассивного потребителя, ограниченного в понимании своих нужд и возможностей. В результате их применения общество лишается той сложности, которая является залогом стабильности и способности

к самоорганизации и развитию. Эти стратегии социальной дискретности одновременно являются и стратегиями фактической демодернизации. Они формируют специфическое общество и соответствующие процессы в нем. Рассмотренные нами стратегии социального манипулирования одновременно являются и стратегиями деструкции зачатков гражданского общества, выращивания того, что в психологии называется «выученной беспомощностью», а в управлении — социальной безответственностью.

В результате на место практики социального взаимодействия приходит социальная «мерзость запустения» — тот самый хаос и разруха, которые воцаряются не только в головах и местах общего пользования, но в обществе в целом. Они порождаются, прежде всего, отсутствием чувства ответственности, включенности в социальные процессы.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что планируемое УГМК освоение никелевых месторождений, даже если оно будет осуществлено, не будет иметь позитивных последствий для региона, экономики и общества в целом, поскольку практикуемые добывающей компанией (а частью и всеми сторонами конфликта) социальные стратегии не только не формируют социальных условий для развития региона, но практически исключают саму возможность такого развития.

Литература

Виноградова Е. Ю. Познавательные возможности дискурс-анализа в социальном исследовании. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vinogradova_pozn.pdf (дата обращения: 20.11.2015).

Грин С. Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. 2011. Январь — апрель. С. 6–19.

Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Общество. Управление. 2006. № 3. С. 25–39.

Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Оценка социологических показателей качества жизни и предпочтений в сфере социально-экономического развития жителей Новохоперского района Воронежской области. Аналитическая записка. М.: 2014. URL: <http://za-hoper.ru/Docs/otchet%20voronezh%202014%20final.pdf> (дата обращения: 20.11.2015).

Мордасова Т. А. Факторы развития общественного участия в современной российской публичной политике // Власть. 2010. № 1. С. 30–33.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

Халий И. А. Общество и природа-эволюция новейших теоретических концептов // История и современность. 2011. № 2 (14). С. 138–149.

Яницкий О. Н. Кризис и социология // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 3–13.

Яницкий О. Н. Об эволюции международных сравнительных экосоциологических исследований // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 98–106.

Яницкий О. Н. Социология риска. М.: LVS, 2003.

Обзоры конференций

Перспективы исследований социальной мобильности. Международный конгресс Европейской социологической ассоциации. Прага, 25–28 августа 2015 г.¹

Надежда Васильева*

25–28 августа 2015 г. в Праге состоялась 12-я конференция Европейской социологической ассоциации. Несмотря на название, конференция объединила социологов со всего света, не только Европы, но и Азии, Америки, Австралии, Новой Зеландии, при этом как профессионалов и всемирно известных и уважаемых ученых, так и только начинающих, студентов социологических или околосоциологических специальностей, для которых участие в подобном мероприятии стало бесценным опытом. В этом году конференция проходила под девизом «Differences, Inequalities and Sociological imagination» — «Различия, неравенство и социологическое воображение». И этот девиз как нельзя лучше отражал суть и атмосферу события. Представленные огромное разнообразие и различие в тематиках, интересах, подходах, странах и статусах участников, однако, отнюдь не препятствовали, а даже способствовали интеграции социологического сообщества, в данном случае — преодолению существующего неравенства, чему и способствовал, в том числе, особый образ мысли социолога — названный Чарльзом Райтом Миллсом социологическим воображением. Благодаря подобным организующим принципам происходит активное взаимодействие в широком масштабе и на самых разных уровнях, появляется возможность контакта и обмена опытом, расширения области действия, прогресса и продвижения. Таким образом, подобная площадка оказывается прекрасной иллюстрацией возможностей социальной мобильности, причем как для акторов, осуществляющих эту мобильность, так и для исследователей, ее изучающих.

Для меня лично это был первый опыт участия в международном конгрессе, оставивший очень яркие впечатления. Мне кажется, студентов стоит чаще привлекать к участию в подобных мероприятиях, поскольку они дают совершенно невероятный по силе мотивации и вдохновения импульс и понимание того, как устроен научный мир. Учащимся (хотя и не только им) хорошо знаком момент потерянности и сомнений, когда не очень понимаешь, каким образом и куда можно двигаться дальше, какой может быть результат. Подобные конференции дают возможность прикоснуться к науке непосредственно и увидеть различные перспективы. Подобный опыт не получишь в стенах даже самого лучшего учебного заведения, когда ты не просто знакомишься с самыми новыми и актуальными исследованиями, но и имеешь возможность задать вопросы исследователям, обменяться опытом с коллегами из других стран, быть не просто пассивным наблюдателем, но участником. К тому же, в силу масштабности мероприятия и огромного

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории». Грант РНФ 14–28–00217.

* Васильева Надежда, магистрант социологического факультета ГАУГН. dafna-hope@mail.ru.

количества секций на конгрессе, были представлены самые разные темы, и любой мог найти интересный именно ему блок, а также открыть для себя много нового. Пребывание на подобном событии меняет представление о мире науки и собственном месте в нем, с него возвращаешься полным сил и новых идей. Оно как будто устанавливает высокую планку, к которой хочется стремиться.

Возвращаясь к трем ключевым понятиям пражской конференции, в своей речи на церемонии открытия конференции президент Европейской социологической ассоциации Кармен Лекарди обратила внимание на то, что на сегодняшний день перед Европой остро стоит множество различных проблем, связанных с неразрешенными вопросами экономической и политической интеграции. В условиях растущей бедности, усиливающегося экономического и символического неравенства социологическое воображение оказывается важным и эффективным инструментом, способствующим разрешению этих вопросов. Он способен, в том числе, мотивировать научное сообщество включиться в актуальные общественные процессы. В данной ситуации необходимо появление новых образцов совместного сосуществования людей, новых возможностей для космополитической интеграции, новых форм ответственности и солидарности, и именно в этом может помочь социология. По словам Кармен Лекарди, социология должна способствовать, образно выражаясь, строительству данных мостов и активно препятствовать возведению новых внутриевропейских стен.

Почетным гостем церемонии был профессор Зигмунт Бауман, выступивший с лекцией «Вразнос и вне всякого контроля, или недавняя история современного неравенства» (*Out of control and Running wild or recent history of modern inequality*). Он также отметил прогрессирующий характер проблем внутри Европы и, в частности, вышедшее из-под всякого контроля неравенство в распределении благ, которое стало перманентной характеристикой современного общества. По его мнению, главным, необычайно мощным стратифицирующим фактором в нашем обществе на данный момент является «противостояние между мобильностью и неподвижностью» (*the opposition between mobility and fixity*). В гораздо более выгодной позиции находится тот, кто может беспрепятственно передвигаться, причем подвижность в физическом пространстве неразрывно связана с подвижностью в пространстве социально-символическом.

В данном контексте особенно важным представляется изучение социальной мобильности, которой на конференции было посвящено несколько секций, позволивших рассмотреть данный феномен под разными углами и предоставивших материал для дальнейшего методического размышления.

В рамках секции «Социальный класс, мобильность и стратификация» была подробно рассмотрена образовательная мобильность во взаимосвязи с другими факторами. Sreekala Edannur и Afsal Pk из Pondicherry University в Индии представили исследование межпоколенной мобильности среди мусульманского сообщества в Керале, Индия, с учетом различий в типе образования — религиозного или светского, а также гендера, и рассмотрели неравенство в доступе к образованию и позициям на рынке труда, исходя из этих факторов. Доклад Anthony E. Nealy из Университета Штата Северная Джорджия, США, был посвящен пересмотру подходов к выбору образовательных учреждений средним классом, сложившихся в американской литературе, с точки зрения концепции образовательного рынка Стивена Болла. Теория Болла может служить альтернативой теории рационального выбора, которая является гораздо более распространенной, однако, как показывают эмпирические исследования, не способна в достаточной степени объяснить процесс и критерии выбора учебного заведения и поведение всех акторов этого процесса. Katalin Bander из Университета Корвина в Будапеште в своем исследовании изучила влияние различных факторов на неравный доступ к обучению за рубежом и международную студенческую мобильность учащихся из Венгрии. Claudia Traini из Бамбергского

университета в Германии сфокусировалась на том, каким именно образом и до какой степени система образования как посредник вносит свой вклад в стратификационную систему общества и соотносится с рынком труда, а также каким образом образование влияет на гражданскую и политическую вовлеченность молодых людей.

На очень интересной секции под названием «Время мобильных методов» (The Time of Mobile Methods) в трех связанных между собой докладах были представлены возможности качественной методологии и инновационных методик в изучении социальной мобильности, вызвавшие оживленное обсуждение. Камилла Льюис из университета Манчестера, Великобритания, в своем докладе подняла вопрос о необходимости и ограничениях новых мобильных методов, позволяющих в непосредственной динамике отследить более мелкие, локальные изменения на протяжении повседневной жизни человека, по сравнению с интервью и фокус-группами, которые считаются чересчур статичными и фиксированными. Она предлагает обратить большее внимание на возможности качественных лонгитюдных панельных исследований в изучении мобильности. Эту мысль продолжила Нив Мур из Университета Эдинбурга в докладе под названием «Время травмы» (The Time of Trauma), в котором рассматривались травматические нарративы тяжело больных людей, возникающие при описании повседневного передвижения и жизни в качестве точек отсчета во времени и пространстве. Исследование Энди Майлса из Университета Манчестера фокусировалось на концепте биографий мобильности, которые получаются путем сочетания нарративных интервью и различных проективных и интерпретативных методик, рисунков и диаграмм, а также — жизненных траекторий.

На одной из секций из раздела «Статус социологии сегодня» Люсинда Платт из Лондонской Школы Экономики и Политических Наук прочла лекцию под названием «Что может социологический анализ социальной мобильности привнести в дебаты об иммиграции? Примеры и рефлексия» (What Can the Sociological Analysis of Social Mobility Bring to the Immigration Debate? Examples and Reflections). В своем масштабном исследовании она рассмотрела примеры этнического, гендерного и поколенческого неравенства внутри групп мигрантов и представила теоретическую рамку для анализа иммиграции/этничности и социальной мобильности, которая включает в себя фактор образования. Особый акцент был сделан на межпоколенную мобильность — позиции мигрантов первого поколения и их детей.

Остро стоящая тема миграции и межнациональной политики еще раз была подчеркнута и на заключительном пленарном заседании. Миграция — один из примеров социальной мобильности, и, как становится очевидно при ближайшем рассмотрении, различные типы и виды мобильности неразрывно связаны между собой, а также практически со всем предметным полем социологии. Стратегии же и методики исследования мобильности, как и сам феномен, не являются статичными, а постоянно дополняются и развиваются, открывая все новые грани рассмотрения и понимания. Учитывая эту многогранность и внутреннее соединение, можно сделать вывод, что изучение социальной мобильности требует комплексного подхода, учитывающего влияние различных факторов как на макро-, так и на микроуровне, и их взаимосвязь, для чего необходимо сочетание методов количественного и качественного исследования.

Авторы номера

- Мария Балакирева** магистрант Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, участница научно-учебной группы «Стратегии смешивания методов в социальных исследованиях» НИУ ВШЭ. Научные интересы: городские исследования, методология социологических исследований, мобильные методы.
- Надежда Васильева** магистрант социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: квир-исследования, гендерная социология, социология общественных движений, социальная мобильность.
- Константин Глазков** бакалавр социологии НИУ ВШЭ, магистр Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология города, пространственно-сетевые сообщества, методология и методы социологических исследований.
- Александра Горяйнова** магистрант факультета социальных наук НИУ ВШЭ, участница научно-учебной группы «Стратегии смешивания методов в социальных исследованиях» НИУ ВШЭ. Научные интересы: методология и методы социологического исследования, социальная мобильность, социальная инклюзия, социология инвалидности.
- Павел Демин** студент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, сотрудник лаборатории «Развитие университетов» при Институте образования НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология науки и научного знания, социология образования, социология организаций, качественные и количественные методы в социологии.
- Ольга Казьмина** кандидат философских наук, доцент Воронежского лесотехнического университета. Научные интересы: социальная философия, проблемы социальной структуры, социальные аспекты инноваций.
- Кшиштоф Косела** декан факультета философии и социологии Варшавского университета. Научные интересы: национальная идентичность, сравнительные межнациональные исследования.
- Наталья Кремнева** кандидат социологических наук, старший преподаватель УлГУ, ведущий специалист Научно-исследовательского центра «Регион». Научные интересы: социология труда, социология управления, организационная культура и идентичность.

Яна Крупец

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, заместитель директора Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ. Научные интересы: исследования молодежи, исследования труда и занятости, качественная методология, экономическая социология, социальные исследования тела.

Евгения Лукьянова

научный сотрудник Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ, председатель УОО «Соцарт» в Ульяновске. Научные интересы: социология молодежи, экономическое поведение молодежи, исследования адаптации мигрантской молодежи.

Елена Омельченко

доктор социологических наук, профессор департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, директор Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ. Научные интересы: молодежные культуры и субкультуры, молодежное потребление, историческая память и молодежь, поколения, гендерные аспекты молодежных культурных практик, сексуальность, качественная методология, профессиональная этика социолога.

Станислав Пашков

студент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, лаборант Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Научные интересы: экономическая социология, социология финансовых рынков, качественные и количественные методы в социологии.

Елизавета Полухина

кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, доцент социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: методология и методы социологического исследования, историческая память, социальная мобильность, жилищная политика.

Елена Рождественская

доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИС РАН. Научные интересы: качественная социология, биографический метод, социология семьи и гендера, визуальная социология, историческая память.

Гюзель Сабирова

кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, заместитель директора Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ. Научные интересы: молодежные культуры, миграция, этничность, религиозная идентичность, культурное многообразие в городе, качественная методология.

Виктория Семенова

доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИС РАН, профессор социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: методология и методика качественных исследований, социальные проблемы поколений, социокультурные изменения, историческая память.

Анна Стрельникова

кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник ИС РАН, доцент социологического факультета ГАУГН. Научные интересы: социология города, социальная мобильность, методология и методы социологических исследований, экономика и социология Интернета.

Павел Сушко

аспирант, младший научный сотрудник ИС РАН, магистрант Института демографии НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология молодежи, социология села, социальная структура, социальная мобильность, качественная социология.

Abstracts and key words

Social mobility of youth in the focus of triple reflection

Elena Omelchenko, Guzel Sabirova, Yana Krupets

The article presents an analysis of career mobility of «portfolio» young workers of St. Petersburg, based on one case: a biographical interview with 30-year-old employee of large Internet company. The text of the article is a methodological experiment of combination of several genres of writing: academic writing, the researchers' comments, and research reflection.

Keywords: career mobility, youth, portfolio career, reflexivity

Working career: success or failure? The perception of workers' status in family context

Natalya Kremneva, Evgenya Lukyanova

The article examines the perception of young workers' social status. It shows that the current space of working professions is very diverse. There is space for outsiders as well as for successful positions. It also examines the opinion of parents about children's choice of working professions, and their assessments of life. We provide an analysis of achieving success through working professions, as well as an examination of a role of labor characteristics in perception of social success. The special attention is given to the value of higher education as to a resource of mobility, and its role in life strategy of young workers. Article emphasizes the intergenerational differences.

Keywords: youth, workers, professional strategies, representations of social success, intergeneration mobility

Social mobility and its spatial projections: moving as significant event in the biographical narration

Anna Strelnikova

In this article the author examines moving houses (from one living place to another) as projections of social mobility. The relationship between geographical movements and the processes of social mobility is subjectively perceived as important and affecting the trajectory of life. Author assumes that mobility is the key factor of accumulation and structuring respondent's experience and it is applied to personal and family biographical stories, and evaluating of life success.

Keywords: biography, mobility, social mobility, geographical mobility, spatial practices, life course

Housing trajectories of Moscow families in the XXth century as the object of secondary biographical analysis

Elizaveta Polukhina, Alexandra Goriainova

The empirical data of this article include interviews with 21 families, which were collected in 1992–1994 in Moscow in the project «Paths of generations in Russia». Basing on secondary analysis, we constructed families' trajectories of housing mobility and classified them into three types: professional moves, educational moves, and unstable housing situation caused by war evacuations.

Key words: housing mobility, housing trajectories, family history, Moscow, XX century, biographical interviews

Everyday mobility study of town dwellers with children: application of mixed method research strategy

Mariya Balakireva

The article describes applying the mixed methods research strategy during the study of everyday mobility. Using quantitative survey and the thematic walk-based interviewing method, the author analyzes spatial practices of mothers with children. The author formulated the characteristics of adaptive urban environment for families with children as well as made methodological conclusions about capacity of mixed methods research strategy.

Key words: spatial practices, everyday mobility, friendliness of urban space, mixed methods research

Success in rural or how to take «the bull by the horns»: a model of life success for rural youth

Pavel Sushko

Empirical part of the research is based on 25 biographical interviews with 25 representatives of youth from Krasnodar Region rural areas. The article examines concept of «life success» from the perspectives of rural youth, highlights the main criteria and characteristics of success, and emphasizes the importance of these concepts for the analysis of social mobility processes. It is noted that for young villagers, distinguishing of the main ways to move in the hierarchy of social positions it is possible only in the situation when various aspirations of young people from villages, their facilities associated with the future are taken into consideration. The key criteria of success are also identified in the research in order to emphasize their role in assessing the level of personal aspirations of the individual, as well as its potential for mobility. Certain types of rural youth have different models of life success, according to which they select specific channels of social mobility and build life strategies.

Keywords: life success, village, youth of rural areas, lifestyle, social mobility, social-structural changes

Mobile methods: movement as a part of research strategy

Konstantin Glazkov, Anna Strelnikova

In this paper we regard exploratory abilities of mobile methods, in which movement is a part of research strategy. Authors suggest that «mobility» (movability) becomes a key characteristic of individuals and communities as objects of sociological investigation. Accounting this fact, we turn to searching and mixing methodological receptions allowing to «catch» a respondent: to participate in her / his spatial practices and movements together (or in the same conditions). As an illustrative material, we use results of empirical research «Ingress: urban mobile quest».

Key words: urban space, mobility, space practices, mobile methods, mixed methods research, mobile quests

University symbols in students' perception

Pavel Demin, Stanislav Pashkov

The article discusses the role of university symbols as part of the organizational culture and the students' perception of the symbolic content of broadcast ideas and values. Outlines key attributes of real organizational character, its specificity and basic communication functions. The article, based on the analysis of the interviews, examine the conditions and circumstances of adequate or inadequate assessment of semantic meaning of particular elements of corporate symbolics.

Key words: logotype, symbol, university, corporate values, corporate culture

Controlled chaos — from the theory towards the practice of Russian province

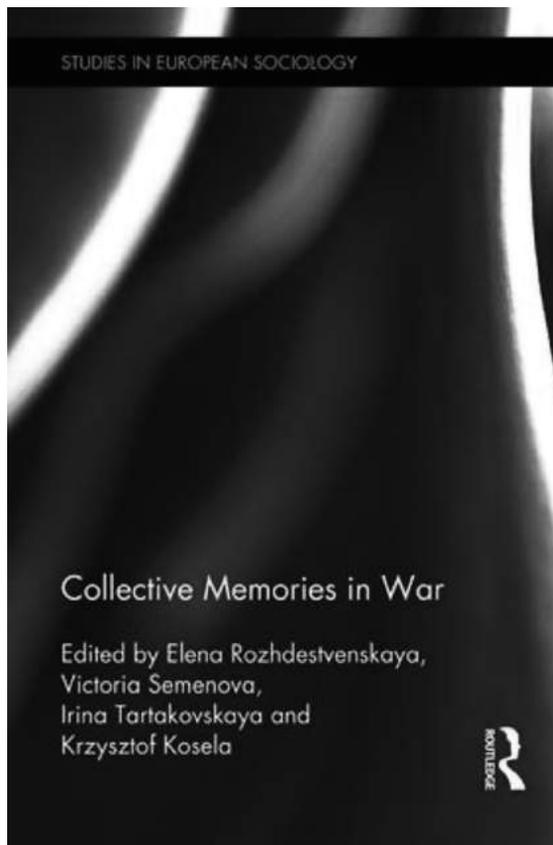
Olga Kazmina

The author discusses the problem of social chaos in the context of contemporary practices of production and «discard» of risks into environment and social milieu on the example of interactions between corporation Ural Mining and Metallurgical Company (UGMK) and local communities, residing in Novokhopyorsky District in Voronezhskaya Oblast. The author provides an analysis of social strategies of achieving the goals of economic domination and privatization of territorial management, as well as examines the potential consequences of these strategies' realization.

Key words: controlled chaos, social and ecological risks, trust, social strategies, social discretization, deprivation

Книги на рецензирование

Collective Memories in War / Ed. by Elena Rozhdestvenskaya, Victoria Semenova, Irina Tartakovskaya, Krzysztof Kosela. London: Routledge, Taylor & Francis Ltd, 2016. Pp. 196. ISBN 978-1-1389-3548-8.

About the Book. This edited collection offers an empirical exploration of social memory in the context of politics, war, identity and culture. With a substantive focus on Eastern Europe, it employs the methodologies of visual studies, content and discourse analysis, in-depth interviews and surveys to substantiate how memory narratives are composed and rewritten in changing ideological and political contexts. The book examines various historical events, including the Russian-Afghan war of 1979–89 and World War II, and considers public and local rituals, monuments and museums, textbook accounts, gender and the body. As such it provides a rich picture of post-socialist memory construction and function based in interdisciplinary memory studies.

Требования к рукописям, подаваемым в журнал

1. К рассмотрению принимаются неопубликованные ранее статьи.
2. На первой странице — полное название статьи. ФИО, места работы, ученые степени, звания, должности и адреса электронной почты авторов на русском и английском языках.
3. Аннотация — краткое резюме содержания статьи (не более 150 слов) и ключевые слова (5–7 слов) на русском и английском языках.
4. Если статья подготовлена при финансовой поддержке фонда/организации, то это следует указать в первой сноске внизу страницы.
5. Текст статьи должен быть набран шрифтом Times New Roman, 12 кеглем, 1,5 интервалом. Он должен содержать разделы и подразделы.
6. Сноски делаются постранично арабскими цифрами.
7. Цитаты интервью берутся в кавычки и выделяются курсивом. Диалог между интервьюером и респондентом оформляется без кавычек. В круглых скобках указываются социальные характеристики респондента и дата проведения интервью.

Примеры:

«Здесь мы жили, Черемушки. Здесь работа дядина, я знала, что она на севере. Но вот, собственно, и все. Больше я ничего в Москве не знала» (ж., 52).

Интервьюер: Почему сегодня Вы пришли к Вечному огню?

Респондент: Решили прогуляться с дочерью, в Александровский сад зайти, показать ей памятник, а все перекрыто.

И.: Как Вы празднуете День народного единства?

Р.: Весело и с песнями! (ж., 32 года, технолог швейного производства, среднее техническое образование, 4.11.2013).

8. Ссылки внутри текста оформляются в круглых скобках. Внутри пишется фамилия автора, год и номер страницы. Между номерами нескольких страниц ставится тире «—». Примеры: (Сорокин, 2004, с. 107–108), (Habermas, 1992, p. 1).
9. Список цитируемой литературы помещается в конце статьи в разделе «Литература». Источники, не упоминаемые в статье, в список литературы не включаются.
10. Список литературы оформляется в соответствии со стандартом.

Статья в периодическом издании:

Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.

Amin A. Collective Culture and Urban Public Space // City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action. 2008. № 1 (12). P. 5–24.

Статья в сборнике или монографии:

Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

Thorne S.E. The Implications of Disciplinary Agenda on Quality Criteria for Qualitative Research // The Nature of Qualitative Evidence / Ed. by J.M. Morse, J.M. Swanson, A.J. Kuzel. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. P. 141–159.

Книга:

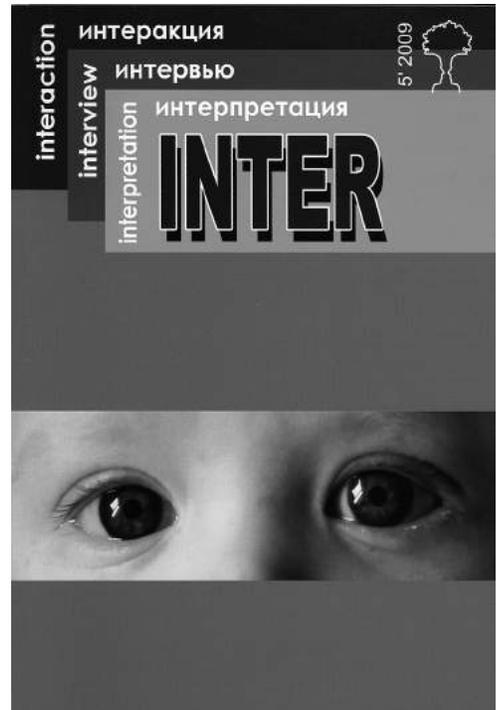
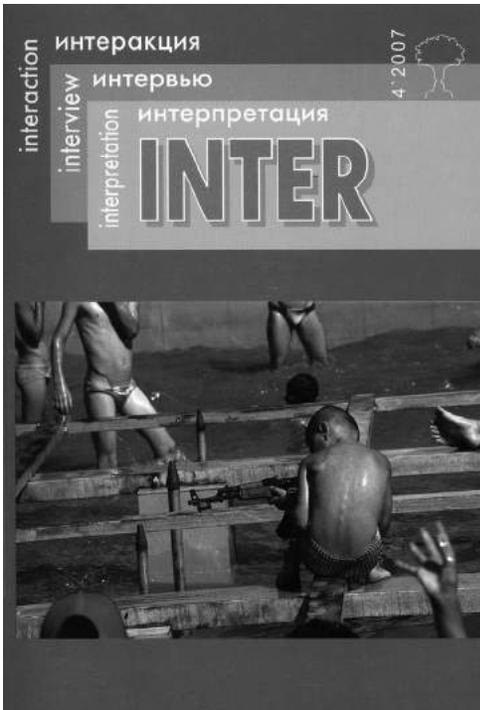
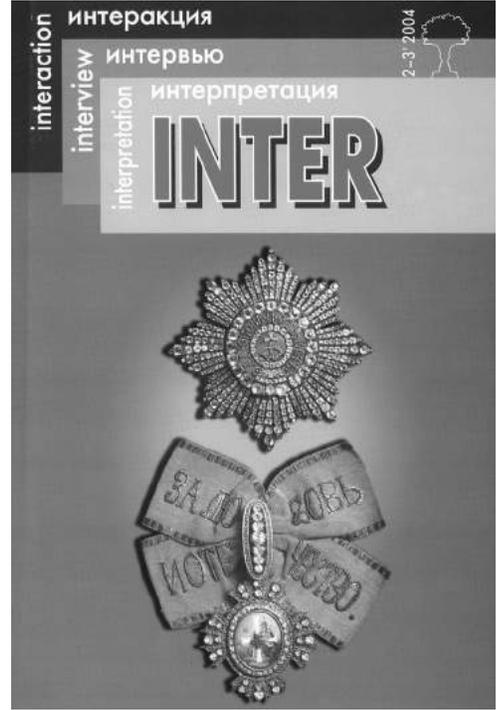
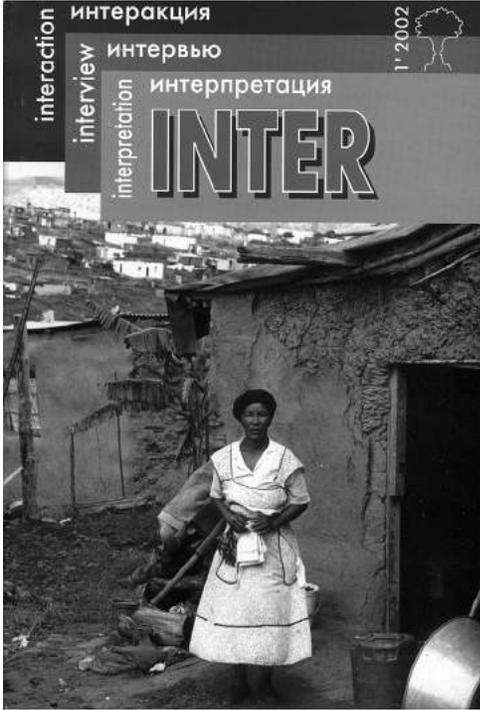
Кабаков И.И. 60–70-е... Записки о неофициальной жизни в Москве. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

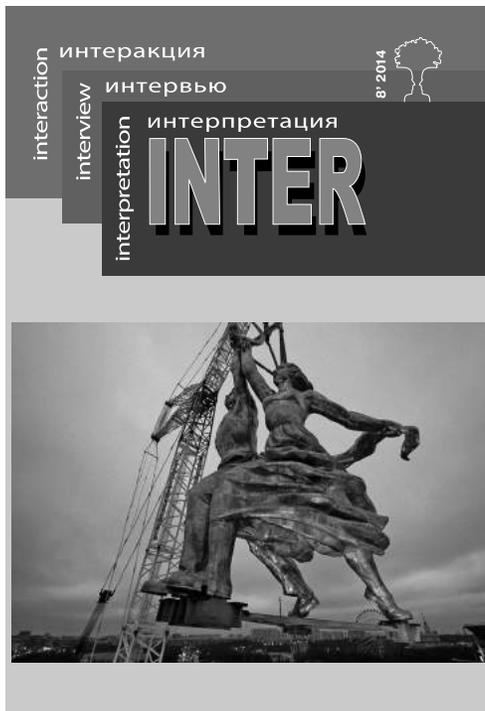
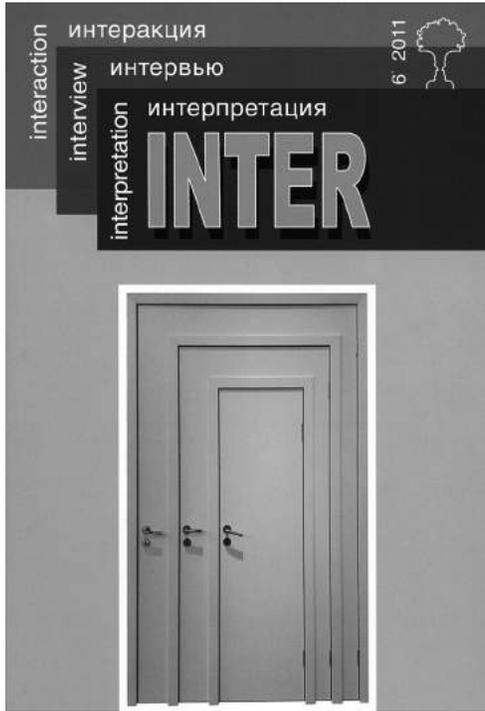
Flick U. An Introduction to Qualitative Research. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2006.

Источник в Интернете:

Россия греется у вечного огня. Обсуждение на форуме. Электронная версия. URL: http://clubs.ya.ru/4611686018427394590/replies.xml?item_no=204093 (дата обращения: 08.04.2014).

Вечный огонь в Александровском Саду проверяют каждый месяц // Москва-24. 2013. 30 августа. URL: <http://www.m24.ru/videos/27506?attempt=1> (дата обращения: 08.04.2014).

Журнал можно приобрести в редакции или заказать по пересылке.

Адрес редакции:

117259 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Тел.: (499) 128-86-18

Факс: (495) 719-07-40

e-mail: rusica@isras.ru

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без разрешения редакции.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, радиовещания и средств массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № 77-9679)

ISSN 2307-2075

Учредители:

Институт социологии РАН

Российское общество социологов

Над номером работали:

Выпускающий редактор *Александрина Ваньке*

Корректор *Виктория Камышан*

Оригинал-макет *Виталий Кудымов*

Подписано в печать 09.12.2015. Формат 70×100^{1/16}.

Гарнитура «Pragmatica». Печать офсетная.

Тираж   экз. Заказ №   .